

#Ричард Сапир, Уоррен Мерфи. В объятиях Кали#

Дестроер

"The Arms of Kali", перевод В. Бернацкой

#Глава первая#

Он доставил ее домой из аэропорта и отказался от вознаграждения. И от куска глазированного торта тоже, и от чашки чая, которую любезно предложила ему пожилая женщина.

Он хотел только одного – поскорее накинуть ей на шею бледно-желтый платок, и вот тут уж не стерпел бы отказа. А накинув, поспешил затянуть до предела.

Чикагская полиция обнаружила труп утром. Чемоданы не были распакованы. Следователю по криминальным делам показалось, что он уже сталкивался с подобным преступлением, ему также припомнилось, что он вроде бы читал о похожем случае в Омахе: там тоже задушили авиапассажира, не успевшего даже распаковать вещи.

Следователь позвонил в Вашингтон и попросил соединить его с отделом справок ФБР, чтобы выяснить, не прослеживается ли тут некая закономерность.

– Убитая летела самолетом авиакомпании Джаст Фолкс? – задал вопрос сотрудник ФБР.

– Да.

– Может, познакомилась с кем-нибудь в самолете? С молодым интересным мужчиной, к примеру?

– Этого мы пока не знаем, – ответил следователь.

– Ничего, скоро узнаете, – пообещал человек из ФБР.

– Ага, значит это не первый случай? – воскликнул следователь. – Прослеживается почерк убийцы?

– Вы попали в самую точку, – признал сотрудник ФБР.

– А масштаб преступлений? Локальный? Или национальный?

– Национальный. Ваша жертва – уже сто третья.

– Как? Убиты сто три человека? – ужаснулся следователь. Перед его глазами все еще стояла задушенная старая женщина. Разграбленная квартира, раскрытая сумочка, перевернутая мебель. И еще более сотни людей вот так же встретили свой конец? Не может быть, подумал он. – Но ее ограбили, – сказал вслух следователь.

– Все сто три человека ограблены, – заявил сотрудник ФБР.

Сто четвертый.

Альберт Бирнбаум был на седьмом небе. Он встретил человека, который не просто из вежливости слушал его рассуждения о розничной продаже скобяных изделий, но буквально ловил каждое слово.

Его покойная жена Этель, упокой Господи ее душу, часто говорила: Эл, никому не интересно слушать о нарезках на шурупах в три четверти дюйма.

– Однако благодаря этим шурупам ты каждый год зимой проводишь две недели в Майами-Бич, и...

– ...имею ранчо в Гарфилд-Хайтс, и кругленькую сумму в банке, и могу дать образование детям. Я это слышала много раз, но другим это слушать неинтересно. Даже один раз. Альберт, солнышко мое, любимый, в разговоре о шурупах – даже в три четверти дюйма – нет шика.

К сожалению, она не дождалась до дня, когда ей пришлось бы отказаться от своих слов. Ведь Альберт Бирнбаум встретил молодую женщину, розовощекую красотку, белокурую, с невинным взором голубых глаз и небольшим вздернутым носиком, которая восторженно внимала его рассказам о торговле скобяными изделиями. Ее интерес был неподдельным.

Альберт подумал было, что, возможно, он ее заинтересовал как мужчина. Однако он знал себе цену и не мог долго заблуждаться на этот счет: чтобы его заполучить, ни одна столь хорошенькая девушка, как эта, не стала бы выслушивать рассказы о розничной торговле скобяными изделиями.

Она летела в Даллас тем же самолетом компании Джаст Фолкс, что и он, их места оказались рядом. Удобно ли ему в этом кресле? – спросила женщина. Да, ответил он, удобно, насколько возможно, если летишь не первым классом. Но, учитывая значительную более низкую стоимость билета, полет просто великолепен. Ее ведь не стошнило от сэндвича и шоколадки, которые разносили в пути. А ведь говорят: Купи дешевый билет, и тебе принесут дешевую пищу, которая вывернет тебя наизнанку.

– Вы всегда такой? – спросила она. – Настоящий философ. Даже из обычного

авиарейса вы умудряетесь извлечь и преподать полезный урок.

- Не надо громких слов, - сказал он, - Жизнь - это жизнь, не так ли?

- Прекрасно сказано, мистер Бирнбаум. Именно это я и имела в виду. Жизнь - это жизнь. В ней есть величие. Она громко заявляет о себе.

- Вы мне льстите, - сказал Эл Бирнбаум. Ему было тесно в кресле, жало в боках. Но он относился к этому философски: в его возрасте не тесно только в креслах первого класса. Но платить лишние пятьсот долларов он не собирался - лучше потерпеть. Однако вслух свои мысли он не высказал, девушка могла не заметить - во всяком случае в сидячем положении - его округлившейся за последние годы талии, так зачем же торопить события? Когда встречаешь такую хорошенькую девушку, можно позволить несколько приукрасить свой взгляд на жизнь.

Но только заговорив о скобяных Товарах, Эл Бирнбаум понял, что встретил наконец человека, который не притворяется, а действительно заинтересован в этом, столь важном для него, предмете. Вы бы видели, как она слушала! Огромные голубые глаза взирали на него с неподдельным интересом, слова ее были столь же искренними.

- Вы хотите сказать, что основную прибыль скобяным лавкам приносит торговля этими маленькими Шурупами в три четверти дюйма? Я всегда беру их всего несколько штук и каждый раз прошу у продавца извинение, что побеспокоила его из-за такой малости. Неужели именно эти шурупы?

- Шурупы, гвозди, шайбы, - сказал Эл Бирнбаум:

- На них держится скобяная торговля. Шестьдесят, нет, все шестьдесят пять процентов продаж составляют они, и нет нужды беспокоиться, что на следующий год они выйдут из моды или вместо них изобретут что-то другое. А цена-то обязательно вырастет! Шурупы и гвозди - основа скобяной торговли.

- Ане разные крупные приспособления? Не на них, выходит, делают деньги?

- Да пропади они все пропадом! - в сердцах произнес Эл Бирнбаум. - Вы предлагаете, к примеру, какую-нибудь штуковину ценою шестьсот долларов, на ней видят царяину и отказываются брать. Товар бракуется. Вы прощаетесь с ним - выставляете как образец на витрину или продаете как утиль. А потом подводите итоги. Вы ведь не можете конкурировать с магазинами, где торгуют по так называемым сниженным ценам. Я видел как-то в одном из них сушильную печь, которая продавалась на пятьдесят семь центов дороже, чем я покупал оптом.

- О, боже, - изумилась девушка, прижав руки к груди.

- На пятьдесят семь центов, - повторил Эл Бирнбаум. - Наценка на вещь, стоимость которой сто пятьдесят долларов.

Девушка чуть не расплакалась при этих словах. Да, Эл Бирнбаум встретил сокровище, и вся беда была в том, что он не мог представить себе достойного ее мужчину. Именно это он ей и сказал.

- О, мистер Бирнбаум, вы так любезны.

- Дело не в этом. Вы необыкновенная девушка. Жаль, что я не молод.

- Мистер Бирнбаум, вы самый милый из всех мужчин, которых я знаю.

- Да что уж, - смущенно произнес Эл Бирнбаум. - Не говорите так.

Но ему было приятно.

Позже, уже на земле, когда у девушки возникли трудности с багажом, Эл Бирнбаум вызвался ей помочь. Эл Бирнбаум никогда не оставил бы приличную молодую девушку в затруднительном положении одну. Он не бросил бы в беде даже неприятного ему человека, так почему не помочь милой юной девушке, которая не знала, как добраться до Далласа, где жил ее жених? Бирнбаум нашел ей такси. Поехал с ней вместе. И даже сказал, что охотно познакомится с ее женихом.

- Мне бы тоже хотелось этого. Уверена, он вам понравится, мистер Бирнбаум. Он тоже подумывает заняться скобяным бизнесом, и ему будет полезно посоветоваться с опытным человеком.

- Передайте ему от моего имени, что дело это тяжелое, но честное.

- Вы сами все скажете. Никто не знает столько, сколько вы.

- Он должен быть очень осторожен при покупке товара. Корея и Тайвань обгоняют нас, американцев.

- Ни слова больше. Сами расскажете. Такие знания, как у вас, не купишь ни за какие деньги.

- Купить можно все, - ответил Эл Бирнбаум. - Но толку от этого не будет.

Ему понравился собственный ответ.

Жених девушки жил в одном из самых захудалых районов города, а в квартире практически отсутствовала мебель. Эл Бирнбаум прикинул, удобно ли предложить молодым людям помощь в поисках более пристойного жилища. Но тут нужно быть осторожным. Милую юную пару можно легко оскорбить тем, что с квартирной платой

он поможет.

Он уселся на деревянный ящик, в глаза ему бил не смягченный абажуром резкий свет электрической лампочки, в воздухе стоял застарелый запах кофе и еще пахло плесенью; казалось, квартиру не убирали год или даже два. Он вспомнил, что в дверях не было ключа. Значит, это брошенная квартира. Им негде жить. Он решил, что обязательно им поможет.

Сзади послышались шаги. Обернувшись, Эл Бирнбаум увидел незнакомого чисто выбритого юношу с желтым платком в руках. Растянув платок между руками, он скручивал его в веревку.

- Простите, - сказал молодой человек, - можно накинуть его вам на шею?

- Что... - начал было Эл Бирнбаум и тут же почувствовал, как чьи-то руки обхватили его колени, стаскивая с ящика, в то время как другие ухватили его за правое запястье. Эти руки принадлежали девушке. Она всем телом навалилась на правую руку, а левую ему заломили назад, и светло-желтый, скрученный в веревку платок обвил его шею.

Платок затягивался все туже. Сначала появилось неприятное, болезненно-режущее ощущение - и он подумал: ну, ничего, с этим я еще справлюсь.

Он пробовал крутить головой, но они не отпускали его. В отчаянной попытке глотнуть хоть немного воздуха - обреченной на неудачу попытке - он сделал глубокий вдох, и поняв, что воздух не поступает в легкие, почувствовал мучительное, страстное желание ощутить последний раз вкус кислорода. Ради Бога, только один глоток! Выполните мою просьбу, и я сделаю все, что хотите.

А эти люди пели. Он умирал, а они пели. До него доносились странные, неведомые ему созвучия. Они пели не на английском языке. Может, он уже не различает слов? Неужели ему так плохо?

По комнате расплзался мрак, он закрадывался и в его сознание, окутывал бьщееся в конвульсиях и мучительно жаждущее глотка воздуха тело.

И тут он услышал первую фразу на английском языке.

- Теперь Она довольна.

А потом, уже в полной темноте, глубоком мраке, у него - вот странно-то - отпала потребность дышать, в душе воцарились покой и свет, и тогда-то он и увидел Этель, она ждала его, и ему вдруг стало ясно, что теперь никогда он не сможет наскучить ей разговорами о скобяных товарах. Никогда больше она не заскучает - столь велика ее радость от встречи.

Где-то в отдалении послышался голос, он словно обещал: Им не сойдет это с рук, этим безумцам, заигрывающим с богами смерти.

Но Бирнбаума уже не волновали земные проблемы: так хорошо было ему в этом царстве света. Не хотелось даже говорить о скобяной торговле. Он был полностью счастлив, и счастье это обещало длиться целую вечность.

#Глава вторая#

Его звали Римо, и ему дали неисправное оборудование для погружения под воду. Его хотели убить. Он понял это еще до того, как катер спустили на воду недалеко от отеля Фламинго на Бонэре - равнинном острове, жемчужине Антильских островов.

Зимой американцы и европейцы стекались сюда в поисках тепла, чтобы поплескаться в бирюзовой воде и поглазеть на рыб у карибских рифов, давая возможность рыбам в свою очередь поглазеть на них.

Туризм был основной статьей дохода островитян, но кто-то всегда недоволен и хочет большего. Поэтому довольно скоро Бонэр стал промежуточным лагерем на кокаиновом пути в Соединенные Штаты; на острове скопилось много денег, и появились люди, готовые убивать - только бы не потерять свои капиталы. Местная полиция вдруг вся исчезла, исчезли и детективы из Амстердама, но когда пропали и все американские представители на острове, США заявили, что дело это так не оставят.

На этом все вроде бы и закончилось. На остров не высадилась следственная комиссия, и не прибыли представители разведки. Никто в самой Америке толком не понял, что же посулила американская сторона. Помнили только, что дела так не оставят.

Один высокопоставленный американец высказал в беседе с губернатором Бонэра, своим другом, следующее соображение:

- Помнится, раньше тоже такое случалось. Иногда тут было замешано ЦРУ, иногда ФБР или секретные службы. Казалось, все - ситуация вышла из-под контроля. И тогда кто-нибудь говорил: Хватит, забудем об этом. Теперь за дело возьмутся другие.

- И что же? - спросил губернатор Бонэра с непередаваемым акцентом жителя

острова, в котором слились звуки голландского и английского языков, а также африканских диалектов.

- Ситуация выправлялась.
- Благодаря кому?
- Понятие не имею.
- Секретным агентам?
- Право, не знаю.
- Но что-то должно быть, - упорствовал губернатор.
- Вряд ли нечто обычное, о чем мы имеем представление.
- Тогда что же? - настаивал губернатор.
- Я слышал про одного человека, который предположил, что бы это могло быть, - сказал высокопоставленный американец.
- Так что? - торопил его губернатор.
- Больше ничего, - ответил американец.
- То есть как? Вы слышали о ком-то, кто предположительно знал, каким образом Америка вышла из тупиковой ситуации, и больше ничего? Кто он был?
- Не знаю точно. Слышал - вот и все, - отнекивался американец.
- Но почему вы не выяснили все до конца? - спросил губернатор.
- Мне сказали, что большой палец этого человека нашли на одном континенте, а указательный - на другом.
- Только потому, что он знал? - спросил губернатор.
- Думаю - хотя не уверен в этом - он только пытался узнать, что это такое и кто с этим связан.
- Вы даже не уверены? - спросил губернатор раздраженно: американец слишком мало знал о предмете разговора. - Вы не знаете, кто занимается всем этим. Вы не знаете, что эти неизвестные делают. Так что же вы, простите, знаете?
- Только одно: если Америка заявляет, что ваши проблемы будут решены, так оно и будет.
- И больше ничего?
- Скоро повалятся трупы.
- Но у нас здесь нет высоких мест.
- Все равно смотрите под ноги.

Время шло, но ничего необычного не происходило. Съезжались все те же туристы на обычный летний отдых, и никто не обращал внимания на еще одного незагорелого человека, примерно шести футов росту, широкоскулого, с черными, как уголь, глазами и широкими запястьями. А они могли бы заметить, что за проведенные на острове три дня он ел лишь однажды: то была миска риса - непривычная для летнего сезона еда.

Кто-то обратил внимание, что приезжий не пользуется лосьоном для загара. Не было никакого сомнения: он попадет в больницу, его привезут туда красного, как рак. Но сколько бы он не проводил времени на солнце, он не обгорал и даже не темнел, и тогда все дружно решили, что у приезжего есть особый, не пропускающий ультрафиолетовые лучи лосьон, - правда, никто не видел, чтобы он его втирал. Лосьон, видимо, был бесцветный.

Одна служанка, исповедующая религию предков и поклоняющаяся древним африканским богам столь же пылко, как и Иисусу Христу, решила-таки выяснить, каков на самом деле этот лосьон, что не блестит на солнце и не похож на кольдкрем, который накладывается толстым слоем на кожу. Она хотела коснуться незнакомца пальцем и узнать наконец, что предохраняет его от загара. Позже она клялась, что у нее так ничего и не получилось. Как только она приближала к приезжему палец, кожа его начинала шевелиться и плоть отодвигалась, не давая коснуться себя.

Служанка знала заклятья вуду, умела провидеть будущее и предупредила всех, кто прислушивался к ее словам: если не делать белокожему человеку зла, бояться нечего. И еще она сказала, что он всемогущ.

Но она была всего лишь служанкой в гостинице, и потому те, кто побогаче и познатнее, пропустили ее слова мимо ушей. Они дружно решили, что этот человек - американский агент или что-то вроде того. Не зря он посетил хижины с наветренной стороны острова, где прежде жили рабы, пытаясь заключить сделку, - слишком крупную, чтобы в нее можно было поверить. И задавал вопросы, какие обычно дельцы не задают. Он прямо-таки напрашивался на пулю. Люди, которые делают по миллиону долларов в неделю, не обращают внимания на глупые слова какой-то служанки. Не причинять ему зла? Как бы не так! Как раз это они и собирались сделать. А когда он записался на морскую экскурсию, включающую и плавание с аквалангом, стало

ясно, каким образом его легче всего убрать.

Облокотившись на борт катера, Римо бросил взгляд на ярко-желтые баллоны с кислородом, похожие на огромные винные бутылки в плетенках. Один из них должен принести ему смерть. Римо не знал, как именно это должно случиться, и даже попытайся кто-нибудь объяснить ему механическую сторону задуманного убийства, он вряд ли понял бы. Вечно с этой техникой что-нибудь случается, а за последнее время она работает все хуже и хуже.

Но то, что один из баллонов несет смерть, Римо знал наверняка. Он понял это по тому, как обращался со смертоносным баллоном инструктор по подводному плаванию. Римо учили распознавать приближающуюся опасность, и знание так глубоко проникло в его существо, что, казалось, он умел это всегда.

Инструктор обращался с этим тяжелым баллоном точно так же, как и с остальными пятнадцатью. Ноги согнуты в коленях, руки прижаты к телу – он несет его и – бум – опускает металлический баллон на деревянную палубу. Так как же Римо понял?

Как узнал он, что в третьем справа баллоне поселилась смерть? А как узнал, что без умолку болтавший спортсмен из Индианы, утверждавший, что он член клуба подводного плавания и потрясавший допьем для охоты под водой, никогда не держал прежде этого оружия? Может, мужчина слишком много рассказывал о том, как вырваться из объятий осьминога? Значит, быстрый громкий треп подсказал Римо что к чему? Может, так?

Нет. Другие тоже громко говорили, не уступая спортсмену из Индианы, но про них Римо знал, что они умеют обращаться с подводным оружием и уже применяли его в деле. Здесь, на катере, под знойным карибским солнцем, Римо задался вопросом, каким образом он узнает такие вещи, и был вынужден признать, что уже не знает. Так высок был класс обучения. А если бы дела обстояли не так, если бы знание приходило к нему после обдумывания, возможно, его давно уже не было в живых.

Те, которым предстояло его убить, находились сейчас на противоположных концах катера – один – на носу, рядом с капитаном, другой – на корме, откуда происходило погружение, он перешучивался с молодой женщиной, которая намеревалась его соблазнить. Они плыли около двадцати минут, пока не достигли островка, такого же плоского, как и тот, откуда они прибыли.

– Мы находимся на маленьком Бонэре, здесь лучшая в мире подводная охота. Потрясающее разнообразие морской фауны, – трещал инструктор.

Он упомянул также о паре живущих тут гигантских морских ангелов, которые берут у туристов пищу из рук. И предостерег от крупных мурен. Он видел их здесь много раз, одну даже прозвали Джозефом.

– Но она на кличку не отзывается, – прибавил со смехом инструктор.

Римо тоже засмеялся. И посмотрел на мужчину, стоявшего на корме. Тот тоже смеялся, показывая золотой зуб, торчащий у него во рту на самом виду, и в упор глядел на Римо.

Инструктор, напротив, смотрел совсем в другую сторону. Интересно, подумал Римо, как люди по-разному проявляют внимание к своей жертве.

Инструктор, конечно же, вручил Римо третий баллон. Римо позволил инструктору закрепить баллон на своем теле и выслушал рекомендации, как увеличивать и уменьшать подачу кислорода. Римо поспешил заверить инструктора, что он не новичок в этом деле, и это было правдой, только он давно не опускался под воду и все позабыл. Впрочем, это было неважно.

С баллоном на спине и лапами на ногах, Римо взял в рот кислородную трубку и прыгнул в кристально-чистые воды Карибского моря. Он заставил себя погрузиться сначала на обычную для человека глубину, прибавил немного, потом еще. И, наконец, резко пошел вниз. Оказавшись на глубине десятиэтажного дома, он, перерезав шланг, выпустил из баллона газ – небольшими порциями, имитируя человеческое дыхание. Пузыри, словно белые воздушные шары, медленно поплыли вверх, к раскинувшейся над Римо огромной серебристой крыше.

Последовавшие за ним ныряльщики вели себя более осторожно, проверяли, как подогнано снаряжение, уравнивали давление воздуха в легких и давление воды, больше полагаясь, в отличие от Римо, на датчики и приборы, чем на собственные ощущения. А ведь люди вышли в свое время из моря, и их кровь в основе своей – морская вода. Приспособившись к новым условиям, ощущая в своем худошавом теле, оказавшемся на глубине ста футов под водой, гармоническое единство с водной стихией, Римо почувствовал, как пульс его все более замедляется. Замерев, как акула в пещере, он не просто пребывал в море, а стал его частью.

Две желтые рыбы подплыли к этому странному существу, которое вело себя так, словно всегда обитало в море, и, видимо, признав в нем своего, мирно продолжили

свой путь. Римо видел, как задрожали их спинки, когда они проплывали сквозь все еще идущие из баллона пузыри воздуха. Они бешено заметались из стороны в сторону, затем затихли, словно оглушенные, и всплыли на поверхность.

Значит, в баллоне был ядовитый газ, смекнул он. Раз вдохнув его, он был бы уже мертв. И тогда Римо раскинул безвольно руки, открыл рот, выпустив трубку, и начал медленно всплывать, подобно трупу – так только что всплыли две желтые рыбы.

Двое убийц перехватили его по пути, удержав за запястье, и повлекли за собой вниз – одиннадцать этажей, тринадцать, шестнадцать, они опустились почти на двести футов, где сама мысль о том, что где-то есть солнечный свет, казалась невозможной.

Они втянули его за собой в темную вулканическую пещеру через отверстие шириной в дверь и высотой в собачью будку. Убедившись, что тело не застряло и прошло в пещеру, убийцы повлекли его вверх в полной темноте, прорезаемой лишь светом фонариков.

Римо услышал всплеск и тут же почувствовал, что вода стекает с его тела. Видимо, они находились в подводной пещере с независимым источником воздуха, решил он. Мужчины свалили тело на скалистый выступ, не выпуская изо рта кислородные трубки. К этому времени Римо уже знал, почему они так поступали. Он кожей чувствовал, что воздух тут отдавал смертью. Здесь пахло тленом, здесь, в подводной пещере, гнили трупы людей. Римо по-прежнему удерживал дыхание.

Так вот где находились останки исчезнувших с Бонэра людей! Именно сюда доставляли их торговцы наркотиками. Фонарик выхватил из темноты кипу тюков в темно-синей пластиковой упаковке. Наркотики. Здесь, на этом подводном кладбище, находился и склад наркотиков.

Оставив тело Римо лежать на каменном выступе на радость рыбам, ожидающим свежей пищи, мужчины потянули было один из синих тюков, но тут же отпустили его, потому что их крепко ухватили за руки.

Римо держал их мертвой хваткой.

Прежде чем они успели нырнуть под воду и уйти, они услышали голос Римо:

– Мне очень жаль, ребята. Но вам придется задержаться.

Пораженный до глубины души человек с золотым зубом раскрыл от изумления рот. Кислородная трубка выпала, а он, машинально продолжая дышать, набрал полные легкие ядовитого настоя. Он поперхнулся, его начало рвать, он потянулся, чтобы вытащить из воды свою трубку, но Римо дал ему хорошего пинка, и тот ушел под воду. Пузыри, забулькавшие на поверхности воды, поведали, что трубку он не нашел. Скоро прекратилось и бульканье.

Глядя прямо в расширившиеся от страха глаза инструктора – это было видно даже под маской – Римо отчетливо произнес:

– У нас с вами есть о чем поговорить. Вы согласны?

Маска услужливо закивала, тем более поспешно, что Римо продолжал сжимать запястье инструктора.

– Видите ли, если я задержусь здесь, мне грозит разве что скуки, – сказал Римо, отбрасывая ненужный уже баллон, в котором прежде был ядовитый газ. – У вас положение несколько иное. Вам в этом случае смерти не избежать.

Инструктор снова согласно закивал. Внезапно в его руке блеснул нож. Римо с легкостью перехватил кинжал в воздухе и бросил на камни, дабы беседа более не прерывалась.

– Так как же мы справимся с нашими проблемами? Что мне делать с моей скукой и вашей жизнью?

Инструктор скорбно покачал головой, показывая, что не знает, как быть. Он шумно заглатывал кислород через трубку.

– Я, пожалуй, знаю, что делать, – сказал Римо, подняв для выразительности указательный палец. – Скажи мне, кто твой хозяин.

На глаза инструктора навернулись слезы. Его дыхание стало еще более шумным.

– Боишься, что он убьет тебя?

Мужчина кивнул.

– Я уничтожу его, и он не сможет убить тебя. Инструктор сделал неопределенное движение рукой, оно могло означать все, что угодно.

– Один слог или два? – спросил Римо. – Звучит как?..

Инструктор сделал еще один отчаянный жест.

– Расскажешь мне все на берегу?

Инструктор кивнул.

– И о друзьях своего, считай уже покойного, хозяина?

Инструктор кивнул снова.

- Тогда давай выбираться отсюда. Ничего здесь хорошего нет. Даже на острове получше.

На катере все решили, что Римо потерял свой баллон, а инструктор спас его, передавая тому время от времени свою кислородную трубку. Римо, естественно, никого не разубеждал. Сойдя на берег, они с инструктором уединились на пляже, где неплохо поговорили.

Хозяин инструктора жил на Кюрасао, соседнем острове, принадлежащем Голландии, - маленький кусочек хитроумной северной страны в теплых лазурных водах.

Римо отправился на остров и посетил там четырех важных дельцов, недавно вдруг сказочно разбогатевших. Во-первых, Римо имел честь лично сообщить им, насколько ненадежны их заборы и охрана, во-вторых, что их коммерческая карьера на острове закончилась из-за того, что они связались с наркомафией и, в-третьих, что подходят к концу и их жизни - ведь они виновны в гибели американских агентов и прочих представителей закона.

Он доходчиво объяснил дельцам, что им вряд ли теперь понадобятся глотки, поэтому он вырвет их из тел и отдаст на съедение рыбам. Так он и поступил, и с дельцами было покончено.

Перед отъездом Римо еще раз встретился с инструктором, направившим его к четырем мафиози, чтобы оказать тому последнюю услугу.

- Мы Знакомы только один день, и однако мне кажется, что мы стали друзьями, - сказал ему Римо.

Инструктор помнил, как этот человек, обходящийся без кислорода, удерживал его силой на глубине двести футов, знал, что он с легкостью сокрушил мощные заграждения и прошел радарные лучи, а потом вырвал глотки у самых могущественных людей острова - так, походя, как собака щелкает на себе блох, и потому с радостью согласился на вечную дружбу.

- Я прошу только одного, - сказал Римо, - что бы ни случилось, никому не говори обо мне. И о том, что видел и почему согласился стать свидетелем на будущем суде.

- Обещаю! Ведь мы братья, - почти рыдал инструктор.

Римо счел уместным процитировать строчку из рекламного плаката, предлагающего провести отдых на островах Карибского моря: Вы встретите здесь замечательных друзей: Но почти сразу же улыбка погасла на его лице, и он произнес ледяным голосом: Но если обманешь, мы обязательно встретимся еще раз.

Сразу же после этого разговора Римо вылетел на самолете компании Принэр в Майами, а оттуда - в Бостон, один из отелей которого он последний месяц считал своим домом. У него не было настоящего пристанища, родного очага, он был человеком вселенной, а у такового вряд ли бывает постоянная крыша над головой.

Внутри пентхауса отеля Риц-Карлтон, окна которого выходили на Бостон-Коммон, весь, пол был завален плакатами с надписями на английском и корейском языках.

На всех было одно и то же: Стоп! - или - Стой! На небольшом столике у самой двери лежала петиция, под которой стояли три подписи, одна, в корейском написании, стояла первой. За ней следовали подписи горничной и коридорного.

- Нас становится все больше! - послышался визгливый голос из глубины номера.

Римо ступил в комнату. Старик в ярко-желтом, полуденном, кимоно, украшенном вышивкой с изображением кротких драконов жизни, расписывал очередной плакат. Клоки седой бороды и пергаментно-желтая кожа. Его карие глаза лучились радостью.

- Ты ведь еще не подписал петицию? - спросил старик.

- Ты прекрасно знаешь, что я не собираюсь ее подписывать. Не могу.

- Теперь я это знаю. И еще знаю, что благодарность имеет свои пределы. Лучшие годы жизни прожиты впустую, все, что, отрывая от сердца, вложил я в это белокожее существо, пошло прахом. Ну, что ж, значит, я того стою.

- Папочка, - обратился Римо к единственному человеку в мире, которого мог назвать другом, - Чиуну, Мастеру Синанджу, последнему великому наемному убийце из Дома Синанджу, хранителю многовековой мудрости этого Дома, перешедшей теперь и к Римо, - не могу я подписать этот документ. Так я и сказал тебе еще до моего отъезда. И объяснил почему.

- Признаю, сказал, - согласился Чиун. - Но тогда под петицией стояла только моя подпись. Теперь же есть и другие. Наши ряды ширятся. Этот город, а потом и вся нация станут пионерами грандиозного начинания, вернув миру здравомыслие, а человечеству - справедливость.

- Что ты имеешь в виду, говоря о справедливости? - спросил Римо.

- Родоначальники нового движения всегда рассуждают о справедливости. Какое же это движение без призыва к справедливости?

- Но в данном-то случае разве речь идет о справедливости? - настаивал Римо.

- Вне всякого сомнения, - важно произнес Чиун. Его английский язык был безукоризненный, голос звучал пронзительно. - Именно о справедливости. А также об общественном благе, о безопасности и вечной свободе.

- Какая еще безопасность? Какая свобода? - недоумевал Римо.

- А вот читай.

Чиун с гордостью вручил своему ученику черновой вариант сочиненного им плаката. Английские буквы, казалось, начертила курица лапой, зато корейские иероглифы были выписаны поистине художественно, их каллиграфическая четкость достигала высокого артистизма. Римо никогда не был особенно силен в иностранных языках, но за те годы, что мастерство Синанджу входило в его плоть и кровь, он сумел изучить корейский. И поэтому прочел:

Прекратите безответственные убийства! - говорилось в плакате. - Убийцы-любители обгаряют ваши улицы кровью, заваливают ваши дворцы трупами и разрушают жизненно важную часть экономики. Верните чувство собственного достоинства вашей стране. Надо покончить с беззаконием убийц-любителей, которые убивают не за плату, и часто не имея на то даже причин. Нанимайте для ваших нужд только профессионалов!

Римо печально покачал головой.

- Чего ты хочешь этим добиться, папочка? Убивать считается в Америке противозаконным делом.

- Ну, конечно. А знаешь, почему? Кто этим занимается? Убийцы-любители, обыкновенные бандиты, политические убийцы и искатели острых ощущений, которые наплевать на профессиональное мастерство. Ясно, что такое не может поддерживаться законом. Я сам назвал бы такое безобразие противозаконным.

- Чиун, пойми, убийство - это всегда убийство, - сказал Римо, стоя у окна и глядя на городскую недвижимость - акры бостонских лужаек, и садов, которые нет когда добрые горожане использовали как общее пастбище, и поэтому теперь они именовались Бостон-Коммон.

В те давние годы горожане сообща владели этой землей, а теперь она перешла к их потомкам. Издольщик из Джорджии мог переехать в район Роксбери и тоже стать совладельцем земли. Или житель Португалии мог задумать сюда перебраться и тоже был бы принят в общину. А вот Римо нигде не пустил корней, у него не было и не будет дома.

- Даже самое совершенное убийство - всего лишь убийство, - снова заговорил Римо, поворачиваясь к старику. - Так было всегда, и хотя древние императоры боялись Синанджу и хорошо им, платили, однако никогда не приглашали их к завтраку, не просили принять участие в каком-нибудь развлечении или, посетить прием.

- На то они и императоры. Особая статья. У каждого великого императора был свой великий наемный убийца, - сказал Чиун.

Оправив кимоно, он напустил на себя важный вид, полный достоинства и величия, точно такую же позу, наверное, много веков, назад принимал другой мастер Синанджу, общаясь с правителями династии Мин.

- Их принимают без свидетелей, - настаивал Римо.

- Нет, при свидетелях. Прилюдно, - голос, Чиуна, и без того писклявый, от негодования стал до того пронзительный, что напоминал свист кипящего чайника. - Здесь скрывать нечего. Только в этой стране честное ремесло - позорная вещь.

Римо ничего не ответил. Сотни, тысячи раз пытался он объяснить корейцу, что они работают на тщательно законспирированную организацию. Двадцать лет назад люди, стоявшие во главе Соединенных Штатов, осознали, что страна не сможет пережить эти бурные годы, если они станут придерживаться рамок конституции. Поэтому они создали организацию, которая вроде бы и не существовала, во всяком случае, формально она не была узаконена, и признать ее существование означало бы, что основа американского законодательства - конституция - не соблюдается.

Организацию нарекли КЮРЕ, и она действовала вне закона, хотя ее задачей было охранять закон и нацию.

Естественно, на ком-то должна была лежать ответственность за исполнение наказания, которое не мог вынести суд. Этим человеком стал Римо Уильямс, бывший полицейский, приговоренный за убийство, которого не совершал, к смерти на электрическом стуле и избежавший ее. Все это случилось давным-давно в штате, который когда-то Римо считал своей родиной. Тогда, много лет назад, у него еще был дом. Потом вся его жизнь свелась к постоянной тренировке, методической

учебе. Из него делали профессионального, высококвалифицированного убийцу-ассасина, и руководил подготовкой Чиун, последний Мастер Синанджу, взявшийся за это дело, потому что видел в Римо единственного, кто мог сменить его на этом почетном посту.

КЮРЕ расплачивалось за подготовку Римо золотом. Его руководители не понимали, что труд Чиуна, его занятия с Римо бесценны. Чиун так рьяно занимался с Римо, потому что не нашел никого в Синанджу – деревушке на скалистом, открытом всем ветрам берегу Северной Кореи, кто мог бы стать его преемником – следующим Мастером в длинной, непрерывающейся цепи наемных убийц из Синанджу. Чиун никогда не говорил с Римо подробно на эту тему. О таких вещах он вообще не говорил с белыми.

Существовала и другая причина. В древних манускриптах Дома Синанджу говорилось, что белый человек, чудом избежавший смерти и ставший после многих лет упорной работы Мастером Синанджу, войдет в историю как самый великий Мастер, потому что он больше, чем человек: он земное воплощение Шивы-Дестроера, бога Разрушения, Чиун верил, что Римо именно тот человек. Сам Римо считал это несусветной чушью, но ничего не говорил Чиуну, не желая огорчать старика.

Римо продолжал молчать, и тогда Чиун сказал:

- Надуться и молчать – проще простого, но это не ответ.
- Я могу повторить еще раз то, что уже сказал, но ты не хочешь слушать.
- Лучшие годы жизни, самые духовно просветленные годы я положил на то, чтобы вдохнуть мастерство Синанджу в твою душу, а теперь ты стыдишься его!
- Я не стыжусь.
- Тогда как же ты можешь называть ремесло Синанджу убийством? Простым убийством. Автомобиль может убить. Можно разбиться при падении. Можно отравиться грибами. Вот это все убийства. А мы не убиваем.
- А что же мы тогда делаем? – спросил Римо.
- В английском языке нет подходящего слова. В том, какое есть, отсутствует величие.
- Нет, оно самое подходящее, – упрямо заявил Римо.
- Вот уж нет, – Чиун даже сплюнул. – Я отказываюсь играть роль гриба. Может, ты гриб, а я нет и никогда им не стану. Я согласился учить тебя, несмотря на то, что ты белый. И никогда не стыдился этого.
- Ты постоянно напоминаешь об этом, папочка.
- Ты сам начал этот разговор. Так вот: не придавая никакого значения тому, что ты белый, я передал тебе все свое знание, я поделился с тобой всеми секретами Синанджу.

- Ты просто не нашел в Синанджу более подходящей кандидатуры. Вот почему связался со мной. Поначалу ты собирался научить меня паре приемов, заработать на этом мешок золота и укатить домой. Но ты задержался, и я знаю почему. Ты увидел, что я именно тот человек, который может постичь ваше ремесло. Человек из нашего времени. Не из эпохи Мин или Фу или любой другой династии – от Персии до великих японских правителей. Человек сегодняшнего дня. Я. Единственный, кого ты нашел.

- Всегда старался не думать о том, что имею дело с неблагодарным белым. Я передал тебе то, что даровано от века одному только Дому Синанджу, – торжественно проговорил Чиун.

- И я прилежно учился и все постиг.
- Так как же тогда ты можешь называть наше ремесло... таким словом?
- Убийством? – спросил Римо. – Но ведь мы убиваем.

Чиун в отчаянии прижал руки к груди, Римо произнес – таки это мерзкое слово. Кореец отвернулся от взбунтовавшегося ученика.

- Убиваем, – повторил Римо.
- Неблагодарный, – сказал Чиун.
- Убиваем.
- Тогда почему ты это делаешь? – спросил Чиун.
- Делаю, вот и все, – ответил Римо. Чиун всплеснул руками – очень изящными, с длинными ногтями.
- Понятно. Действие без всякого смысла. И как мне бедному теперь считать – ты что, делаешь это для Дома Синанджу или для меня?
- Прости, но...

Римо не дано было закончить фразу: Чиун заткнул уши. Пришло время оскорбиться по-настоящему, и Чиун так и поступил. Перед тем, как отойти к окну, из которого открывался прекрасный вид, на фоне которого его обида была бы еще заметнее, он произнес только одну фразу:

- Никогда больше не употребляй этого слова в моем присутствии.

Чиун уселся перед окном в позе лотоса, спиной к Римо и к самой комнате, голова в полном равновесии с безупречным позвоночником, на лице - сосредоточенное выражение безмятежного спокойствия, полный уход в себя. Да, это было величественное проявление обиды. Но в конце концов он Мастер Синанджу.

И только услышав, как захлопнулась дверь номера, Чиун вспомнил, что шеф КЮРЕ просил кое-что передать Римо.

- Я заеду в гостиницу, мне нужно повидаться с ним, - сказал Смит.

- С восхищением будем ожидать вашего появления, о, император, - пропел Чиун.

- Передайте Римо, чтобы он подождал меня.

- Ваши слова навечно запечатлятся в моем сердце, - пообещал Чиун.

- Могу я надеяться, что вы передадите ему мои слова?

- С той же точностью, с какой солнце возвещает весенним цветам о своем приходе, - заверил его Чиун.

- Это означает да? - поинтересовался Смит.

- Разве солнце восходит утром, а луна - ночью, о, император? - спросил в свою очередь Чиун.

Римо частенько поправлял корейца, говоря, что доктор Харолд Смит вовсе не император и сроду им не был. Он только возглавляет КЮРЕ. Смита и назначили на эту должность, объяснял Римо, потому что он не придавал значения званиям и никогда не стал бы использовать мощь своей нелегальной организации для самовозвышения. Слушая Римо, Чиун снисходительно улыбался, думая про себя, что со временем Римо повзрослеет и станет лучше понимать людей. Нельзя же всему научиться в один день.

- Значит, вы передадите ему мою просьбу сразу же, как только он придет? - осторожно осведомился Смит.

- Он услышит вашу просьбу прежде, чем увидит мое лицо, - пообещал Чиун и, повесив трубку, вернулся к более важным, с его точки зрения вещам, а именно - плакатам, клеймящим убийц-любителей.

И вот теперь, когда за Римо захлопнулась дверь, он вспомнил о поручении Смита. Но всем это было не так уж важно. Золото за службу регулярно доставлялось водным путем в Синанджу, и из-за непередаваемых поручений поток его не прекратится. Кроме того, Чиун всегда найдет, как оправдаться перед Смитом. Надо уметь ладить с императорами. Когда-нибудь и Римо научится этому.

Харолд В. Смит прилетел в Бостон, и в аэропорту ему стало плохо с сердцем. Во время Второй мировой войны его сбросили ночью на парашюте над Лиможем, и даже тогда он не ощущал себя столь беспомощным, как сейчас, держа в руках Бостонскую газету. Покупая ее, он вовсе не стремился ознакомиться с новостями, зная их раньше журналистов, он просто хотел посмотреть спортивную рубрику, чтобы узнать, как сыграла футбольный матч команда Дартмута.

Его худощавое с желтым отливом лицо разом побелело, и даже шофер заметил это.

- Все в порядке? - спросил он.

- Да, да. Конечно, - поторопился ответить Смит. Он поправил серый жилет своего серого костюма. Вся свою жизнь он имел дело с чрезвычайными ситуациями. Поэтому его и выбрали для этой работы. Но такого он не ожидал. Тем более - в газете.

Только тремя днями раньше Смит был в Белом доме и, говоря с Президентом, заверил его, что КЮРЕ - надежно законспирированная организация.

- Не сомневаюсь, вам известно, какой вой поднимет пресса, разнюхав что-нибудь про вас? - сказал Президент. - Особенно в мое правление. Им не важно, что не я заварил кашу.

- Безопасность, сэр, - для нас важнее всего, - заверил его Смит. - Знаете ли вы, как мы изначально обезопасили себя, выбрав исполнителя?

- Нет.

- Мы взяли обреченного человека. Его подставили не без нашей помощи и приговорили к смерти за преступление, которого он не совершал. Тут мы вмешались и устроили так, что он остался жив, и тогда уже занялись его подготовкой. И вот теперь человек, который нигде не значителен живым, работает на организацию, которая тоже официально не существует.

- Но если его подставили, почему он не затаил на вас обиду?

- Затаил.

- И почему же тогда не порвал с вами?

- Такой уж он человек, - сказал Смит. - Поэтому на нем и остановились. Он патриот, сэр, и ничего не может с этим поделать.

- А старик? Тот, о котором вы говорили, что ему далеко за восемьдесят? Президент не смог сдержать улыбки.

- Он, конечно, не патриот, - ответил Смит. - Во всяком случае, судьба нашей страны ему глубоко безразлична. Думаю, он и пальцем бы для нас не пошевелил, если бы золотой дождь иссяк. Но он привязался к ученику. Тот тоже любит его, как отца. Они всегда вместе.

- Тот, что постарше, лучше как профессионал? - спросил Президент, широко улыбаясь.

- Не уверен.

- Уверен - лучше, - сказал Президент.

- Сомневаюсь. Они сами, конечно, знают, кто из них чего стоит, но мне трудно ответить, - сдержанно проговорил Смит.

- Значит, нет никакой опасности, что они могут засветиться? - спросил Президент.

- Кто может за что-нибудь ручаться в этом мире? Но думаю, вы можете положиться на нас. Наша сила - в полной конспирации.

- Спасибо, Смит. И еще спасибо за то, что вы выполняете свою трудную работу без всякой поддержки, в одиночку. Вижу, что мои предшественники были правы. Эту ляжку у нас тянут лучшие.

- Можно попросить вас об одной вещи? - спросил Смит.

- Конечно.

- Естественно, что я всегда явлюсь по вашему первому зову. Но предупреждаю, что каждая встреча, пусть даже тайная, - большой риск.

- Понимаю, - сказал Президент.

- Если так, сэр, - холодно произнес Смит, - то, пожалуйста, в дальнейшем воздержитесь от ненужных контактов, когда вы всего лишь хотите выяснить, все ли в порядке, а затем сделать мне пару комплиментов. Случись какая беда, вы сразу же узнаете о ней, потому что группа тут же перестанет существовать. Я сразу же, как и было задумано, распушу ее.

- Мне просто хотелось сказать вам, как высоко я ценю вашу работу.

- Всем нам чего-нибудь хочется, сэр, но когда несешь ответственность за чужие жизни, приходится контролировать себя, - произнес Смит.

Предшественники Президента правильно оценили и еще одно качество Смита. Они называли его самым сухим и расчетливым тайным агентом, которого когда-либо носила земля. Президент вымученно улыбнулся.

У Смита осталась в памяти эта улыбка, за которой Президент пытался скрыть обиду. Смит не хотел ранить его самолюбие, но конспирация - превыше всего. Если группу разоблачат, это будет фиаско во всех отношениях, так как будет означать, что Америка не может существовать, не нарушая собственные законы.

Строгая секретность. Это главное.

И вот теперь Смит в Бостоне, раскрыв газету, видит рядом со спортивной хроникой в разделе частных объявлений знакомое лицо - раскосые глаза, клочковатая борода. Чиун! Он публично призывает покончить с убийцами-любителями.

Лицо Чиуна - в газете! И сотни тысяч людей видят его.

Смит прочитал объявление несколько раз, прежде чем пришел в себя. О Римо и КЮРЕ - ни слова. К счастью, Чиун никогда толком не понимал, чем они занимаются. Смит не сразу заметил, что газета дрожит в его руках. Он тщетно пытался унять дрожь. Лицо, которое никто не должен был знать, смотрело на него с газетной полосы. И этот нелепый призыв: Покончим с убийцами-любителями!

Смит уронил газету на заднее сидение такси. Ему мерещилось самое худшее. Направленные на Чиуна телевизионные камеры. И где-то сзади - Римо. А вот это уже будет концом всему - лицо Римо на телеэкране. КЮРЕ - конец, и все из-за дурацкого объявления в газете.

Смит попытался взять себя в руки. В гостиницу сразу ехать нельзя: его появление в телевизионном кадре только ухудшит положение. Он попросил отвезти его в приличный ресторан, в миле отсюда, на Ньюбери-стрит. Там он заказал себе салат и чай и попросил разрешения воспользоваться телефоном. Когда в гостинице взяли трубку, он сказал, что хотел бы поговорить лично с постояльцем отеля Римо. И больше ни с кем.

- Он вышел, сэр.

Хорошо, подумал Смит. Римо, должно быть, видел объявление и понял, что ему нельзя быть на людях.

Может, он уже названивал Смицу по специальному номеру. Смит сверился с миниатюрным компьютером, который носил в портфеле. На дисплее не высветилось

никакой новой информации для него.

Вечером, когда от Римо по-прежнему не поступило никаких известий, Смит сел в такси и направился к отелю Риц-Карлтон. Перед гостиницей не было телевизионных камер, и в холле не сновали журналисты.

Смит явно переоценил нюх бостонских журналистов на новую сенсацию. КЮРЕ повезло; возможно, им удастся выпутаться из этой истории. Но больше никаких сюрпризов. Он поговорит с Чиуном. Нет. Он поговорит с Римо. Чиуна нельзя больше держать в Америке.

В то время, когда Смит повторял про себя требования, которые предъявит Римо, в небольшой гостинице, расположенной в Северной Каролине, жильцы 105 и 106 номеров как раз готовились распаковывать вещи. Но тут их попутчики, которые любезно согласились помочь с багажом, попросили забавную штуку: разрешения набросить на их шеи бледно-желтые платки.

- Ради бога, но вы своей помощью заслужили нечто большее, чем простую христианскую услугу.

- Мы не христиане.

- Ну, если таковы иудаистские обычаи...

- Мы не евреи, - был ответ молодых людей, не собиравшихся обсуждать вопросы религии с людьми, которые должны были стать частью обряда.

#Глава третья#

- Ну и что?

С этими словами Римо вернул газету Смигу.

- Вы понимаете, что это ставит под угрозу существование организации?

- Под угрозу?! - рявкнул Римо. - Вы каждый день унижаете достоинство Чиуна. Что вы даете ему? Золото, доставленное морем в его деревню, поддерживает живущих на его счет тамошних бездельников. Вы делаете ему несколько комплиментов и хотите, чтобы он разбивался для вас в лепешку. Эта страна его ни в грош не ставит.

- Что вы имеете в виду? - спросил Смит.

- Вам известно, что во времена династии Мин личному убийце императора ставился специальный стул? А персидские шахи уравнивали Мастеров Синанджу в правах с самыми знатными людьми при дворе. В Японии подражали их походке. А он всего лишь дал объявление в газету. Ну и что из того?

- Мне казалось, - заметил сухо Смит, - что вы-то уж поймете меня.

- Лучше дайте мне работу, - сказал Римо. - Кого надо убрать?

- Мне не нравится ваше настроение.

- Охотно верю. Он поместил в газету объявление. И что из того?

- Вопрос заключается в том, будет ли существовать наш островок законности и демократии, крошечный островок в океане вечности. Никогда прежде не существовало такой страны, куда бы стекались люди со всех концов света и где бы они чувствовали себя такими свободными. Удастся ли нам сохранить наши завоевания? Вот в чем дело.

- Вы прямо-таки речь толкнули. Меня это удивляет.

- Иногда я говорю это сам себе, - сказал Смит и опустил голову.

Римо видел, как постарел Смит. Он отличался от Чиуна: для корейца земное время и трудности являлись лишь составной частью чего-то большего. Для Смита же они были тяжелым бременем, а такая ноша старила. Смит был стар, а про Чиуна этого сказать было нельзя.

- Не берите в голову, - сказал Римо. - Я иногда говорю себе то же самое.

- А вы прислушиваетесь к себе? - спросил Смит. - Вы очень изменились, Римо.

- Верно.

Он не знал, как объяснить Смигу то, что произошло с ним. Он продолжал верить в ту систему ценностей, которая была так дорога Смигу. Но теперь он умел узнавать многое, так, например, он знал, что в левом кармане серого жилета Смита находится смерть, там лежит что-то, с помощью чего можно убить себя. Возможно, пилюля; если Смит попадет в ситуацию, когда возникнет опасность, что он может сказать лишнее, он примет ее.

В начале обучения, когда Римо был все еще отчаянным патриотом, он мог бы сказать, как он узнает, что в кармане жилета поселилась смерть. Он мог обратить внимание, что Смит как-то особенно бережно обращается с этим карманом. Всегда существуют очевидные подсказки. Человек не может забыть, что носит на себе смерть: он обязательно выдаст себя. Такой человек движется по-особому. И сидит по-особому. Начав тренироваться, Римо первое время замечал все эти вещи и знал, что они обозначают.

А теперь не замечал. Он просто знал. Вот и сейчас знал, что в жилете у Смита

смерть, но откуда ему было это известно, сказать бы не смог. Вот такие произошли перемены.

И еще Римо знал, что, оставаясь американцем, он теперь также и представитель Синанджу. Чиун – нынешний Мастер Синанджу, но и Римо тоже. Еще один такой на всем свете. Америка и Синанджу смешались в нем.

Масло и вода. Солнечный свет и тьма. А Смит еще спрашивал, изменился ли он. Нет, не изменился. Да, изменился полностью.

Римо промолчал, а Смит заговорил снова:

- У нас возникла проблема с авиапассажирами.

- Что в этом нового? Заставьте авиакомпании тратить меньше денег на рекламу и побольше на удобство пассажиров, в частности, на быструю доставку багажа – и проблемы рассосутся сами собой, – пожал плечами Римо.

- Пассажиров убивают, – уточнил Смит.

- Наймите детективов.

- Людей убивают. По всей стране. Тех, кто летает на самолетах компании Джаст Фолкс. Душат.

- Скверное дело, но мы-то что можем сделать?

- Хороший вопрос, – сказал Смит. – Это началось пару лет назад. За это время убито более сотни человек.

- Ничего об этом не слышал, – сказал Римо. – Хотя иногда смотрю новости.

- Этим особенно не интересовались. Обычно телевизионщики отыскивают кого-то, кто утробил человек пятьдесят-шестьдесят; пока преступника не задержат, вы и не знаете про эти убийства. А случаи на авиалиниях разбросаны по всей стране, поэтому парни с телевидения и не проникли про них. Кстати, все жертвы ограблены.

- И все же причем здесь мы? Ну, сотней убийств больше. И что же из этого? Всем теперь на все наплевать. Никто и пальцем не пошевелит. Просто считают трупы.

В голосе Римо послышалась горечь. Он работал в КЮРЕ уже давно, убивал без разбора всех, кого приказывал Смит – и все ради светлого будущего. Но Америка ни на йоту не стала за это время лучше.

- Путешествовать становится все опаснее. Это может перерасти в серьезную проблему.

- Вот оно что. Мы не хотим, чтобы некая авиакомпания понесла ущерб, – сказал Римо.

- Не в этом дело, – отрезал Смит. – Возьмите, к примеру, любую рухнувшую цивилизацию – первым делом парализует дороги. И наоборот – цивилизация начинается с создания безопасных дорог. Завязываются торговые связи, идет бойкий обмен идеями. Если же дороги захватывают бандиты, цивилизация перестает существовать. А наши дороги – в воздухе.

- Еще одна речь, – кисло произнес Римо. – Люди в любом случае будут продолжать летать. И почему наши авиалинии должны быть безопаснее наших улиц?

- Города вымирают, если люди не чувствуют себя безопасно на улицах. Если небо будет закрыто – погибнет вся страна. Все это действительно важно, Римо, – сказал Смит, и голос его звучал так проникновенно, что Римо сказал со вздохом:

-Окей. Когда я должен приступить?

- Все по порядку. Чиун не может больше находиться в стране. Вы должны убедить его уехать. Сейчас он представляет опасность для организации.

- Прощайте, – выпалил Римо.

- Вы не будете участвовать в операции?

- Если уедет Чиун, уеду и я. Если я вам нужен, Чиун должен остаться.

Смит подумал секунду, не больше. Выбора у него не было:

- Хорошо, пусть пока все остается как есть, – сказал он. – Идите в главное управление компаний Джаст Фолкс. Там уже проводили расследование и ничего не выявили.

- Тогда зачем идти туда?

- Потому что людей убивают по всей стране, а другой зацепки нет. Может, вы раскопаете там такое, что пропустили все прочие следователи. Некоторых несчастных убили всего из-за тридцати долларов. И, пожалуйста, возьмите с собой Чиуна. Может быть, удастся вывести его из города, прежде чем очухается бостонская пресса.

- Мне кажется, вы не обращаетесь с ним должным образом, – сказал Римо, глядя сквозь окна на потемневшее бостонское небо.

Тут дверь отворилась, и вошел Чиун. За это время кореец приобрел еще две подписи. Одна выглядела так, словно ее выводили при землетрясении. Сплошные

закорючки. Либо подпись принадлежала ребенку, решил Римо, либо поставившего ее держали за ноги, свесив из окна, пока он не уверовал в благородную цель петиции.

Услышав последние слова Римо, Чиун, изобразив на лице сладчайшую мину, повернулся к Смит, сделав рукой с длинными ногтями изящный и по-восточному живописный приветственный жест.

- Император Смит, - начал Чиун, - мы должны извиниться за неучливое поведение своего ученика. Ему неведомо, что император не может быть неправ. Все ваши действия заведомо оправданы. Вы могли поступить даже строже. Скажите мне, кто тот дерзкий, что заслуживает от могущественного императора самой страшной расправы. Только назовите имя, и я заставлю его трепетать от страха.

- Ты не понял нас, папочка, - сказал Римо, не отрывая глаз от Смита.

- Молчи, - приказал Чиун и снова повернулся к Смит. - Только одно слово, о, император. Ваша воля будет исполнена.

- Все в порядке. Мастер, - успокоил его Смит. - Мы все уладим.

- Я преклоняюсь перед вашей мудростью, - сказал Чиун по-английски. Римо же шепнул на корейском:

- Это же император. Говори этому идиоту то, что он хочет слышать.

- Спасибо, Чиун, - поблагодарил Смит, не знающий корейского. - Вы... очень любезны.

- Прощайте, - сказал Римо.

- Желаю удачи, - сказал Смит.

- Да сравнится с солнцем ваша немеркнущая слава, - церемонно произнес Чиун по-английски, и тут же прибавил на корейском:

- Последнее время он очень загружает нас работой. Может, мы не оказываем ему достаточного уважения.

- Дело не в этом, - возразил Римо тоже на корейском.

- Дело всегда в этом, - упорствовал Чиун. - Может, мне предложить ему подписать петицию?

Когда Смит, выходил из номера, его преследовал смех Римо. Отсмеявшись, Римо начал втолковывать Чиуну:

- Смит не император, У нас в стране нет императоров.

- Им нравится, когда их так называю, - сказал Чиун. - Это азы профессии наемного убийцы. Всегда величай своих хозяев императорами.

- Почему? - спросил Римо.

- Если тебе нужно объяснять, значит, я: зря потратил все эти годы на твое обучение, - визгливый голосок дрожал от обиды...

Когда они прибыли в Денвер, штат Колорадо, где находилось главное управление компании Джаст Фолкс, Чиун все еще дулся. Римо должен был представиться агентом Национального Агентства Аэронавтики, таковым мог назваться и Чиун, если бы согласился надеть американский костюм и сбрить слишком уж экстравагантные клоки волос на подбородке и около ушей.

Чиун мог отказаться пойти на такую жертву - в этом случае ему следовало остаться в отеле. Римо так и сказал корейцу. У Чиуна был выбор. Он был волен поступить так или иначе.

Но, по мнению Чиуна, существовал и третий вариант: он будет сопровождать Римо в офис авиакомпании в своем обычном виде. На пути туда он не переставал описывать преимущества кимоно над тесными тройками, которые носят белые; Чиун называл их одеждой пещерных людей.

Олдрич Хант Бейнс Третий, президент Джаст Фолкс, был одет в серую пещерную одежду плюс темный галстук. На встречу с представителями НАА он отцвел десять минут.

Улыбка О.Х. Бейнса несла теплоту гигантской саламандры. Ногти его были тщательно отполированы, а тонкие светлые волосы выглядели такими ухоженными, словно о них пеклось особое доверенное лицо. Он искренне верил в старую поговорку, что всему свое место, находя время даже для проявления эмоций - самых разнообразных эмоций, как частенько говорил он держателям крупных пакетов акций и другим своим приближенным. Иногда - обычно в конце мая - он минут семь предавался фотографированию в обществе фотографа компании, который своими снимками свидетельствовал гуманность и человечность президента.

О.Х. Бейнсу было тридцать восемь лет. Миллионером он стал в двадцать четыре, через год после того, как окончил самую престижную школу бизнеса в Америке - Кембриджскую. Поступая в школу, он написал в анкете, что хочет стать самым богатым сукиным сыном в мире и сделает все, чтобы этого добиться.

Ему дали понять, что так писать не принято. Тогда он написал следующее: Я хочу

стать частью общественного организма, упорно и ответственно удовлетворять насущные потребности и чаяния людей, существующих внутри системы свободной рыночной экономики.

Разницы тут особой не было, и он это знал. В двадцать шесть лет он стал президентом Джаст Фолкс, а теперь, в тридцать восемь, имея двух детей, из которых один был существом мужского пола, белой расы, одиннадцати лет, а другой - существом женского пола, белой расы, восьми лет, а также белокожую жену и фотогеничную собаку, он успешно копил деньги, удовлетворяя насущные потребности и чаяния людей.

Незадолго до этого он купил одну компанию в небольшом городке штата Огайо. Компания едва сводила концы с концами и была на грани закрытия, хотя почти все жители города работали на нее. Городок ликовал, когда Бейнс стал ее владельцем, и жители постановили ежегодно праздновать День О.Х. Бейнса. Он прибыл в город вместе с женой, двумя детьми и собакой, широко улыбаясь перед фотокамерами, и спустя два дня объявил главе цеха, выпускающего тару для перевозки продуктов морским путем, что его люди никогда не потеряют работу, если будут трудиться на него, Бейнса: Ящики по-прежнему изготавливались в городке штата Огайо, и на них ставилось все то же клеймо: Сделано в США. Однако продукты в ящиках поступали из Непала, Бангладеш и Мексики. При этом плата за услуги рабочим снизилась до шести центов в час, самое большее - до семи, если рабочему выдавали еще миску риса.

Когда секретарь доложил Бейнсу, что его хотят видеть представители НАА, один из которых азиат, Бейнс решил, что в книгу записи посетителей вкралась ошибка и к нему явился субподрядчик с Востока. Тем не менее он решил их принять.

- Привет. Я - Бейнс, а вы, видимо?..

Один из вошедших был белый, он-то и извлек из кармана визитную карточку: Бейнс решил было, что карточку вручат ему, но белый просто читал ее.

- Мы из чего-то Национального аэронавтического, - наконец произнес он.

- А я думал, вы прибыли из Азии, - проговорил Бейнс, лучезарно улыбаясь старику в кимоно.

- Из Синанджу, - уточнил Чиун.

- Северная Корея? - спросил Бейнс.

- Вы слышали об этой стране? - ответил вопросом на вопрос Чиун, сохраняя полную невозмутимость.

- Все знают ее, - сказал Бейнс. - Много дешевой рабочей силы. Даже Бангладеш проигрывает в сравнении с ней. Ведь в Северной Корее едят через день, как я слышал. И привыкли к этому.

- Если знаешь, как заставить прекрасно функционировать организм, совсем не обязательно обжираться мясом, жирами и сахаром, - заметил Чиун.

- Скоро мне предстоит пересмотреть контракты по найму рабочей силы, - сказал Бейнс. - Поэтому мне особенно интересно знать, сколько нужно человеку есть. Как вы полагаете?

- Раз в неделю. Все зависит от того, насколько рационально ты умеешь расходовать калории.

- Елестяще. Позвольте, я запишу. Вы меня не разыгрываете? - Бейнс яростно заскрипел золотым пером.

- Вы говорите о разных вещах, - спокойно заметил Римо.

- Неважно, - отмахнулся Бейнс. - Отличная концепция. Нужно только перевести ее на понятный людям язык.

- То есть? - заинтересовался Римо.

- Людям полезно есть раз в неделю. Хорошим людям. А мы хотим всех сделать хорошими.

- Всем такое не подойдет, - решительно заявил Римо и вырвал из рук Бейнса блокнот.

Бейнс сделал инстинктивное движение, чтобы забрать блокнот обратно, но Римо уже швырнул его в корзину.

- Это оскорбление действием, - сказал Бейнс. - Как могли вы, государственный служащий, напасть на должностное лицо?

- Я не нападаю на вас, - ответил Римо.

- Нет, это было форменное нападение, - настаивал Бейнс, сидя в темном кресле вишневого дерева, из которого он командовал своей растущей империей.

Римо взялся одновременно за ручку кресла и за руку О.Х. Бейнса и непостижимым образом срастил их. Бейнс хотел было закричать, но другая рука белого мужчины замерла на его позвоночнике, и из отчаянно дрожащих губ вырвался лишь слабый писк.

Бейнс не мог пошевелить правой рукой. И даже взглянуть на нее боялся. По боли в ней он догадывался, что зрелище это не из приятных.

На его глазах выступили слезы.

- Вот это, - сказал Римо, - называется оскорблением действием. Теперь видите разницу? А то, что я сделал с вашим блокнотом, не относится к разряду нападений, просто я убрал с дороги мешавшую вещь. Если вам ясна разница, кивните. Бейнс кивнул.

- Хотите, чтобы прекратилась боль? - спросил Римо.

Бейнс радостно закивал.

Римо нажал тот отдел позвоночника, где находились нервные окончания, ответственные за боль. Он не знал их латинских названий, знал только, что они там. Бейнс теперь не будет чувствовать боли.

- Я не могу двинуть рукой, - пожаловался Бейнс.

- И не надо, - успокоил его Римо.

- А, - сказал Бейнс. - Видно, таким образом вы хотите заставить меня говорить.

- Вы правильно все поняли, - сказал Римо. - На вашей авиалинии убивают людей.

- Неправда. Это клевета, и мы делали по этому поводу заявление, - сказал Бейнс.

- Около сотни людей, все с билетами Джаст Фолкс, задушены.

- Ужасное несчастье, но это случилось не на линии, и мы привлечем к ответственности каждого, кто будет утверждать обратное, - твердо заявил Бейнс. - Каждого.

- Ну так я утверждаю это, - твердо произнес Римо, делая явное движение в сторону другой руки президента - той, что не срослась еще с вишневым деревом.

- То, что говорится без свидетелей, не клевета, - поторопился сказать Бейнс. - Мы ведь обмениваемся впечатлениями, так?

- Так. А почему же вы настаиваете, что их убили не на вашей линии?

- Их убили после полета, - ответил Бейнс. - Не в полете. На земле.

- А почему каждый раз - Джаст Фолкс?

- Я слышал, что преступники - мелкие воришки. А у нас низкие цены, - сказал Бейнс.

- Что вы имеете в виду?

- Самая низкая плата за проезд. Компания Пипл Экспресс продает билеты по достаточно низким ценам. Чтобы успешно конкурировать с ними, мы должны были поломать головы. У нас авиалиния с неполным расписанием.

- Что это значит?

- Мы вылетаем, когда наберем достаточно пассажиров, - сказал Бейнс. - Кроме того, мы не тратим уйму денег на переподготовку летчиков.

- А как вы их готовите? - спросил Римо.

- Все пилоты компании хорошо знают машину, на которой летают. Но это не означает, что они должны зря тратить горючее, до одурения летая над аэродромом.

- Вы хотите сказать, что ваши пилоты никогда не поднимались в воздух до того, как сели за руль самолета вашей авиакомпании?

- Не совсем так. Сейчас я вам все объясню. Конечно же, они летали и раньше. Иначе не получили бы дипломы летчиков. Но им вовсе не обязательно уметь водить гигантские машины, потребляющие много горючего.

- А на чем они летают? - поинтересовался Римо.

- У нас самые совершенные мотодельтапланы. Пилотов мы учим летать на них.

- Значит, вы считаете, что убийц и грабителей привлекает низкая стоимость билетов на вашей авиалинии? - спросил Римо.

- Совершенно верно. Вы могли бы освободить мою руку?

- А что вам еще известно?

- Наш отдел рекламы заявил: тот факт, что стоимость билета у нас настолько низкая, что нашими рейсами могут летать даже мелкие жулики, чести нам не делает. И если ориентироваться в рекламе на преступный элемент, то это не будет способствовать продаже билетов.

Чиун кивнул.

- Преступный элемент. Убивают за гроши. Какой-то кошмар. Стоило захватить с собой петицию.

- Римо оставил его слова без внимания.

- А ваши люди не смогут узнать кого-нибудь из убийц? Может, те летают часто.

- Мы даже наших сотрудников не всех знаем в лицо, - сказал Бейнс. - Ведь мы авиакомпания без строгого графика. Не взлетаем точно по расписанию, как Дельта. И сотрудники у нас другие. Такая уж у нас компания. Нам надо еще поработать, чтобы сократить текучку кадров.

- Причем тут текучка кадров? - оборвал его Римо.
 - За год можно что-нибудь заметить.
 - Какой год? Кто проработал год в Джаст Фолкс? Если вы знаете, где мужской туалет, то вы уже у нас старожил. Отпустите, пожалуйста, мою руку. - Мы хотим работать в Джаст Фолкс, - заявил Римо.
 - Считайте, что вы уже зачислены. А теперь, пожалуйста, отделите мою руку от кресла.
 - Боюсь, ничего не получится, - проговорил Римо.
 - Почему? - задыхаясь, простонал Бейнс.
 - Работаю наемным убийцей по неполной программе, вроде вашей авиакомпания, - съехидничал Римо. - Кстати, то, что я сделал с вашей рукой...
 - Да?
 - Если скажете об этом кому-нибудь хоть слово, то же самое будет сделано с вашим мозгом, - пообещал Римо.
 - Не груби, - сказал на корейском Чиун. И, перейдя на английский, обратился к Бейнсу. - В мире много непонятого. В том числе и любовь моего сына к тайнам. Пожалуйста, будьте снисходительны к его чувствам, как он снисходителен к вашим.
 - Вы хотите сделать с моими мозгами то же самое, что и с рукой? - спросил испуганный Бейнс. - Так?
 - Вот видишь, - обратился Чиун к Римо. - Он и без всяких грубостей понял. Бейнс подумал, что можно; попытаться отпилить кисть от ручки кресла. Ну и что, будет ходить с куском вишневого дерева в руке. Можно жить и так. Закажет одежду по особому фасону, и с ее помощью замаскируют изъян. Внезапно руки белого, которые словно и не двигались вовсе, коснулись его кисти, и он почувствовал, что снова свободен. Бейнс потерял руку. Все вроде в порядке. Немного покраснела, а так - ничего. И с ручкой кресла ничего не случилось. Что это, его загипнотизировали? А может, привязали невидимыми путами к креслу?
 В голове мелькнуло, что он слишком разболтался. Надо бы держаться потверже и вызвать полицию. Может, и сейчас еще не поздно, подумал он.
 Молодой человек, казалось, понял мысли Бейнса, потому что взял президентскую ручку с золотым пером и осторожно провел по ней пальцем. Золото зашипело и как бы задрожало, а потом, закапав на письменный стол, прожгло на безупречной лакированной поверхности отвратительную дымящуюся дыру.
 - Вы приняты на работу, - поторопился объявить Бейнс. - Приветствую вас в рядах компании Джаст Фолкс. У нас есть свободные должности вице-президентов.
 - Я хочу летать, - сказал Римо. - Хочу быть на борту самолета.
 Бейнс задрал палец.
 - Куда я показываю?
 - Вверх, - ответил Римо.
 - Теперь вы штурман на нашей линии.
 - Я хочу находиться среди пассажиров, - потребовал Римо.
 - Мы можем сделать вас стюардом.
 - Превосходно, - ответил Римо. - Обоих.
 На очередном рейсе из Денвера в Новый Орлеан не подавали ни кофе, ни чай, ни молоко. Два стюарда ограничились тем, что усадили пассажиров и наблюдали за ними. Жалоб не было. Когда один из летчиков попросил стакан воды, его зашвырнули обратно в кокпит, посоветовав подождать до дома.
 #Глава четвертая#
 Номер 107.
 Мать Холли Роден была в восторге. Узнав, что дочь обратилась в веру, которая не предполагает свиданий с представителями национальных меньшинств, она все стала видеть в розовом свете. Холли вступила в религиозную общину, но могла не жить там все время, а только наезжать изредка, когда совершались торжественные службы и обряды, вроде того, что состоится сегодня, когда Холли примут в члены братства. Через несколько дней Холли вернется домой.
 - А тебе не нужно особое платье как при конфирмации или еще чего-нибудь? - спрашивала мать.
 - Нет, - отвечала Холли.
 - Вижу, у тебя авиабилет. Значит, твоя церковь находится далеко отсюда?
 - Мама, я наконец обрела достойную цель. Неужели ты опять хочешь все испортить?
 - Нет, ни в коем случае. Мы с отцом так рады за тебя. Просто я хотела тебе помочь. В конце концов мы можем себе это позволить. И будем счастливы оплатить тебе полную стоимость билета на приличной авиалинии. Надеюсь, твоя вера не обрекает тебя на нищенское существование?

Холли была хорошенькой блондинкой с лицом херувима, невинными голубыми глазами и зрелыми формами фермерской дочки.

- Господи, ну, оставишь ты меня, наконец, в покое? - сказала она.

- Да, да, дорогая. Прости.

- Я обрела свое место в этом мире.

- Конечно, дорогая.

- Несмотря на гнет вашего богатства...

- Да, Холли.

- ...и семейное окружение, лишенное подлинной духовности...

- Да, дорогая.

- ...и родителей, которые всегда были ярмом на моей шее. И все же, несмотря на это, я нашла свое пристанище...

- Да, дорогая.

- ...где я чувствую себя нужной.

- Конечно, дорогая.

- Ну, тогда и отвяжись, старая стерва, - сказала Холли.

- Конечно, дорогая. Не поешь ли чего-нибудь на дорожку?

- Разве что паштет из твоего сердца.

- Да хранит тебя Бог, - сказала на прощанье мать.

- Меня хранит богиня, - уточнила Холли.

Она не попрощалась с матерью и не дала на чай таксисту, доставившему ее в аэропорт. Там она показала свой картонный билет в окне регистрации, где сотрудница аэропорта нашла ее фамилию в составленном от руки списке пассажиров и поставила резиновой печатью штамп на тыльной стороне ее кисти. Затем Холли направили в зал ожидания, где некоторые пассажиры за дополнительные деньги заказали себе стулья.

Холли взяла себя в руки, вспомнив молитвы, которым ее научили. Она пропела их про себя, и тут ей открылось, что человек, которого она изберет, - демон, заслуживающий смерти в Ее честь. Ведь именно Она, мать разрушения и гибели, повелевает, чтобы демонов убивали, дабы другие люди могли жить спокойно. Нужно убивать, решила Холли. Вот и убивай, продолжала она. Убивай. Убивай для Кали.

Она расхаживала по залу ожидания, подыскивая подходящую жертву.

- Привет, - обратилась Холли к женщине с бумажным свертком. - Давайте я вам помогу.

Женщина отрицательно покачала головой. Она явно не хотела вступать в разговор с незнакомыми людьми. Холли послала ей нежнейшую улыбку и победоносно вскинула голову. Но женщина даже не смотрела в ее сторону. И тут Холли впервые охватила паника. А вдруг никто не проникнется к ней доверием? Ей говорили, что вначале нужно расположить людей к себе. Нужно завоевать их доверие.

Старик читал газету, сидя на взятом напрокат стуле. Обычно пожилые люди доверяли ей.

- Привет, - сказала она ему. - Видно, что вы читаете что-то интересное.

- Читал, - поправил ее мужчина.

- Могу я помочь вам? - спросила она.

- Обычно я читаю сам, - ответил он, окинув ее ледяной улыбкой.

Холли кивнула и отошла. Страх охватил ее. Помощь ее никому не была нужна. Никто не хотел воспользоваться ее любезностью.

Она старалась успокоиться, но понимала, что это ей вряд ли удастся. Ей, первой, так не везло. У остальных все получалось отлично. Люди, пускающиеся в путешествие; обычно очень волнуются, они благодарны за любую помощь, однако здесь, в зале ожидания компании Джаст Фолкс, ее попытки установить контакт никому не были нужны.

Она попыталась пристать к мальчику, читавшему юмористическую книжку, но тот ее чуть ли не пинками прогнал прочь.

- Ты мне не мама и совсем не нравишься, - огрызнулся он.

Так устроен мир. Она в нем всегда оказывалась в проигрыше. На пути пробуждения совести человечества ее всегда подстерегали неудачи. Марши мира, поддержка революционных движений в других странах, антивоенные демонстрации - все это ни к чему не привело: в мире по-прежнему тревожно. Кругом неудачи, и вот теперь, в решающий момент ее жизни - снова провал. И она расплакалась.

Прыщавый юнец, лицо которого хотелось хорошо потереть мочалкой, спросил, не нужна ли ей помощь.

- Вот еще. Это я должна помогать.

- Тогда помоги мне, чем только можешь, киска, - сказал он, похотливо улыбаясь.

- Ты правда этого хочешь? - спросила Холли. Глаза ее расширились. Слезы моментально высохли.

- Конечно, - ответил юноша, оказавшийся второкурсником из крупного университета штата Луизиана, он возвращался в Новый Орлеан на самолете Джаст Фолкс, потому что это было дешевле, чем ехать автобусом.

А принимая во внимание, сколько теперь стоят туфли, прибавил он, даже дешевле, чем ходить пешком. Беседуя с девушкой, он старался получше запомнить разговор, чтобы потом было чем хвастаться перед однокурсниками, если дела и впредь пойдут так же хорошо.

- Тебя кто-нибудь встречает? - спросила Холли.

- Нет. Я доберусь до Кампуса сам.

- Хочешь, подброшу тебя?

- Не откажусь, - согласился он.

- Как тебя зовут, куда ты едешь и зачем, любишь ли ты кого-нибудь, что тебя волнует, и на что ты надеешься? Для меня главное - жить счастливо, - выпалила Холли. Вот черт, - подумала она. - Нужно было задавать вопросы постепенно, а не все сразу.

Но юноша не обратил на это внимания. Он ответил на все вопросы. Ей даже не пришлось слушать, достаточно было улыбаться и изредка кивать.

Каждая его шутка вызвала у нее смех, каждую мысль она находила исключительно глубокой. Эта полногрудая блондинка с кожей молочной белизны дарила ему понимание, которого он не встречал раньше.

Парочка едва обратила внимание на двух стюардов на борту, один из которых носил кимоно. Они, по-видимому, хорошо справлялись с работой: все оставались на местах и ничего не требовали. Впрочем, один из пассажиров все же захотел в туалет, но азиат в кимоно тут же научил его управлять мочевым пузырем.

Но Холли и ее другу все это было до лампочки.

В аэропорту Нового Орлеана Холли предложила студенту подвезти его. Он с восторгом согласился, тем более, что девушка намекнула: она тут знает одно уединенное местечко.

Студента привезли в унылый негритянский район, автомобиль остановился у старого, полуразрушенного дома. Холли ввела студента внутрь и там, увидев братьев и сестер по вере, с трудом сдержала волнение. Тут же находился и фанзигар. Он держал желтый платок.

Увидев платок в его руках, Холли улыбнулась. Вот она, традиция, подумала она. Холли любила традицию. И ей нравилось называть душеителя фанзигаром, как звали его в давние времена приверженцы культа Кали. Платок тоже являлся частью традиции.

- Здесь не банда наркоманов собралась? - засмеялся студент, и все засмеялись в ответ. Ему показалось, что вокруг одни прекрасные люди. Они так же, как и она, оценили его по заслугам.

Он ждал, пока Холли разденется. В это время один из присутствующих спросил, не станет ли он возражать, если ему на шею набросят платок.

- Ну уж, дудки, такие выверты не по мне.

- Зато нам они нравятся, - сказал другой молодой человек, и тут вся компания набросилась на студента, цепко ухватив за руки и за ноги, и платок оказался-таки на его шее.

Он не мог дышать, а немного спустя, сразу после приступа невероятной, мучительной боли, уже и не хотел.

- Ей это нравится, - сказала Холли, глядя на предсмертные судороги юноши, багрово-красное лицо которого приобрело синюшный оттенок. - Кали нравятся его муки. Она довольна.

- Ты молодец, сестра Холли, - подхватил ее фанзигар, ослабив желтый платок на шее несчастного. На коже у того осталась красная полоса, но крови не было. Потом фанзигар расправил это священное орудие убийства - румал. Обыскав карманы студента, они нашли всего сорок долларов.

Это разве что возмещало плату за билет, да и то только на рейсах Джаст Фолкс. Фанзигар покачал головой. Что скажет святой?

- Но разве не важнее всего жертва, принесенная Кали? - задала вопрос Холли. - Убить для Кали? Кинуть к ее ногам демона? Разве Кали не любит боль? Даже нашу? И нашу смерть?

Фанзигару, бывшему продавцу канцтоваров, пришлось с ней согласиться:

- Да, это была хорошая смерть. Очень хорошая.

- Спасибо, - поблагодарила его Холли. - Он у меня первый. Вначале мне

показалось, что я и поздороваться-то ни с кем не решусь, прямо поджилки тряслись.

- И у меня такое было в первый раз, - признался брат фанзигар, душитель, чьей обязанностью было принести Кали, богине смерти, достойную ее жертву. - Потом станет легче.

На пути в ашрам, где Кали принимала почести от своих почитателей. Ее верные слуги грызли, как положено по традиции, нерафинированный сахар и пели молитвы. Сорок долларов, завернутые в священный румал, они принесли с молитвами на засахаренных устах к Святому, которого привела в Америку сама Кали. Молитвы они произносили нараспев, перемежая их воспроизведением по Памяти предсмертных воплей жертвы - что для Нее слаще вина.

Бен Сар Дин торжественно внимал молитвам и песнопениям своих учеников, ожидая, когда к его стопам возложат священный румал. Затем важно кивнул всем, склонившимся перед ним.

- Благодаря вам, возлюбленные ученики мои. Кали вновь вкусила радость смерти, - произнес он, прибавив несколько слов на языке Бангалора, индийского города, уроженцем которого он был. Американцам это нравилось. Особенно юнцам. С юнцами легче всего работать. Они верят всему.

Бен Сар Дин протянул священному душителю, фанзигару, новый румал, одновременно с благодарностью приняв из его рук сложенный смертный платок. Беглого взгляда было достаточно, чтобы определить, что внутри находится всего сорок долларов.

Так дальше продолжаться не может, мелькнуло у него в голове. Даже на линии Джаст Фолкс с ее пониженным тарифом, если добыча составляет только сорок долларов, они теряют деньги. И это только один полет. А все другие! Ведь были случаи, когда они вообще возвращались ни с чем. А расходы огромные. Только на освящение храма в месяц уходит сто двадцать долларов. О чем думают эти сопляки? Сорок долларов. Ни в какие ворота...

Когда Бен Сар Дин уединился в своем личном кабинете, объяснив это желанием помолиться в одиночестве, суровая реальность предстала перед ним во всей своей неприглядности: три бумажки по десять долларов и две по пять. Точно - сорок долларов. Эти идиоты тратят деньги на авиабилеты, чтобы заполучить в результате жалкие сорок долларов. Его так и тянуло вернуться в храм и вытолкать их пинками на улицу.

Как ему свести концы с концами? Об этом бы хоть задумались.

Желтые платки росли в цене. Раньше он, мог купить целый гросс - двенадцать дюжин - за девяносто долларов, и это еще с печатным изображением Кали. Теперь гросс чего бы то ни было, что можно затянуть на шею чуть толще цыплячьей, стоил уже больше сотни, а уж с картинкой - и подумать страшно. А прочие реликвии с изображением Кали... Все они хорошо расходились, но цены и здесь росли как бешеные. И еще свечи. Казалось, все в Америке теперь воскуряют свечи, и тут уж цены росли, как грибы после дождя. Бен Сар Дин понял, что, если платки и дальше будут дорожать, так же как свечи и картинки, Джаст Фолкс поднимет цены на авиабилеты, а ему будет принести по сорок долларов, он вконец разорится.

Как сказать этим американским недоумкам, чтоб они хоть смотрели, есть ли у намеченной жертвы дорогие часы? Неужели это так трудно? Поищите взглядом дорогие часы, прежде чем послать демона к Кали.

Невелика просьба. Но он не знал, как ее примут. Америка - непредсказуемая страна, и в ней живут непредсказуемые люди.

Он приехал сюда семь лет назад, срок его визы истек через шесть месяцев, но изобретательная голова у него осталась. Дома, в Бангалоре, судья посоветовал ему поменьше болтаться на улицах и пригрозил в случае, если его еще раз застукают с рукой в кармане честного индуса, полицейские отвезут его в переулок потемнее и отмолят так, что бронзовая кожа станет пурпурно-алой.

В это же время один дружок рассказал ему, какая чудесная страна Америка. Там карманника помещают в отдельную комнату и кормят три раза в день хорошей пищей. Считается, так он отбывает наказание. Американцы называют этот санаторий тюрьмой.

При этом ты еще можешь получить юридическую помощь, и так как американцы считают любое наказание чрезмерным, они разрешают заключенным встречи с противоположным полом, чтобы преступники не чувствовали себя одинокими. Они также сняли решетки на окнах и дали заключенным возможность получать образование, чтобы те могли честным трудом зарабатывать деньги на свободе, но немногие воспользовались этим шансом. И кто их осудит - ведь в американской тюрьме так хорошо.

- Что-то не верится, что такие места бывают, - недоверчиво принял этот рассказ Бен Сар Дин.

- Точно говорю. Это Америка.

- Заливаешь. Таких дураков на свете нет. И стран таких нет.

- Это еще что. Как думаешь, кого они винят, если человек, уже осужденный однажды за убийство и грабеж, убивает и грабит снова?

- Не знаю.

- Самих себя.

- Врешь! - плюнул Бен Сар Дин.

- Они передали Индии зерна на пятнадцать миллиардов долларов, а посмотри, как мы относимся к Америке. Пятнадцать миллиардов, а миллиард - большие деньги даже для американцев.

- Нельзя долго оставаться богатыми при такой глупости. Как они только умудряются выжить?

- Их спасают океаны, они омывают их землю с обеих сторон.

Бен Сар Дин пересек один из океанов и, сойдя на берег с одним пенни, тут же пошел шарить по чужим карманам в надежде, что его быстро сцапают и отвезут в это чудесное место, именуемое тюрьмой. И вот однажды с Бен Сар Дином заговорил белый мужчина, оказавшийся с ним на одной скамейке у озера Понгчартрейн.

- Как вы думаете, когда я свернул с правильного пути? - спросил его белый мужчина.

Бен Сар Дин при этих словах с удовольствием бы слинял, но рука его уже основательно погрузилась в карман брюк соседа.

Мужчина нахмурил брови.

- Мы - опустошенное, бессмысленное племя, - произнес он.

Бен Сар Дин попытался высвободить руку, но ему не удавалось, и поэтому он согласно кивнул.

- Я тоже опустошенный человек, - сказал мужчина.

Бен Сар Дин снова кивнул. Росту в нем было всего пять футов, а весил он меньше ста фунтов. Сил высвободить руку не хватало.

У него были черные волосы и черные глаза, а кожа темно-коричневая, и поэтому он думал, что в Америке будет бросаться в глаза. Дома у жителей Бангалора был один цвет кожи, а в Америке - полно всяких оттенков, но никто из людей не умирал здесь на улицах, какого бы цвета они не были. В Бангалоре часто устраивали демонстрации протеста по поводу расовых притеснений в Америке, и все выходили тогда на улицу, конечно, кроме неприкасаемых, которых, если они все-таки присоединялись, избивали до смерти или прогоняли побоями.

- Что сделать мне, чтобы заслужить прощение? - спросил белый.

- Наклонитесь чуточку вперед, чтобы я мог вытащить руку из вашего кармана, - предложил Бен Сар Дин.

- Вперед. Ну, конечно. А я смотрю в прошлое, заиклен на себе и своих несчастях. Нужно смотреть вперед.

- И немного пошевелиться, - сказал Бен Сар Дин.

- Верно. Шевелиться. Нужны перемены. Вы хотите сказать, что все в моих руках, все может измениться? - спросил мужчина на скамейке.

Бен Сар Дин усмехнулся.

- Вы улыбаетесь. Считаете мои переживания смешными? - заволновался мужчина. - Или они имеют более глубокое, трансцендентальное значение?

Руку уже почти удалось высвободить из кармана.

- Немного повыше, - попросил Бен Сар Дин.

- Выше, чем трансцендентальное?

- Встаньте, пожалуйста.

- Вы превосходите меня в своей мудрости, - сказал мужчина, медленно поднимаясь на ноги. - Я понимаю, что деньги для вас ничто, но все же разрешите отблагодарить вас.

И он извлек из заднего кармана бумажник вместе с вцепившейся в него хилой ручонкой.

Бен Сар Дин понял, что наконец добился своего. Мужчина наверняка позовет полицейского. И тогда - восхитительная тюрьма.

- Как тонко уловили вы, что я хочу отблагодарить вас, - сказал мужчина. - И как глубоко прочувствовали мои проблемы!

Он поцеловал ручонку Бен Сар Дина и почти насильно сунул ему бумажник.

- Он ваш, - сказал мужчина.

Бен Сар Дин отпрянул было, охваченный подозрениями, но мужчина настаивал:

- Не отказывайтесь. Бумажник ваш. Просветление снизошло на меня. Узы материализма отброшены. Постепенно покончу и с другими оковами, и всем этим я обязан вам. Что сделать для вас, друг мой?

- А мелочишки при вас нет? - осмелел Бен Сар Дин, сделавший величайшее открытие: мозги американцев больше открыты для обработки, чем их карманы.

Открытие стало поворотным моментом в карьере Бен Сар Дина. Он понял, что в Америке можно продать все, самую несусветную ерунду, надо только, чтобы продавец намотал на голову полотенце и произносил нечто мистическое.

Проблема заключалась в выборе подходящей религии. Большинство хороших религий уже разобрали практичные люди, делая на этом большие деньги. Люди хорошо платили, например за то, что их обещали научить парить в воздухе.

И вот тогда, одним дождливым днем, находясь в центре Нового Орлеана, Бен Сар Дин вспомнил родную историю и старых грабителей с большой дороги.

До прихода англичан житель Индии вряд ли мог пересечь границу другой провинции без вооруженного отряда.

Но во время английской тирании - Бен Сар Дин привык так называть этот период - начали функционировать школы, заработали суды, власти стали прокладывать дороги, чтобы подтолкнуть крестьян к участию в торговле.

Но с дорогами были сложности. На них объявились служители Кали, разбойники-душители. Согласно религии, они могли убивать, но только не проливая крови. Индусы и мусульмане, проявив редкое единодушие, охотно вступали в банды тугов-душителей - так слово туг проникло в английский язык. Британское Министерство колоний по своей косности сочло неуместным, что банды убийц рыскали по дорогам, грабя путешественников, поэтому после нескольких лет упорной полицейской работы был наконец повешен последний преступник.

Бен Сар Дин навел справки. Никто еще не догадался делать деньги на Кали. Тогда он отправился в лавку антиквара и там отыскал статую богини. Стоила она удивительно дешево. Купив изваяние, Бен Сар Дин, бережно держа богиню в руках, спросил у бывшего владельца, почему он так мало за нее запросил.

- Да потому что эта чертовка приносит несчастье, - ответил хозяин лавки. - Ее привезли в страну сто лет назад, и все ее владельцы плохо кончали. Теперь она ваша, дружище.

Но Бен Сар Дин был парень не дурак, во всяком случае, не настолько, чтобы верить в могущество одной богини - ведь в пантеоне его страны подобных божеств было около двадцати тысяч.

Сняв старый сарай, он переоборудовал его в ашрам и там установил статую.

И дело пошло. Первыми новообращенными стали студенты. По их словам, раньше они были скованы робостью и страхом, но стоило им впервые стянуть румал на шею человека, как они обрели силу.

Ученики сами многому научили Бен Сар Дина, которого звали Святым, эти дотошные ребята узнавали все новые и новые детали, связанные с культом Кали, богини смерти. Он не знал, где они добывают информацию и как проникают в суть индийских слов. А потом одной ужасной ночью ему приснилась многорукая богиня, она говорила с ним.

- Мелкий воришка, - сказала она ему. - Я оставляю тебе жизнь, потому что ты дал мне новый дом. Знай, мелкий воришка, все эти годы я жаждала вновь лицезреть смертные муки жертв. Не вмешивайся, мелкий воришка, в ритуалы смерти. Ничто на свете так не мило мне, как они.

Вбежав в пустой ашрам, Бен Сар Дин поднял глаза на ничего не стоящую, убогую статую, которую он даже не покрыл свежей краской, и увидел, что за это время у нее выросла еще одна рука. Ничто не указывало - ни шов, ни краска - что этой руки раньше не было. Только его память могла свидетельствовать обратное. Насмерть перепугавшись, он решил, что ошибся числом, и выбросил этот случай из головы.

К этому времени маленький индиец весил уже девяносто шесть кило и стал похож на гигантский колобок. Носил он костюмы за тысячу долларов и водил Порше 911 С. Зимой проводил на Ямайке, лето в Мэне, дважды в год навещал Французскую Ривьеру, и все это благодаря желтым платочкам, которые возвращались к нему с деньгами.

Он умел сохранять хорошую мину при плохой игре. Поэтому, когда в румале оказалось всего сорок долларов, он все-таки проделал перед свихнутыми юнцами разные индийские трюки, которых они ждали, и взял деньги. Хотя на эти деньги в Новом Орлеане нельзя даже прилично пообедать.

В этот тягостный вечер он не предполагал, что его денежные затруднения скоро кончатся и что он со своими огольцами станет во сто крат опаснее, чем любая

банда, разбойничавшая на индийских дорогах.

Отправившись этой ночью спать, он не слышал, как песнопения в ашраме приобретают истерический характер.

Холли Роден, которая прошла в этот день инициацию, первая заметила перемену. Такова была ее награда за ублаговторение Кали.

- Растет, растет! - завопила она.

На боку статуи появилось небольшое утолщение, оно медленно вытягивалось - так медленно, что, казалось, всегда было на этом месте, однако, присмотревшись, можно было заметить несколько маленьких отростков - на растущей руке намечались пальцы.

Кали говорила с ними, и они Ее поняли.

У нее выростала еще одна рука.

И руку нужно было кормить.

#Глава пятая#

Компания Джаст Фолкс внесла несколько поправок в должностную инструкцию стюардов. Римо не понимал, что это означает, и тогда инспектор сказала ему:

- Когда пассажир хочет в туалет, не надо читать ему лекцию о том, как управлять своим мочевым пузырем.

Инспектор была привлекательной темноволосой женщиной с обаятельной улыбкой; в ее поведении ощущалась отчаянная решимость, которая возникает, когда люди вдруг осознают, что дела идут не так уж хорошо. Она уже пообвыкла в компании Джаст Фолкс и не считала зазорным, что в полетах за пользование туалетной комнатой брали дополнительную плату, а напротив, видела в надзоре за этими поборами священную обязанность персонала.

- За каждое посещение туалета мы берем двадцать пять центов, - говорила она Римо. - К концу полета плата возрастает до четырех долларов. Поэтому, пожалуйста, вразумите своего коллегу и запретите ему давать инструкции, как избежать посещения туалета.

- А почему к концу полета плата возрастает до четырех долларов?

- Мистер Бейнс считает, что к концу путешествия пассажиры становятся довольно невыносимыми, так что это своего рода вознаграждение. Плата идет по возрастанью. Сначала - двадцать пять центов, после взлета - пятьдесят. И так далее.

- Но это грабеж, - сказал Римо.

- Никто не заставляет пассажиров пользоваться нашими туалетными комнатами.

- А что им делать?

- Надо быть предусмотрительнее и посетить туалет до отлета.

- А как объяснить пассажирам, почему плата так резко возрастает?

- Обычно мы говорим, что к концу полета расходуется больше горючего, и дополнительные нагрузки увеличивают траты.

- Не буду я требовать лишние деньги за удовлетворение естественной потребности.

- Тогда убыток покроют за счет вашего жалования.

Уже в следующем рейсе Римо первым делом раздал пассажирам закуски и содовую воду. Вырвал замки из дверей туалетов. Выдал всем бесплатно подушки и посоветовал после окончания полета забрать их домой как сувениры. Затем стал приглядываться к сидящим в салоне людям: не замышляется ли здесь новое убийство? Ему уже стало известно, что студент, летевший в его прошлый рейс, найден задушенным и ограбленным.

Но нет, его внутреннее чувство говорило, что пока ничего не планируется.

Позже он спросил Чиуна:

- Папочка, ты излучаешь ощущение смерти?

- Я не считаю смерть злом. Поэтому не излучаю, - ответил Чиун.

- Значит, могут существовать и другие люди, тоже не считающие смерть злом, - задумчиво произнес Римо. - И тогда они тоже не будут излучать смерть.

- Вполне возможно.

- Не могу поверить, что на свете ходят обученные профессионалы-убийцы, которые одновременно занимаются мелким воровством, - сказал Римо.

- Они могут и не быть обученными профессионалами. Тут возможна другая причина, - возразил Чиун.

- Какая?

- Поживем - увидим, - ответил Чиун и вернулся к пассажирам.

Ему нравилось быть стюардом, особенно если пассажиры оказывались покладистыми и делали то, что им говорили. Больше всего он любил обеспечивать их безопасность, рассказывая, что нужно делать в случае катастрофы.

- Крылья от самолета всегда отваливаются вот так, - показывал он. - Если это

случится, старайтесь чувствовать себя не частью самолета, а частью Космоса.

- Вот как! И что же нам для этого делать? - не выдержала толстуха в салоне для курящих.

- Прежде всего, надо изменить вашу гнусную систему питания, - отозвался Чиун, тогда же решивший, что на его рейсах не будет салонов для курящих.

Он старался занять время пассажиров чтением, принеся несколько своих петиций и отрывки из поэзии Унг, где автор воспевал первый лепесток первого цветка в первое утро после сотворения мира.

- Не по душе мне эти цветастые разглагольствования, - попробовал было сопротивляться один молодой человек. - Лучше пойду покурю.

Но Чиун доказал ему, что вовсе не обязательно пользоваться пристяжным ремнем, чтобы сидеть как привязанный в кресле. Он проделал некоторые манипуляции с позвоночником юноши, и тот вдруг сразу по-новому оценил стихотворение. Он полюбил его всей душой.

Тогда Чиун сказал, что ему не нужно одобрение, вырванное силой, это не одобрение, а чистой воды притворство. Но юноша клялся, что проникся любовью к стихотворению, и слова, похоже, шли от сердца. В глазах его стояли слезы.

Чиун часто обходил пассажиров и беседовал с ними. Особенно по душе ему были рассказы родителей о неблагодарности детей, и тогда он подзывал Римо, чтобы тот тоже послушал.

В тот раз Римо обратил внимание на молодую блондинку с молочно-белой кожей, которая благоговейно внимала пожилому джентльмену, распространявшемуся по поводу спастических тканей в несчастливом мире - так он это называл.

Вокруг все спали, поверженные в сон вечной поэзией Унг. Все, кроме девушки. Ее голубые глаза были широко раскрыты, ее, казалось, глубоко потрясла мысль, что не стоит пытаться продать несчастливую ткань в спастическом мире и наоборот. Мужчина же был, несомненно, коммивояжером. Римо понял это по хвастливым выражениям, которые звучали бы уместно разве что в устах Наполеона или Александра Македонского.

Мужчина, по его словам, уже покорил Новую Англию и Южную Америку. Скоро Канада будет его. В Европу он не едет, потому что там уже все прибрали к рукам.

Римо понимал, что мужчина перечисляет места, где он распространяет свои товары. Римо понятия не имел, что такое несчастливая ткань, хотя ему казалось, что она используется в молниях.

Девушку он вроде бы видел раньше. Посмотрев на список пассажиров, Римо узнал, что ее имя Холли Роден. Римо попросил девушку уделить ему несколько минут.

- Только не больше, киска, - бросил ей вслед коммивояжер.

Римо привел девушку в отсек между пассажирским салоном и кокпитом. Оттуда выглянул второй пилот и заговорил с ним.

- Я занят, - отрезал Римо.

- Слушай, парень, я летчик, а ты простой стюард. На тебе нет даже формы. Ты сию минуту приготовишь мне кофе, понял?

Римо вывернул руку летчика так, что она стала похожа на ручку от чашки, сунул его голову в кофейник, а затем подтолкнул мокрого как курица пилота в сторону кокпита.

- Ты сам теперь как чашка кофе, - сказал Римо. Римо хотел наконец заговорить с девушкой, но на этот раз из салона вышел пассажир с просьбой дать чего-нибудь выпить.

- Обратитесь ко второму стюарду, - сказал Римо.

- Он посоветовал обратиться к вам.

- Что вам надо?

- Стаканчик шипучки. У вас есть шипучка?

- Берите, что хотите, - сказал Римо.

Пассажир стал рыться в баре. Холли сказала, что хотела бы вернуться на свое место. Сказано это было очень вежливо, на что последовал такой же вежливый ответ: нет.

- Нету здесь шипучки, - пожаловался пассажир.

- Да возьмите себе чего-нибудь, - бросил ему Римо.

- Можно водку и ром?

- Ради бога. Берите и уходите.

- А две порции можно?

- Да. Только уходите поскорей.

- Две?

- Да хоть все, - сказал Римо.

- Вы правда стюард? - спросила Холли у Римо. Она не чувствовала страха. Ведь на ее стороне была сама Кали.

- Конечно, - сказал Римо. - Я уже видел вас раньше. На этом же рейсе.

- Нет, не на этом, - поправила его Холли. - Этот рейс начался полчаса назад. Прекрасный ответ. Ей нравилось ставить людей на место. Этому научила ее мать. Единственное, на что стодилась родительница.

Римо предложил девушке сесть на стол для подогрева, благо кофейник на нем уже не стоял.

- Вы не имеете права говорить со мной в таком тоне. Существуют определенные правила поведения. Вы будете уволены.

- Ладно, - сказал Римо.

- Что?

- Проехали.

- Больше от меня ничего не требуется?

- Идите на свое место.

Она пошла в салон, а Римо следил за ней. Что-то было не так с этой молодой леди. Интересно, заметил бы это Чиун? Но Чиун беседовал с группой людей, которые соглашались с ним, что в Америке стало мало настоящих профессионалов. Профессионал - фигура из прошлого. Чиун согласно кивал, а в конце беседы вытащил из кимоно еще одну петицию: Остановить убийц-любителей.

Римо позволил Холли Роден спуститься с трапа самолета вместе с мужчиной, к которому она неприкрыто ластилась, но когда они собирались сесть в машину, где уже находились некие молодые люди, Римо решительно подошел к автомобилю и потребовал, чтобы коммивояжер убирался прочь.

Тот пригрозил позвать полицию. Заметив на его пальце обручальное кольцо, Римо посоветовал ему пригласить заодно и его жену.

- Ну и дрянная же авиалиния! Никогда не видел такого плохого обслуживания, - сказал коммивояжер.

- Мы хотим его подвезти, - вмешалась в разговор Холли. - Имеем полное право.

- Подвезите лучше меня, - потребовал Римо.

- А вот этого не будет.

- Давай подвезем его, - сказал мужчина на переднем сидении.

- Зачем нам нужен этот сукин сын! - взорвалась Холли. - С нами едет другой мужчина, а он пусть катится ко всем чертям. Этот подонок - стюард с самолета, и я скорее провалюсь, чем позволю ему сесть в машину.

Молодой человек на переднем сидении не пытался урезонить девушку, как сделала бы ее мать, или докопаться до причины недовольств, как поступил бы отец. Не нужно ему было, как ее педагогам, и устанавливать мостик взаимопонимания. Он поступил гораздо эффективнее. Врезал ей по зубам. И довольно сильно.

- Мы с радостью подвезем вас, - сказала Холли.

- Премного обязан, - поблагодарил Римо. - Вы, вижу, много путешествуете.

- Только по необходимости, - отозвался молодой человек.

Самолет приземлился в аэропорту Ралей-Дэрем, и молодые люди поинтересовались, в каком направлении Римо лучше ехать - к Университету Дьюка или к Чейпл-Хилл.

- Мне главное - поболтать, - сказал Римо.

- Мы тоже любим поговорить, - заверил его молодой человек.

Он провел рукой по карману рубашки, и Римо понял, что именно там находится оружие, хотя оттуда торчал только желтый платок.

Автомобиль остановился у небольшого леса, где молодые люди решили устроить пикник. Они объявили, что умирают с голода, и начали сладострастно расписывать вкус цыплят, поджаренных, с румяной корочкой, сочных крабов в соусе и тающего во рту шоколада. Римо подташнивало при мысли о такой еде, но он помалкивал, понимая, что они стараются этими разговорами вызвать у него аппетит.

Остановив машину, они вместе с Римо прошли по узкой тропинке на лужайку, где распаковали корзину с едой.

- Простите, - сказал молодой человек, сидевший на переднем сидении рядом с водителем, - можно накинуть этот платок вам на шею?

- Валяй, - ответил Римо.

Выходит, никакого оружия внутри платка не было. Платок сам был оружием. Остальные молодые люди схватили его за руки и за ноги. Платок обвил шею, затягиваясь все туже. Римо, сопротивляясь, напряг нужные мышцы. Он лежал, не двигаясь, а вся молодежь навалилась на него.

Душитель продолжал затягивать платок. Римо не шевелился.

- Ей по душе его муки. Она возлюбила их!

- Да возлюбила, как же! - возразил водитель. - Смотри, он даже не покраснел. Римо усилием воли поднял кровяное давление, и лицо его раскраснелось.

- Вот теперь, вроде, пошло, - сказал водитель.

- Теперь Она наслаждается его муками, - снова затянула свою песню Холли.

- Но почему он не умирает? Затягивай сильнее, - потребовал водитель.

Петля затягивалась все туже. На лбу фанзигара выступил пот. Суставы пальцев побелели, запястья напряглись до предела. Холли Роден ухватила за один конец румала, помогая тянуть. Теперь она действовала заодно с фанзигаром. Но демон, которого собирались принести в жертву Кали, улыбнулся, и румал разорвался пополам.

- Привет, - сказал Римо. - А теперь поговорим начистоту об убийствах и грабежах.

- Ты все еще не мертв? - удивился фанзигар.

- Не буду спорить, - сказал Римо.

Водитель в страхе бросился к машине. Римо ухватил его сначала за одну ногу, потом за другую и с силой ударил о ствол дерева, сломав позвоночник надвое. Тело дернулось и затихло.

Фанзигар открыл в изумлении рот. Когда он увидел, что стало, с водителем, его стало рвать. Тело товарища сложилось пополам - затылок несчастного касался пяток.

- Теперь уже не делают крепких людей, - сказал Римо. - Вот, к примеру, неандерталец - тот был основательный мужик. Прочный, как скала. Стукнешь неандертальцем по дереву - оно и сломалось. А этот... только взгляните. Ему уже ничем не поможешь. С ним покончено. Шмяк об дерево - и такой грустный финал. Что скажешь, ангелочек?

- Это вы мне? - спросила Холли Роден. Она все еще сжимала в руке половину желтого платка.

- Тебе, ему - наплевать - кому, - сказал Римо. - Так что же все-таки происходит?

- Мы исполняем обеты, лежащие в основе нашей религии. Это наше право, - сказал фанзигар.

- Зачем вы убиваете людей?

- А зачем католики служат мессу? Зачем протестанты поют свои хоралы? Зачем евреи исполняют канты?

- Душить и грабить - плохо, - назидательно сказал Римо.

- Это ваше мнение, - сказал фанзигар.

- Вам доставит удовольствие, если я убью вас?

- Валяйте. Да здравствует смерть!

Римо заколебался. Он взглянул на девушку. Та была так же спокойна, как и юноша. Потому-то он и не почувствовал запаха смерти в самолете.

- Валяйте, - повторил юноша.

- Непременно, - отозвался Римо. - Если вы так настаиваете, - и он швырнул юношу как куль прямо в корзину с провиантом.

- Да здравствует боль! - выдохнул юноша, испуская дух.

- Что все это значит? - спросил Римо у девушки. Холли Роден взирала на изуродованное тело. Как быстро, как легко! Раз - и человек ломается, как сухая тростинка. Она чувствовала, как тепло разливается по ее телу, а в животе что-то сладко заныло. Как прекрасно! Этот странный человек убивал быстро и легко.

Ничего подобного она раньше не видела. Только сейчас она по-настоящему почувствовала вкус смерти. Та может быть прекрасной, если ее приносит могучая сила. Не ползком перебираться в вечность, а мгновенно - от мощного удара об дерево. Она взглянула на фанзигара - он распластался на земле, словно конфетная обертка.

Холли перевела взгляд на Римо. Красивый темноглазый мужчина с широкими скулами. Его пронзительный взгляд обдал жаром ее тело. Она отчаянно хотела его. Всего целиком. Чего бы от него ни исходило - смерть или жизнь. Его тело, его руки... Смерть и страсть - одно целое. Ей открылась тайна Кали. Смерть - это сама жизнь. Они едины.

Холли Роден упала к ногам Римо и стала покрывать поцелуями его стопы.

- Убей и меня, - просила она. - Подари мне смерть. Во имя ее.

Римо отступил, и девушка поползла на коленях за этой прекрасной силой, дарующей смерть. Она ползла по тропе, камни ранили ее колени, обагрив землю кровью. Она стремилась к мужчине, желая служить ему.

- Убей меня, - молила она. В устремленных на него глазах застыла мольба. - Убей

меня. Во имя Ее. Смерть прекрасна.

И тут впервые в жизни Римо бежал. Он бежал с этой лужайки от чего-то, что не мог понять. Бежал, даже не зная, от чего бежит.

В аэропорту он наткнулся на Чиуна, который останавливал всех подряд, требуя подписать петицию. Но увидев Римо, старик тут же спрятал бумагу в кимоно, поняв, что случилось нечто серьезное.

До самого Нового Орлеана Чиун не позволил себе ни одного критического замечания в адрес Римо, не жаловался на судьбу, не говорил, что ему выпало несчастье тренировать белого, а когда они сошли с самолета, даже похвалил Римо:

- Хорошо двигаешься и дышишь.

- Не беспокойся обо мне, папочка. Просто мне надо подумать.

- Понимаю, сказал Чиун. - Поговорим, когда ты сам этого захочешь.

Но даже поздно вечером, устроившись в новом отеле, они не поговорили по душам. Римо лежал без сна и глядел на звезды. Чиун с беспокойством следил за Римо, а ночью убрал свои петиции в дорожный чемодан.

Петиции могут подождать - случилось, он знал, нечто более важное.

#Глава шестая#

Ожидая, когда принесут завтрак, Бен Сар Дин все еще переживал из-за сорока долларов. Завтракать пришлось не в любимом дорогом ресторане - сейчас он не мог себе этого позволить.

Выйдя из ресторана, он пошел бродить по улицам. С Америкой явно неладно. Если вы покупаете билет на самолет и посылаете трех людей выполнить определенную работу, а того, что они приносят, не хватает на приличную еду с десертом, то дело обстоит из рук вон плохо. С экономикой. И со всем прочим.

Люди делали состояния, собирая средства в помощь революционным движениям, которые вряд ли были больше бандитской шайки. Один йог продавал некое тайное слово за двести долларов, и к нему всегда стояла очередь недоумков.

Некоторые секты имели свои особняки. Другие владели корпорациями, которые вскоре могли попасть в книгу 500 самых крупных состояний. Некоторые преуспевающие йоги покупали целые города, разъезжали в Роллс-ройсах, а те же недоумки бросали цветы к их ногам.

А что было у Бен Сар Дина?

Ашрам, полный психов, готовых убить за сорок долларов - только бы поглазеть на судороги жертвы. А он из-за них теряет деньги. Бизнес с Кали начался неплохо, но теперь психам больше по душе убийства, чем грабеж, а он - на грани разорения.

В стане неограниченных возможностей раз вам не удастся делать деньги убийством и грабежом, то как их еще добыть?

Ему захотелось взять честно заслуженный премиальный купон компании Джаст Фолкс и улететь куда-нибудь подальше. Но разжиревшим рукам тяжело теперь шарить по чужим карманам, и к тому же он привык к роли духовного вождя американской молодежи. В этот полный волнений и тревог вечер больше всего его заботило то, что он смутно чувствовал: ашрам мог принести много денег. У него были бесплатные помощники и божество, достойное, как показывала практика, поклонения.

Но как выкачать из этого деньги? Хорошие деньги. Рассылать по стране большие группы? Не выход, нет. А что, если все вернуться с пустыми руками? Это только увеличит денежные потери. Снизить расходы? Дальше некуда. Более дешевыми платками вообще никого не задушишь. Он попробовал раз купить вместо желтых белые платки, но это вызвало бурю негодования среди паствы, настаивающей на прежнем цвете. А как можно спорить с людьми, которым не платишь ни пени?

Покупать билеты на еще более дешевые авиарейсы? Но там, скорее всего, встретишь одну голь, без цента в кармане. Его психи, прикончив жертву, смогут принести разве что талоны на бесплатное питание.

Бен Сар Дин явственно ощущал, что круг вокруг него сужается, и не видел из него выхода.

И тут, впад в черное отчаяние, он вдруг услышал ангельские голоса - прекрасная песня, полная веры и наслаждения бытием, неслась к небесам. Оглядевшись, Бен Сар Дин увидел, что забрел в район негритянской бедноты. Сладостные звуки неслись из церкви. Он вошел в нее и сел в последнем ряду.

Священник пел вместе с хором. В проповеди он говорил об аде и спасении, но больше всего он говорил о чудесной ткани, которая помогает в насущных делах, а в сочетании с чудодейственным соком может исцелить подагру, ревматизм, кишечные болезни и рак легких.

Когда служба закончилась, Бен Сар Дин подошел к священнику.

- Что тревожит тебя, брат? - спросил священник

Ти Ви Уокер, энергичный мужчина, черное лицо которого прорезали глубокие морщины, а пальцы больших рук унизывали золотые перстни с бриллиантами. Перед Бен Сар Дином стоял глава Церкви Быстрого Спасения.

- Бизнес идет плохо, - пожаловался Бен Сар Дин.

- Какой у тебя бизнес? - спросил Уокер.

- Религиозный.

- Значит, из наших, - залился смехом Уокер, а когда Бен Сар Дин объяснил ему, что практикует индийскую веру, Уокер поинтересовался, сколько ему перепадает за неделю.

- Раньше дела шли неплохо, но теперь денежки уплывают из рук.

- Если не знаешь, как управлять финансами, дело - дрянь. Я вот что делаю: выбираю самую уродливую прихожанку, трахаю ее от души, а потом передаю в ее руки управление финансами. Она из кожи лезет, чтобы дела шли хорошо. Этому я научился у отца, он тоже был священником - из тех, что рычат на свою паству и спуску не дают. Поступай, как он, и твои прихожане станут кроткими, как овечки. Ори на них.

- У меня несколько иной круг верующих, - сказал Бен Сар Дин.

- Да все они одинаковы. Людям нравится, когда на них кричат.

- Нет, они другие. Я их боюсь.

- Вот возьми это, - сказал Уокер и протянул ему небольшой, отделанный серебром автоматический пистолет.

По его словам, священнику неудобно носить большое оружие, а этот, с перламутровой рукояткой, можно засунуть в карман пиджака или брюк. Его отец, сказал Уокер, носил с собой кинжал.

- Мои - просто психи, - признался Бен Сар Дин. - Я правду говорю. Сущие психи. На них нельзя орать. Вы не понимаете.

- Послушай, толстяк. Я покажу, как управляться с твоими психами. Но не даром, - сказал Уокер. - За вознаграждение.

- Ты станешь на них орать?

- Они у меня присмирят, вот увидишь. А когда я приберу их к рукам, помни... бери самую уродливую и пусть она решает за тебя все проблемы.

Бен Сар Дин окинул взглядом крупную фигуру священника. А кто его знает? Может, утомит их. А когда все вернется в прежнюю колею, уж он им объяснит, что возвращаться с сорока долларами в румале - большой грех, особенно в наше время, когда на такую сумму даже поесть прилично нельзя.

- Ладно, черномазый, - согласно кивнул Бен Сар Дин. - По рукам.

- Как ты сказал? - встрепенулся Ти Ви Уокер.

- Что-то не так?

- Только черномазый может называть другого так.

- А меня все так называют, - попытался оправдаться смущенный Бен Сар Дин. - Я думал, что это нас объединяет, делая братьями по крови.

- Нет. Ты, конечно, довольно темный, но говоришь не по-нашему.

- Это британские империалисты внесли смуту, - оправдывался Бен Сар Дин, попытавшийся передать в одной фразе основной тезис стран Третьего мира, который гласит, что за все в ответе белые. Впрочем, если так думать, никогда не будешь виноват.

Священник Уокер тщетно искал взглядом в ашраме кафедру. Только голый, хорошо отполированный пол, статуя святой с множеством рук и довольно-таки уродливым лицом. И никакого, даже отдаленного, запаха готовящейся еды. По ашраму бродили туда-сюда очень тихие, очень белые и очень молодые люди.

- Когда начинается служба? - спросил Уокер у Бен Сар Дина.

- Не знаю. Обычно они сами выбирают время.

- Зря. Этому надо положить конец. Кто в конце концов глава церкви? Надо прочитать им хорошую проповедь.

Взгляд его упал на хорошенькую блондинку, она пребывала в радостном возбуждении, щеки ее покраснелись. Ладно уж, на этот раз, ради своего смуглого собрата, он сделает исключение и выберет не самую безобразную женщину. Иногда надо обращать внимание и на хорошеньких.

- Братья и сестры, - пробасил он.

Жаль, что нет кафедры, он бы стукнул как следует по дереву. И еще жаль, что нет стульев и привычно обращенных к нему лиц. Половина молодых людей уткнулась головой в пол, а взгляд другой половины был устремлен на него - туда, где стояла статуя.

- Мы должны идти правильным путем, - завопил во всю мощь преподобный Ти Ви Уокер. - Не болтаться, не трепаться. Хотите Богу угодить, надо денежки платить. Молодые люди по-прежнему не обращали на него внимания. А он-то думал: такие стихи - беспроектный вариант. Они практически никогда не подводили. Один чернокожий проповедник даже выставил свою кандидатуру на президентских выборах, хотя всего лишь умел выразить свое представление об атомном веке в стихах для дошкольников.

Священник недоумевал, отчего эти молодые люди совсем не реагируют на его слова.

- Ну, что ж, если не действует проповедь, может, они клонут на пение?

Его богатый голос разнесся по всему ашраму, он говорил о сладостном взаимопонимании, очистительном страдании, призывал к вере. Уокеру нравилось, как он это делал. Но молодежь по-прежнему никак себя не проявляла. А ведь он выкладывался перед этими сопляками основательно.

Тогда Уокер громко хлопнул в ладоши, привлекая внимание аудитории. Ни один Уокер из четырех поколений священнослужителей никогда не пасовал перед своей паствой, и он не собирался быть исключением. Он топнул ногой. Затем еще что-то проорал, но все тщетно.

Тут хорошенькая блондинка улыбнулась ему и кивком позвала в боковую комнату.

Священник Уокер не оставил без внимания эту улыбку. Есть и другие пути, которыми можно вразумить заблудших прихожан. И он знал их все. Подмигнув в ответ, он последовал за девушкой.

- Привет, - сказала она.

- Рад встрече, - сказал священник.

- Можно обвить его вокруг вашей шеи? - раздался голос за его спиной.

Ага, значит, эти белые практикуют групповуху.

- Моя шея в вашем распоряжении, - ответил Уокер, широко улыбаясь. Он стал сто восьмым.

Бен Сар Дин ожидал результата деятельности брата Уокера в своей личной молельне, когда услышал стук в дверь. Его звали предстать перед Ней.

- Хорошо, - подумал он. - Значит, священнику удалось их вразумить.

Но священника Уокера в ашраме не было. Только несколько молодых людей, один из которых держал в руках этот идиотский желтый платок. Бен Сар Дин не помнил, чтобы посылал какую-нибудь группу, но все может быть, они теперь ничего ему не говорят. Интересно, что на этот раз у них в румале. Медяки, наверное. Он осмотрелся, нет, священника в ашраме точно не было. Может, он кончил работать и ушел?

- Ей это пришлось по душе, - сказал один из посвященных.

Бен Сар Дин сунул руку в карман. Платка там не было. Он взглянул на обращенные к нему лица учеников. Эти психи убьют, если не дать им новый румал. Задушат голыми руками.

- Мы ждем, Святой, - сказал ему недоросток из Индианаполиса, который называл себя фанзигаром. Таких у него было уже несколько.

- Правильно. Ждите, - сказал им Бен Сар Дин. - Ожидание - лучший способ служения нашей божественной Кали.

- Вы не принесли румал? - спросил недоросток из Индианаполиса.

- Забвение - тоже форма служения. Почему мы помним? Этот вопрос мы должны задать себе, - сказал коротышка-толстяк. Он весь взопрел, рот его пересох. Он силился улыбнуться. Если ему удастся, может, они не поймут, что он готов бежать от них на край света.

Бен Сар Дин попытался благословить учеников - он как-то видел, как это делается. О, нет! Машинально сделав крестное знамение, он тут же, опомнившись, произвел все действия в обратном порядке, как бы стирая предыдущий символ.

- Кали отвергает ложную веру, - произнес он вкрадчивым голосом. Сможет ли он сбежать?

- Вы не принесли румал, благословенный румал, которым мы служим Ей, - сказала белокурая девушка из Денвера. Ее он боялся больше всех, подсознательно чувствуя, что она наслаждается смертными муками убиенных больше юношей.

- Вознесем наши молитвы Кали, - призвал Бен Сар Дин.

Он оглянулся на дверь. Если повезет, он сможет удрать переулками и - прочь из Нового Орлеана. Похудеет и снова начнет обчищать карманы. А если попадется, то уж тогда-то угодит наконец в тюрьму. Во всяком случае останется живым. Эта мысль согревала душу.

Ноги Бен Сар Дина сами собой пришли в действие, он не мог уже их остановить.

Они задвигались и – довольно живо. Но все-таки недостаточно.

Кто-то схватил его лодыжки, другие крепко держали за руки, и он понимал, что скоро они доберутся до горла. Ноги его продолжали по инерции выписывать кренделя, но уже не вели к цели. Его понесли к подножию статуи, у которой стало гораздо больше рук.

Религиозные страсти вышли из-под контроля, – подумал он, – что-то надо делать.

– Кали! Кали!

Начались песнопения; сначала раздались два резких выкрика, застучала барабанная дробь, и пол задрожал от топота ног, а затем весь ашрам стал сотрясаться от гимна в честь Кали. Кали божественной. Кали – дарительницы смерти. Кали непобедимой, великой Богини смерти.

Пол содрогнулся под спиной Бен Сар Дина, пальцы рук онемели – слишком крепко его держали за запястья. В нос ударял резкий запах навощенного пола, ноги ныли от вцепившихся в них пальцев.

Гимн продолжался. Кали! Кали!

Бен Сар Дин подумал, что, если он слышит голоса, ощущает запахи, чувствует, как дрожит пол, значит, еще жив. А он хорошо усвоил, что ученики никогда не поют перед удушением. Всегда после. Конечно, он не мог считать себя тонким знатоком культа. Все, что он сделал, – это купил статую и научил этих белых юнцов нескольким индийским словам.

Бен Сар Дин почувствовал необычное ощущение на подошвах. Что-то вроде щекотки.

– Пожалуйста, не мучайте меня, – взмолился он. – Имейте жалость.

– Это всего лишь поцелуи, – сказал фанзигар из Индианаполиса.

Бен Сар Дин открыл глаза. Копны светлых волос склонились к его ногам.

– Головы – на север, – приказал он.

– Сбылось, сбылось, – говорила белокурая девушка. – У него нет румала.

– Раз вы так считаете, – уклончиво произнес Бен Сар Дин.

– Нам сказали, что у тебя его не будет, – продолжала девушка.

– Кто сказал? Выкиньте его из ашрама, кто бы он ни был, – изобразил возмущение Бен Сар Дин. – Что он знает?

Они смотрели на него сверху вниз. Он отдернул ноги от белокурой девушки и поднялся, оправляя одежду.

– Так у тебя есть румал? – спросил один из юношей.

– Почему тебе так интересно?

– Скажи, что у тебя его нет. Ну, пожалуйста, – просила белокурая девица. Слезы радости струились из ее глаз.

– Ладно. Раз уж вы так пристали, то скажу: действительно его у меня нет. А теперь отодвиньтесь подальше. Святые не любят, когда их теснят.

– Кали, великая Кали, вечная Кали-победительница! – запели трое юношей. Ноги их затопали по деревянному полу ашрама.

– Все верно, – сказал Бен Сар Дин. – Я принесу вам новый румал. В этот раз я знал, что его не следует приносить.

– Она открыла нам это. Мы все знали заранее, – сказала Холли Роден.

– Только Святые могут знать и предсказывать, – наставительно произнес Бен Сар Дин, оглядывая учеников. Никто не возражал, поэтому он повторил эти слова еще раз, с большим пылом. – Только один может предсказывать.

– Это Она. Она, – повторила Холли Роден. – Она сказала, что к ней нужно принести двух людей. Тот, кто будет без румала, – Святой, наставник. Это ты.

– Ас румалом? – спросил Бен Сар Дин.

– Он станет ее возлюбленным. И мы, убив его, пошлем к Ней, – сказала Холли Роден. – Но этот человек – не ты. – Блондинка улыбалась Бен Сар Дину. – Тебе любопытно, кто он?

– Святой не испытывает любопытства, – сказал Бен Сар Дин, которому, напротив, очень хотелось знать, о чем она говорит.

– Ты заметил, что нас стало меньше? – спросила у него Холли Роден.

Толстяк-индус огляделся. Двух, вроде бы, не доставало. Где же они? Возможно, нашли себе еще более безумную религию.

– Сегодня – здесь, завтра – там, – произнес он вслух. – Многие прельщаются мнимыми куклами, не выдерживающими испытания временем, и мы с радостью расстаемся с такими. Надо только убедиться, что они не тащат с собой жертвенные деньги из румалов. Эти деньги нужны Кали. Это часть нашей веры, веры наших отцов, и сейчас, и в ноябре, конечно, – сказал он, вспомнив почему-то о неоплаченном счете за электричество.

– Нет. Наши друзья не покинули нас. Остались верны. Они приобшились к таинству

смерти. Она прекрасна. Смерть их была мгновенной и ослепительной, - сказала Холли Роден.

- Подожди-ка. Ты хочешь сказать, что наши люди гибнут?

- Да здравствует смерть! Да здравствует Кали! - прокричала девушка. - Нам явился великий, тот, кто ей желанен. Ее возлюбленный. И мы принесем его к Ней, в руках у него будет румал.

Бен Сар Дин взял желтый платок, который ему всунули в руки, и вернулся в свой кабинет.

Это уже слишком, - думал он. - Они хвятили через край. Одно дело - убивать для статуи со множеством рук, но болтать о каком-то возлюбленном, который соединится с Ней в смерти - это слишком. Холодный пот прошиб его, когда Бен Сар Дин осознал, что только отсутствие желтого платка отвело от него смерть.

Тучный карманник подумывал уже, как бы побыстрее собрать вещички и удрать, но, развернув румал, увидел в нем пухлую пачку денег. Двадцать три стодолларовые купюры. И четыре кольца. Значит, они теперь берут все, что попадетсЯ? Он обратил внимание, что кольца были большие, на крупную руку. Тут же лежали и золотые часы Ролекс с секундной стрелкой, усыпанной крошечными бриллиантками, и лазуритовая табакерка с кокаином и с золотыми инициалами ТВУ на крышке, и автоматический пистолет с перламутровой рукояткой.

Священник. Они убили Ти Ви Уокера!

Если бы Бен Сар Дин не увлекся вторичным пересчитыванием денег, он бы, наверное, умчался куда глаза глядят. Да, больше двух тысяч долларов. А среди купюр - билет на самолет.

Он подумал было, что это один из дешевых билетов компании Джаст Фолкс, но нет, это был билет первого класса, дающий возможность совершить полет в Стокгольм - туда и обратно. Внутри билета находилась надушенная открытка с надписью: От благодарной конгрегации - священнику Ти Ви Уокеру.

На обороте билета была еще одна надпись, сделанная почерком поглубже, не столь изысканным. Бен Сар Дин решил, что это писал сам Уокер. Тот явно сделал себе памятку, чтобы не пропустить что-то важное в Стокгольме: Дом тысячи наслаждений мадам Ольги.

Бен Сар Дин долго всматривался в билет. Он мог бы сам использовать его и бежать наконец отсюда, но что-то подсказывало ему: не делай этого! Внутренний голос говорил, что билет - подарок судьбы, шанс, который нельзя упустить.

Завернув билет в один из старых румалов с изображением Кали, из тех, которые нигде уже не найдешь по приемлемой цене, он пошел в ашрам и вложил румал в одну из рук Кали. Ученики поймут, что делать.

Через три дня румал вернулся. В нем лежало четыре тысячи триста восемьдесят три доллара. И драгоценности. Настоящие драгоценности. Так Бен Сар Дин постиг закон экономического процветания: чтобы получать деньги, надо сначала их во что-то вложить.

Никаких больше дешевых рейсов. Только первым классом.

Позвонив в Джаст Фолкс, он отменил заказанный им предварительно абонемент, дающий право на посещение без дополнительной платы туалетной комнаты, и сказал, куда перевести остаток денег.

Номер 109.

Комедийная актриса Беатриса Биксби познакомилась с человеком, который на самом деле считал ее очень забавной. Он был ее соседом в салоне первого класса авиалайнера, летевшего в Стокгольм. Его не интересовало ее тело, или ее слава, или ее деньги. Он дарил Беатрисе то, чего она всегда искала на сцене, - одобрение. Все, что она ни говорила, новый знакомый находил восхитительным или потрясающе смешным.

- Я вовсе не так уж и забавна, - говорила она, хотя думала совсем обратное.

Она была просто в ударе, всю жизнь мечтала она быть именно такой, как сейчас. Когда молодой человек пригласил ее заехать по пути в один ресторанчик, а затем увел в тихое местечко, где попросил о маленьком одолжении - накинуть ей на шею желтый платок, она ответила:

- Пожалуйста. И если уж он обовьется вокруг моей шеи, было бы неплохо положить в него бриллианты.

Она сделала паузу, ожидая взрыва хохота. Но молодой человек больше не смеялся. А скоро, очень скоро, не смеялась и она.

#Глава седьмая#

Доктор Харолд В. Смит получил от Римо ответ, который всегда боялся от него

услышать. Одно слово из трех букв и звучало оно: нет.

Смит позвонил ему по секретной телефонной связи из штаб-квартиры КЮРЕ, скрывавшейся за высокими кирпичными стенами санатория Фолкрофт в местечке Рай, Нью-Йорк. Прошло много лет с того дня, когда Римо привезли в этот санаторий прямо из тюремного морга, вернули жизнь и здоровье, а затем нашли новое занятие. Смит выбрал Римо из многих, потому что все тесты показывали, что в его характере заложены такие качества, которые не дадут ему предать Родину.

И вот Харолд Смит, позвонив Римо и попросив того о помощи, получил отказ.

- Дело принимает международный оборот, - сказал Смит.

- Прекрасно. Значит, Америка будет в безопасности.

- Мы не можем допустить, чтобы такие вещи в принципе имели место.

- Но мы же допускаем, разве не так?

- Что происходит, Римо?

- Много чего.

- Может, поделитесь со мной? - спросил Смит, стараясь, чтобы его голос звучал как можно теплее. Казалось, ледяные кубики звякают в теплой воде.

- Нет, - ответил Римо.

- Почему?

- Думаю, вы не поймете.

- Надеюсь, пойму, - сказал Смит.

- А я вот так не считаю.

- Значит, нет?

- Нет, - повторил Римо.

- Римо, вы нужны нам, - произнес Смит.

- Не будем об этом говорить, - отрезал Римо.

Впервые за все время службы Римо в организации Смигу пришлось обращаться за разъяснениями к Чиуну. Нельзя сказать, чтобы Смит был в восторге от такой перспективы: он редко понимал, что хочет сказать старый азиат. Единственное, в чем он был всегда уверен: Чиун хочет, чтобы Смит посылал как можно больше денег в его деревню на побережье Северной Кореи. Римо рассказывал, что жители деревушки очень бедны и уже много столетий живут на заработки очередного Мастера Синанджу, самого могущественного наемного убийцы в мире.

Случалось, наступали тяжелые времена, рассказывал Римо, и тогда жители деревни вынуждены были отдавать детей морю. То есть они бросали их в волны, предпочитая, чтобы те утонули, а не умерли с голода. Сам Римо считал, что это объясняет невероятные денежные аппетиты Чиуна, требования все больших гонораров, частых платежей и обязательно в золоте; лично ему эта история представлялась очень трогательной.

Смигу же, напротив, она казалась исключительно глупой. Чтобы не голодать, жителям нужно было всего лишь найти работу и самим зарабатывать себе на пропитание. Римо посоветовал ему никогда не делиться этими соображениями с Чиуном, и Смит послушался его. Редкие свидания Чиуна и Смига сводились к тому, что Чиун восхвалял Смига, называя того императором Америки, а сам делал все по-своему.

Но теперь он поговорит с Чиуном по-другому, думал Смит. Надо во что бы то ни стало узнать, что стряслось с Римо. Свидание с Чиуном должно состояться как можно скорее, но где? Где можно встретиться с человеком в кимоно, не привлекая всеобщего внимания? С тем, кто по необъяснимой причуде дал объявление в Бостонскую газету вместе со своей фотографией?

Немного поразмыслив, Смит решил сам лететь в Денвер. В аэропорту он взял напрокат автомобиль, захватив по дороге Чиуна, ожидавшего его в гостинице, и поехал с ним вместе в Роки-Маунтинз - пригород Денвера. Лучшего он придумать так и не смог. Смит чувствовал себя очень уставшим. К чему все его усилия, - задавал он себе вопрос. - Может, прав Римо?

Глядя на присыпанные снегом вершины гор, Смит думал, что, возможно, все его старания, борьба и даже сама организация чем-то похожи на эти горы. Проблемы есть сегодня и будут завтра, как и эти горы. Пока он ни в чем не проиграл, но выиграл ли? Уже двадцать лет возглавляет он КЮРЕ, за это время постарел и устал. Кто займет его место? И сумеет ли тот человек что-нибудь изменить? Может ли вообще что-нибудь измениться?

Внезапно он увидел перед собой длинные ногти Чиуна - тот как будто поправил на его груди пуговицу.

- Вы дышите так, будто у вас в горле застряла дыня, - сказал Чиун. - Нужно всего лишь пропустить воздух глубже в живот. Ну-ка...

Смит, не понимая, зачем он это делает, глубоко вздохнул? и вдруг все вокруг него изменилось. Мир стал как-то светлее. Проблемы выглянули уже не такими безнадежными. Эта перемена внесла беспокойство в душу Смита. Он привык всегда ставить во главу угла интеллект и не хотел верить, что его взгляд на мир зависит от того, сколько он вдохнул кислорода. Однако сам мир не изменился. Смит ни о чем не забыл, все проблемы и тревоги остались с ним по-прежнему. Просто он чувствовал себя сильнее, ему казалось, что он может с ними справиться, и еще он был не таким уставшим.

- Чиун, вы великолепно подготовили Римо.

- Все это меркнет в лучах вашей славы, о, император!

- Как вы знаете, мы сейчас проводим одну операцию, которую следует довести до конца, - сказал Смит.

- Очень мудро с вашей стороны, - отозвался Чиун и вежливо кивнул, отчего его борода еще некоторое время тряслась, хотя в автомобиле не было сквозняка.

Он не был уверен, что правильно понял слова Смита. Смит вроде бы сказал, что они над чем-то работают, но полной уверенности, как всегда в разговоре, с шефом, у него не было. Чиун никогда толком его не понимал, поэтому кивал почти непрерывно.

- У Римо, видимо, неприятности, - сказал Смит. - Вам известно, в чем они заключаются?

- Я знаю, что он, как и я, жизнь отдаст за то, чтобы исполнить все ваши желания и прославить ваше имя, о, величайший из императоров.

- Да, да. Конечно. Но вы заметили, что на душе у него беспокойно?

- Конечно. Признаюсь, заметил. Но вам, славнейшему из славнейших, незачем беспокоиться по этому поводу.

- И тем не менее, я беспокоюсь, - сказал Смит.

- Как благородно с вашей стороны! Ваше великодушие не знает границ.

- Что его беспокоит?

- Как вам известно, - начал Чиун, - ежегодно в Синанджу доставляют определенную сумму, как было оговорено в контракте. Подводная лодка выгружает на берег семнадцать мер серебра, пять мер золота и бесценные благовония.

- Да, таков контракт, - подтвердил Смит с некоторым подозрением. - С тех пор, как вы в очередной раз его пересмотрели. Но какое отношение к этому имеет Римо?

- Римо настолько боготворит вас, император, что никогда не станет посвящать вас в свои внутренние проблемы. Он сказал мне: Славный Мастер, учитель Синанджу, верный слуга нашего великого императора, Харолда В. Смита, как я могу чувствовать себя спокойно, если только пять мер золота идет из моей страны в Синанджу? Я чувствую себя униженным как представитель расы и как представитель народа из-за того, что мы посылаем туда всего только жалких пять мер золота и ничтожных семнадцать мер серебра.

Уйми свой пыл, - сказал я ему. - Разве император Смит за все эти годы не определил сам должные размеры вознаграждения? И разве не мы сами согласились на эти условия? Разве это не соответствует контракту?

Ты прав, досточтимый учитель, верный слуга императора Смита, - согласился со мной Римо, - все делается точно по контракту, и мне следует унять свой пыл.

- Он так и сделал, - продолжал Чиун. - Но грусть не покинула его сердце. Я рассказываю все это только потому, что полностью доверяю вам.

- И все же мне как-то трудно представить, чтобы Римо так переживал из-за ежегодной дани, привозимой в Синанджу.

- Не в этом дело. Его волнует честь нации. И ваша лично.

- Не думаю, чтобы голова Римо работала таким образом, - покачал головой Смит. - Тем более после ваших тренировок.

- Вы спросили, император, и я ответил. Жду ваших дальнейших приказаний.

Смит мог легко увеличить размеры вознаграждения. Ежегодные рейсы подводной лодки к берегам Северной Кореи значительно превышали стоимость самого жалования. Однако согласиться означало бы, что у Чиуна появится возможность начинать торг уже с более крупной суммы.

- Хорошо. Будем посылать золота на меру больше, - неохотно согласился Смит.

- Но будет ли этого достаточно для опечаленного сердца Римо? - сказал Чиун. - Я по глупости открыл ему, что самый незначительный правитель небольшой и бедной страны платил десять мер золота Дому Синанджу.

- Семь, - предложил Смит.

- Негоже слуге спорить со своим императором, - сказал Чиун.

- Как это понимать? Семь вас устраивает? - спросил Смит.

- Понимайте так, что я не осмеливаюсь спорить с вами.
 - Так вы настаиваете на десяти? - спросил Смит.
 - Я в вашем распоряжении. Как и всегда, - сказал Чиун.
 - Восемь.
 - Если я только смогу убедить Римо.
 - Мне известно, что он не станет служить другой стране. Он пока еще не настолько Синанджу.
 - Вы спросили - я ответил. Я только выполняю вашу волю, - спокойно отозвался Чиун. Сложив руки на груди, он смотрел на горы.
 - Девять. И это мое последнее слово.
 - В такой ситуации, как эта, я землю переверну, выполняя вашу волю.
 - С Римо что-то происходит, - снова сказал Смит, - а он нам сейчас очень нужен. Дела принимают скверный оборот, а он не хочет и пальцем пошевелить.
 - Все будет сделано, - заверил его Чиун.
 - Что именно?
 - То, что нужно, - сказал Чиун, и голос звучал так уверенно, а в фигуре и движениях была такая дивная соразмерность и грация, что Смит на этот раз поверил ему.

А почему нет? Ведь он Мастер Синанджу, а Дом не просуществовал бы тысячи лет, если бы люди из него не знали своего дела.

- Римо рассказал вам, в чем, собственно, дело? - спросил Смит.
 - В общих чертах, - туманно ответил Чиун. - Он красноречив только, когда речь заходит о несправедливостях по отношению к моей деревне.
 - Убивают людей, летающих самолетами. Если вы думаете, что число жертв незначительно...

Смит не успел договорить, как Чиун перебил его.

- Сами смерти не так уж и важны. Не грабители и убийцы делают дороги опасными и непроходимыми. Они в худшем случае убьют нескольких людей. Самое страшное, что люди начинают бояться. А если путешественники поверят, что поездки их небезопасны, то перестанут пользоваться дорогами. А дороги вашей страны проходят в воздухе.

- Да, такая опасность существует, - согласился Смит.

- Более, чем опасность, - возразил Мастер Синанджу. - Конец цивилизации. Не будет обмена товарами, не будет обмена идеями.

- Нам еще повезло, что газетчики пока ничего не разнюхали, - сказал Смит. - Как вы думаете, сумеете убедить Римо в необходимости вашего вмешательства?

- Попробую, император, - ответил Чиун, хотя не был уверен, что у него что-нибудь получится.

Но про себя он точно знал, что не даст погибнуть этой цивилизации, ведь он Мастер Синанджу, который принял на себя обязательство защищать ее. Провал ляжет на него несмываемым позором, и в непрерывной цепи почивших предшественников и будущих потомков он навсегда останется, как человек, запятнавший титул Мастера Синанджу.

Чиуну придется рассказать Римо то, что он скрывал от него все эти годы. Он расскажет ему о позоре Синанджу, Мастере Ву, не сумевшем спасти Рим.

А главное - надо наконец выяснить, что же так беспокоит Римо...

О.Х. Бейнс привык во все вникать сам, потому что подчиненные показывали ему любой документ или письмо не совсем обычного содержания. И когда по почте пришел отказ от годового абонемента, его президенту принесли. Это был единственный абонемент, который удалось продать Джаст Фолкс, и, посмотрев на конверт, президент увидел, что он приобретен мелкой религиозной общиной из Нового Орлеана.

Бейнс поручил своему менеджеру в Новом Орлеане выяснить, что там стряслось.

Прошла неделя, а от менеджера не поступало никаких известий. Он также не востребовал свое месячное жалованье, и этот факт до главы фирмы донес вездесущий компьютер.

Тогда впервые Бейнс обратил внимание на фамилию менеджера, задав себе мысленный вопрос, где же он видел ее раньше. Сверившись с компьютером, он все понял.

Менеджер как-то уведомил его в докладной записке, что собирается самолично расследовать смерти от удушения на тот случай, если кто-то попытается привлечь к суду Джаст Фолкс.

Бейнс уже собирался выбросить эту информацию из головы, когда в глаза ему бросилась газетная вырезка. Пресловутого менеджера нашли удушенным с посиневшим

лицом, все деньги, что были при нем, пропали. Он оставил после себя пять иждивенцев: жену, троих детей и больную мать.

Еще одна смерть в числе девяти, случившихся за последние недели. Самолетами Джаст Фолкс жертвы не летали. Бейнс не спеша ввел в компьютер запрос: кто купил билеты на заокеанские рейсы, после которых найдены группы задушенных и ограбленных людей?

Покупатель каждый раз был один и тот же – все та же религиозная община из Нового Орлеана, требовавшая теперь возвращения денег за неиспользованный абонемент.

Теперь Бейнсу стало все ясно. Вот они убийцы авиапассажиров – явно связанные с религиозной общиной. И действия их тоже были абсолютно понятны: сначала они летали только самолетами Джаст Фолкс, убивая пассажиров на этой линии, а потом расширили сферу своего влияния, начав летать на более крупных и дорогих авиалиниях, где убивали и грабили более богатых пассажиров. После первой смерти на зарубежной авиалинии прекратились убийства пассажиров Джаст Фолкс.

Бейнс почувствовал сильное возбуждение. Эти два идиота из НАА летают на самолетах Джаст Фолкс, ни о чем не догадываясь, а он уже все раскусил. Один – ноль, в пользу свободного предпринимательства в матче с государством.

Какое-то время он раздумывал, стоит ли дать знать представителям правосудия о своем открытии, и даже склонялся к тому, чтобы это сделать, но потом передумал. Не стоит сломя голову, не прикинув, что к чему, делать скоропалительные публичные заявления. Стоило ли посещать Кембриджскую Школу Бизнеса, если он мог забыть главную заповедь: делая что-то, прежде всего подумай, что ты будешь иметь для себя?

Он связался с Новым Орлеаном, набрав номер ашрама, и попросил к телефону духовного главу общины.

– Нам очень жаль, но Святой не может подойти к телефону – он молится в священном уединении своего кабинета.

– Скажите ему, что если он не подойдет тут же к телефону, ему придется проделать более далекий путь, а именно в полицейский участок. Мне известна ваша роль в судьбах некоторых пассажиров после авиарейсов.

– Хелло, – раздался немного спустя пронзительный голос с индийским акцентом. – Чем могут молитвы космического братства помочь очищению вашего сознания?

– Мне известно, что вы делаете с авиапассажирами, – выпалил Бейнс.

– В своих молитвах мы молимся за весь мир.

– Не нужны мне ваши молитвы, – сказал Бейнс.

– Дарю вам свое благословение. Бесплатно. По телефону.

– Я хочу знать, как вы это делаете, – упорствовал Бейнс.

– Дорогой сэр, – сказал Бен Сар Дин. – Если бы я совершал правонарушения, то уж, конечно, не обсуждал их по телефону.

– А я никогда не подставил бы свою шею ребятам из вашей компаки.

– У нас патовая ситуация, – сказал Бен Сар Дин.

– Думаю, полиция сумеет ее изменить, – связвил Бейнс.

– Нам не страшна полиция. Мы исповедуем культ Кали, – объявил Бен Сар Дин.

– Что-то из области религии? – осведомился Бейнс.

– Да.

– Значит, вы не платите налоги. Вся прибыль ваша.

– Очень по-американски – думать о духовной жизни и подсчитывать прибыль.

– Очень по-индийски – включать в понятие духовной жизни убийства, – сказал Бейнс. – Вам известен номер нью-орлеанской полиции. Это сэкономит мне деньги.

Компромисс все же был достигнут. Порешили, что Бейнс приедет в Новый Орлеан и там встретится с Бен Сар Дином в ресторане, где они побеседуют с глазу на глаз.

На этом разговор закончился.

– Счастливого пути, – пожелал Бен Сар Дин.

– Не сомневайтесь. Я лечу Дельтой, – заверил его Бейнс.

В ресторане Бейнс сразу взял быка за рога.

– Ваша банда убивает пассажиров ради денег.

И Бен Сар Дин, с первого взгляда признавший в новом знакомом родственную душу, ответил на это:

– А вы полагаете, это просто? Вы даже представить себе не можете, в каком аду я живу. Эти ребята – психи. Им плевать на все, кроме статуи в ашраме.

– Но они ведь ученики. Они величают вас Святым.

– У меня нет сил держать их в руках. Деньги их не интересуют, комфорт – тоже, да и сама жизнь, черт бы их побрал, для них ничего не стоит. Они хотят только

одного - убивать.

- Что же вы не слиняете отсюда? - поинтересовался Бейнс.

- Мне кое-что перепадает, на жизнь хватает, сэр, - скромно ответил Бен Сар Дин.

- Вы хотите сказать, что ваши люди убивают ради вас, рискуя своей жизнью, забирают у убитых деньги и все передают вам.

- Да, так можно сказать, - согласился Бен Сар Дин. - Но не думайте, что все так просто.

- Бен Сар Дин, считайте, что у вас теперь появился партнер.

- Один уже был. Сказал, что будет орать на них, а теперь сам лежит в сырой земле, - сказал индус.

- Я - не он, - заявил О.Х. Бейнс.

- Вас убьют.

Бейнс снисходительно улыбнулся.

- Какой хотите процент? - спросил Бен Сар Дин.

- Забирайте себе все.

- Не понимаю. Мы партнеры, а выручка вся остается мне?

- Да. Кроме того, я обеспечиваю ваших людей билетами.

- Окей, партнер, - согласился Бен Сар Дин. Уже на следующий день курьер доставил на пятнадцать тысяч долларов авиационных билетов первого класса. Все - одной компании Интернэшнл Мид-Америка, обслуживающей Южную и Центральную Америку.

Бен Сар Дин решил было, что Бейнсу перепали эти билеты по дешевке, но потом, присмотревшись, заметил, что с билетами не все ладно. Фамилии в них не были вписаны. Может, их украли? И потому этот американский делец передал билеты бесплатно. Есть над чем подумать, - сказал себе индус.

Из ашрама неслось пение. Бен Сар Дин знал, что нужно вскоре пойти туда и отдать платки. В голосах учеников звучало почти безумие.

Бен Сар Дин жил в постоянном страхе, что когда-нибудь пение оборвется, и ученики придут к нему в кабинет. В тот день, когда он забыл захватить платок, он подумал, что все кончено. Но все обошлось. И даже более того. Каким-то образом Кали открыла им - если только можно верить этим американским юнцам? - что Бен Сар Дин - Святой, так как при нем нет румала. А человек с румалом должен стать возлюбленным Кали. Иными словами, умереть. В конце концов, все образовалось к лучшему. Положение в ашраме у него стало прочней прежнего.

Он встал, собираясь нести часть билетов в ашрам, но опять застыл в нерешительности. Что-то все-таки было не то с этими билетами первого класса, лежащими толстой стопкой, точно телефонная книга, и все - без фамилии покупателя.

Бен Сар Дин позвонил в Интернэшнл Мид-Америка - ИМА.

- У меня на руках билеты, и я боюсь, что они украдены, - сказал он.

- Одну минутку, сэр.

Пение из ашрама слышалось все громче. Он почти ощущал, как дрожат стены от приносимого множества имени Кали и слышал ликующие, чуть ли не оргастические вопли молодежи. Даже календарь на стене подпрыгивал. Если бы ученики не были чокнутыми, он бы с удовольствием к ним присоединился. Но те могли напасть на него. От них всего можно ожидать.

Глядя на подпрыгивающий календарь, он поклялся, что при первом подходящем случае обобьет стены и двери железом и поставит замок, который и танк остановит. И еще сделает тайный выход в переулок, где его будет всегда дожидаться быстроходный автомобиль. Мотор не обязательно оставлять работающим.

В ИМА наконец связались со знающим человеком. Нет, билеты не украдены. Они куплены вчера за наличные. Нет, фамилия покупателя неизвестна. Да, каждый, кто купил билет, может лететь.

- Спасибо, - поблагодарил Бен Сар Дин и сунул в каждый из платков по билету.

Билеты есть, так почему их не использовать? По крайней мере, психам будет чем заняться.

Они уже колотили в дверь кабинета. Открыв дверь, он сумел уклониться от занесенных кулаков одного ученика и, проследств ритуальным облачением, проследовал в ашрам. Сегодня там было, на его взгляд, несколько людно. Поэтому и пение, наверное, было таким громким.

Значит, культ креп? Обычно, когда он приносил священный румал, на коленях перед ним стояло не больше семи человек. Сегодня же - около пятнадцати. Некоторых он видел впервые. Люди в возрасте. И совсем сосунки. Он порадовался в душе, что взял с собой два платка и два билета. С учениками говорил, как обычно, на языке

гонда, сказал, что Кали гордится ими, но нуждается в пожертвованиях.

Не успел он еще сказать, что сегодня принес два орудия производства, как два фанзигара протянули к нему руки.

- Она знала заранее. Она знала. Она знала, - затащили посвященные.

Бен Сар Дин важно кивнул. А затем поспешил удалиться.

Номера 120,121, 122.

Семья Уолфорд впервые отдыхала за границей, и ее члены пришли к выводу, что лишние хлопоты портят все удовольствие, особенно хлопоты с багажом. Уолфорды были недовольны обслуживанием, которое предлагала им ИМА. К счастью, нашлись приличные молодые люди, которые не только помогли им с багажом, но и обещали подбросить в Акапулько.

Номер 123.

Дитер Джексон был единственным человеком за всю историю существования Общества хлеборобов города Трои (штат Огайо), которого Общество за свои деньги отправило на Сельскохозяйственную выставку в Аргентину. Он, конечно, и мечтать не мог, что его хорошенькая соседка в самолете так заинтересуется его миссией. А она не только слушала его, раскрыв рот, но и призналась, что всю жизнь хотела побывать в его родном городе. Тот почему-то неудержимо манит ее. Может, Дитер уделит ей часок и расскажет побольше о своей родине? Лучше всего в ее гостиничном номере.

Номер 124.

Миссис Пруэлла Насенто считала, что если ИМА продает билеты первого класса по такой дорогой цене, то уж яйца-то можно было бы готовить и получше.

- Мадам совершенно права, - поддержал ее сосед. - Надеюсь, вы не возражаете, что я вмешиваюсь. Но я не уверен, что захочу еще раз лететь на самолете, где не могут даже с толком приготовить яйца.

Миссис Пруэлла нисколько не возражала против такого вмешательства. На следующее утро ее нашли мертвой у дороги. Установили, что смерть наступила спустя полчаса после того, как она покинула аэропорт. Это определил коронер по яичному желтку, который не успел перевариться в ее желудке.

Номер 125.

Винсент Палмер Гроут не имел привычки беседовать с незнакомыми людьми в самолете, не обсуждал с ними свои дела и даже не поддерживал вежливый разговор о погоде. Та или иная погода, тут ничего не изменишь, и какой прок обсуждать это?

Ах, вот как, предлагают подвезти. Что ж, пожалуй, он согласится, если, конечно, незнакомец не будет с ним фамильярничать.

Когда его спросили, можно ли накинуть ему на шею платок, он ответил:

- Ни в коем случае. Кто знает, достаточно ли он чист.

Когда же его не послушали, ярость его не знала границ, и он им много чего бы сказал, но как он мог, если у него перехватило дыхание?

Номер 126.

А еще говорят, что молодежь не та пошла и ни в грош не ставит старых людей и никогда не приходит на помощь...

Номер 127.

Вы тоже из Дейтона? Правда?

Номер 128.

Я коллекционирую часы со звоном. Моя жена уверена, что никто теперь этим уже не интересуется. Вот она удивится, парень.

Бен Сар Дин был в восторге. Румалы, полные денег и драгоценностей, так и стекались к нему. Лучшие авиакомпании перевозили богатых пассажиров, а богатые пассажиры с толстыми бумажниками - это потенциально самые лучшие покойнички. Какой прок от всего этого О.Х. Бейнсу - непонятно, но свою выгоду Бен Сар Дин ощущал отлично. Теперь он был завсегдатаем самых лучших ресторанов. Он заказал платки с изрядной долей нейлона - для прочности, на которых красовалось цветное изображение Кали. На всякий случай заказал даже два гросса, а старые, дешевые - выбросил прочь.

Как и хотел, обил свой кабинет стальными панелями, вставил двойные замки и

сделал потайной выход на боковую улицу, где оставлял новенький Порше-911.

Как-то вечером, когда сидевший на телетайпе журналист уже собирался уходить, в редакции раздался телефонный звонок.

- У меня есть для вас сенсационный материал. Серия убийств, ритуальных убийств. Ну как? Годится?

- Кто вы?

- Один человек, который хочет помочь.

- Я не принимаю информацию по телефону. Кто вы?

- Могу подсказать вам, где найти эту информацию. Совсем недавно произошло около дюжины убийств. Все жертвы летели рейсом ИМА. Задушены вскоре после приземления. Авиалиния смерти. Вы слышите меня?

- Откуда вам это известно? Почему я ничего не знаю.

- Репортеры писали об этих убийствах. Одно - там, другое - здесь. Они их не связывали. А вы теперь можете связать. Это одна история. Убийств много, но рука - одна. - Звонивший назвал города, где происходили убийства.

- Откуда вы все это знаете? - спросил репортер, но трубку уже повесили.

На следующий день все газеты перепечатали страшную историю, переданную по телетайпу. ИМА стала Авиакомпанией Смерти. После того, как сенсацию передали по теленовостям, рядовой обыватель полностью уверовал в то, что летать на самолетах ИМА означает быть задушенным.

Зарезервированные билеты сдавались, люди предпочитали пользоваться услугами других авиакомпаний. Самолеты ИМА летали сначала полупустые, потом заполненные на четверть и наконец опустели совсем.

Наступил день, когда ни один самолет компании не поднялся в воздух.

Прошло два дня, и находящийся в санатории Фолкрофт, за непроницаемыми стеклами, отделяющими его от грешного мира, Харолд В. Смит уже не сомневался, что трагедия ИМА может обернуться трагедией для всех авиакомпаний Америки. И более того - для всего мира.

Это же понял и президент Соединенных Штатов.

- Что происходит? - спросил он по специальному красному телефону, соединявшему Белый дом со штаб-квартирой Смита.

- Мы занимаемся этим делом, - ответил Смит.

- Вы отдаете себе отчет в том, что это означает? - сурово спросил Президент.

- Да, сэр.

- Что я должен говорить главам южноамериканских государств? А Европе? Они ведь тоже все понимают. Если дело и дальше так пойдет, нам придется закрыть все пассажирские авиалинии. Я знать не хочу, что вы там делаете. И не отговаривайтесь тем, что конспирация под угрозой и вам надо залечь на дно. Остановите этот кошмар. Немедленно!

- Мы занимаемся этим делом.

- Вы повторяете одно и то же, как автоответчик. Держа в руках красный телефон, Смит смотрел в сторону Лонг-Айленда. Был пасмурный осенний день, по радио уже прозвучало предостережение: идет шторм, в море выходить не рекомендуется. Смит поставил телефон на место, взял другой аппарат и набрал номер Римо. Трубку снял Чиун.

Смит выслушал с облегчением, что Римо не только в курсе дальнейшего развития событий, но понимает всю важность ситуации и поглощен ее решением. Они вот-вот поймут преступников, и все - во славу императора Смита.

- Ну, слава Богу, - облегченно вздохнул Харолд В. Смит и повесил трубку.

А на другом конце страны, в гостиничном номере Денвера, кореец чинно поклонился телефонному аппарату и отправился искать Римо, ведь он не только не говорил с Римо, он неделю уже не видел его. Но Чиун не сомневался, что заставит ученика понять необходимость их вмешательства:

Чиун был готов рассказать Римо о величайшем провале в истории Дома Синанджу. Он не хотел быть свидетелем этого провала здесь, в стране, история которой насчитывала немногим более двухсот лет, обреченной погибнуть прежде, чем достигнет своего расцвета.

#Глава восьмая#

Римо смотрел на горы, занесенные снегом; в голове его была пустота. Он сидел в холле у камина, не отвечая на праздные вопросы - чем он занимается? нравится ли ему здесь в этом году или он предпочитает кататься на курорте Сноуберд, что в штате Юта? Молодая женщина, крутившаяся неподалеку, заметила, что ни разу не видела его на лыжах.

- Я катаюсь босиком.
- Хотите казаться грубым? - спросила она.
- Стараюсь изо всех сил, - ответил Римо.
- Ну, что ж, очень остроумно, - сказала она.

Было непохоже, что она оставит его в покое, и поэтому Римо, покинув свой уютный уголок и камин, пошел бродить по снегу. Стоял ясный солнечный день, начались осенние снегопады, и мир был таким кным и жизнерадостным, неподдельно живым.

А где-то рядом жили люди, влюбленные в смерть молодые люди. Убивали с радостью и умирали с радостью, словно в кошмарном бреду.

Римо видел, как лыжники, чтобы выполнить поворот, переносили тяжесть тела на край лыж, те, что поопытнее, делали это более умело, зная, что если надавить посильнее на края несущихся вниз лыж, те резко повернут в сторону. А что бы они сделали, - подумал Римо, - если бы выполнили все необходимое, а лыжи, тем не менее, не повиновались бы им? Такое он пережил с безумцами на Джаст Фолкс. Все, чему его учили, то, что вошло в его плоть и кровь, вдруг стало совершенно не нужно. Как если бы он жал на край лыж, а те несли бы его вбок.

Римо остановился, чтобы получше поразмышлять обо всем. Присев на корточки и зачерпнув пригоршню снега, он бездумно позволил снегу сыпаться сквозь пальцы. Ему и раньше попадались религиозные фанатики, и он убивал их при необходимости, не моргнув глазом. Убивал он и политических маньяков, считавших, что за так называемое правое дело можно отдать и жизнь.

Почему в этот раз все было иначе? Что помешало ему убить белокурую дурочку и покончить с этой группой убийц?

Ответа он не знал, но чувствовал, что там, неподалеку от аэропорта Ралей-Дарэм, поступил правильно. Что-то говорило ему, что пользы от этого не было бы. Она действительно возлюбила смерть. И те двое убитых юношей тоже. Все они возлюбили смерть. Но что-то внутри Римо протестовало, он понимал, что не может даровать им в смерти то, чего они жаждали. Какой-то инстинкт, смутное предчувствие останавливали его. Но что это было, он не знал.

Римо шел по склону, мимо знаков, предупреждающих о снежных заносах, и неотмеченных спусков. Шел в легкой куртке, но и она была лишней. Температура воздуха опустилась довольно низко, однако он не ощущал холода как некоторое неудобство, просто мороз автоматически заставлял его вырабатывать собственное тепло. Этому каждый мог научиться при умелой тренировке. Ведь не одеяло же согревает человека, оно только помогает сберечь тепло. Сам Римо не нуждался в одеяле. Роль одеяла выполняла его кожа, и он пользовался ею, как делали прежде все люди, пока не изобрели одежду.

Римо так объяснял себе систему Синанджу: она собирала воедино все забытые человеком животные свойства, те силы, которые он оставил втуне; умение добиться возврата качеств, утраченных человеком за долгую историю его развития, было главным завоеванием древнего Дома Синанджу, что существовал в деревушке на западном побережье Корейского залива.

Становилось все холоднее, Римо продолжал идти в глубоком снегу, но не увязал - тело его словно плыло сквозь снег, он двигался, как рыба, как большая снежная акула, и даже не замечал этого. В снегу он мог даже дышать, впуская в себя свежий и чистый кислород, которого нет в городах. Римо потерял ощущение времени - прошли часы? минуты? - когда он выбрался из снегов. Теперь он стоял на голой скале, и тут он увидел то, что ему было нужно - небольшую пещеру, отверстие в огромной скале. Войдя туда, он понял, что наконец оказался в уединении.

Он сел, тело его успокаивалось, приходя в равновесие, ожидая, когда включится в работу разум, включится подсознательно, и начнет докапываться до смысла случившегося.

Так просидел он несколько дней, когда вдруг услышал у входа в пещеру шаги. Снег не приминали, по нему двигались легко, как скользит ветерок.

- Привет, папочка, - сказал Римо, не оборачиваясь.
- Привет, - сказал Чиун.
- Как ты узнал, что я здесь?
- Я знаю, куда ведет тебя твое тело, когда ты напуган.
- Я не напуган, - возразил Римо.
- Не то, чтобы ты боялся смерти или боли, - уточнил Чиун. - Я говорю о другом страхе.

- Не знаю, что происходит, Чиун. Кое-что мне не нравится, я не понимаю этого - вот все, что я знаю. - Он наконец поднял глаза на Чиуна, улыбаясь. - Помнишь, ты всегда говорил, что надо уезжать из этой страны, поступать на службу к королю

или шаху, а я тебе всегда отвечал: нет, я верю в мою страну так же, как ты веришь в свою деревню?

- Не деревню. Деревня - всего лишь место, где существует Дом Синанджу, - поправил его Чиун. - Дом, а не деревня. Дом - это наша жизнь и наша работа.

- Пусть так, - сказал Римо. - Но дело не в этом. Я согласен. Поедем в другую страну. Собираемся и едем.

- Нет, мы должны остаться, - возразил Чиун.

- Так я и знал, - вздохнул Римо. - Все эти годы ты ждал, что я скажу да, только для того, чтобы сказать нет. Так?

- Нет, не так, - сказал Чиун, кладя на землю белое зимнее кимоно и садясь на него. - теперь мы остаемся не из-за твоей глупой преданности этой дурацкой стране. Мы остаемся из-за Синанджу. Остаемся, чтобы такое больше не повторилось.

- Что такое? - спросил Римо.

- Ты слышал когда-нибудь о Римской империи?

- Еще бы. В свое время Рим покорил весь мир.

- Только белый человек мог так сказать. Рим покорил только белый мир, а далеко не весь.

- Хорошо, согласен. Но это действительно была великая империя.

- Для белого мира, - опять поправил его Чиун. - Но я никогда не рассказывал тебе о... Лу Опозоренном.

- Он что, был римским императором? - спросил Римо?

Чиун покачал головой. Клоки его бороды почти не шевелились в ледяной пещере, куда не прокрадывался ветерок и не проникал солнечный луч.

- Он был Мастером Синанджу, - сказал Чиун.

- Я знаю всех Мастеров Синанджу, - запротестовал Римо. - Ты сам заставил меня выучить их имена, и среди них нет никакого Лу.

- Я не должен был говорить тебе о нем.

- Видимо, он чем-то себя запятнал, - сказал Римо, и Чиун кивнул.

- Это не причина, чтобы скрывать его имя. Подчас на ошибках учишься больше, чем на хороших примерах.

- Я не упоминал его имя, потому что ты мог бы случайно обмолвиться о нем в разговоре.

- Ну и что? Кого это волнует? - удивился Римо. - Меня - никого больше.

- Это заинтересовало бы белых, - сказал Чиун. - Белые люди такое бы не забыли. Эта банда вероломных разбойников только и ждет, чтобы рухнул Дом Синанджу.

- Палочка, - терпеливо произнес Римо, - им все это совсем неинтересно.

- Интересно, - упрямо возразил Чиун.

- Нет, - покачал головой Римо. - Изучение династии наемных убийц из Дома Синанджу - не главный предмет в американских университетах.

- А Рим? А падение Римской империи?

- О чем ты?

- Рим пал, потому что мы потеряли его. Синанджу проворонили Рим. Лу Опозоренный всему виной.

Чиун сложил на груди руки с удлинёнными ногтями, как он делал обычно, если собирался начать долгий рассказ. Римо же, закинув руки за голову, прислонился к холодному и сырому камню.

Начав говорить, Чиун постепенно перешел на привычный ему старый корейский язык, язык древних легенд с его певучим, мерным ритмом.

Синанджу, по его словам, открыли для себя римлян за много веков до расцвета Римской империи, предвидя, что страна представляет собой восходящую цивилизацию, хотя наверняка этого никто никогда не знает. Здесь, как и во всем другом, большую роль играет случай. Наверняка только одно: королевства и империи рождаются, живут и умирают.

И все же Мастера Синанджу занесли Рим в список мест, достойных наблюдения, ведь он рос и процветал, и его императоры нуждались в наемных убийцах, чтобы продлить годы правления, а Мастера Синанджу умели это делать как никто.

И вот как-то в год Свиньи, когда империя набирала величие, в Риме правили два консула, один из которых из-за своего тщеславия решил перейти к единоличному правлению. Поэтому он нанял Мастера Синанджу, хорошо заплатил ему, и вскоре у него уже не было соперника.

Рим стал великим городом, и часто, когда у Мастеров Синанджу не было приглашений от более пышных дворов, они ехали в Римскую империю, посещая западные города, где у жителей были странной формы глаза и большие носы.

Так случилось, что 650 году после основания Рима, то есть, соответственно, в 100-м году новой эры, по европейскому календарю, Лу приехал в Рим. За прошедшие годы город очень изменился. Теперь в нем правил император, на огромных аренах устраивались игры, бывшие прежде небольшими религиозными церемониями. Люди сражались с животными. Люди бились друг с другом. Копьями, мечами. Выпускали на арену тигров. Римляне жаждали все больше крови, так распалила их грубая жажда наслаждений.

Они перестали уважать жизнь, поэтому не могли оценить профессиональных наемных убийц. Смерть была для них только смертью, заурядным событием, и для Лу там не было настоящей работы.

- Но правящий тогда император, - рассказывал Чиун, - прослышав об умельцах с Востока, захотел взглянуть на непривычный разрез глаз и странные манеры - так Лу появился в городе. Император спросил: каким оружием сражается Лу, а тот ответил, что вряд ли император спрашивает у скульптора, каким тот пользуется резцом, или у плотника, каким он стругает рубанком. Может, ты убиваешь своими странными глазами? - спросил император.

Лу знал, что это молодая страна, и поэтому никак не выказал презрения, которое почувствовал. Он только ответил: Убить можно и мыслью, император. Император решил, что это пустое хвастовство, но его советник, грек, бывший поумнее римлян, - хотя сейчас, - добавил Чиун, - его соплеменники считаются нацией поголовных идиотов, - заговорил с Лу и открыл тому, что у Рима появилась серьезная проблема.

- Вся беда - в дорогах, - объяснил он Лу. - Дороги нужны Риму для продвижения по империи войск, по ним крестьяне возят сельскохозяйственные продукты на рынок. Дороги - жизненно важная артерия империи, - говорил советник, и Лу согласно кивал ему. Мастера Синанджу уже успели заметить: для процветания страны главное - хорошие дороги. Есть они - все в порядке, нет - страна гибнет.

Как рассказал Чиун Риму в пещере, Великая китайская стена на самом деле никогда не была стеной. Китайцы, - сказал Чиун, - лентяи и предатели, но дураками их не назовешь. Они понимали, что ни одна стена не остановит армию. Никогда этого не было и не будет. Секрет Великой китайской стены, не разгаданный в те дни, заключается в том, что она вовсе не была стеной. Это была дорога.

Римо вспомнил виденные где-то картинки. Конечно же, дорога. Насыпь для движения войск и товаров. Люди только называли ее стеной, потому что за стенами чувствуешь себя надежнее, но Римо знал, что это всего лишь иллюзия.

Советник римского императора сказал Лу: На наших дорогах объявились разбойники. Мы распинаем их вдоль этих же дорог для устрашения, чтобы другим неповадно было грабить.

И много грабят? - спросил Лу.

Это неважно. Главное - то, что грабят. Нас беспокоит людской страх. Если люди будут бояться ездить, то в каждой местности начнут чеканить свою монету и припрятывать урожай.

Ну, это еще не беда, - сказал Лу, который уже успел заметить, что у этих варваров с большими носами пол во дворцах из великолепного мрамора, словно у императора из династии Мин.

Лучше всего решать проблему сразу же, как только она возникла, - сказал советник. - Разбойники понимают, что только немногие из них будут схвачены и распяты. Но если они станут погибать по неизвестной причине, а мы пустим слух, что это делается по велению нашего божественного императора, тогда число их сразу сократится и дороги Рима опять будут безопасны.

Такое суждение показалось Лу мудрым, и он тут же направился на юг, в город Геркуланум. На дороге между Брундизиумом и Геркуланумом он напал на разбойничьи шайки и быстро, и умело расправлялся с ними, не исключая тех, кто действовал в стоворе с местными властями. Потому что тогда, как и теперь, там, где водятся большие деньги, они часто перетекают из рук грабителей в руки тех, кто должен их ловить.

А тем временем из Рима поползли слухи. Божественный Клавдий издал указ, согласно которому грабители погибнут, только благодаря одной его императорской воле. Один сломает ночью шею, у другого хрустнет позвоночник, у третьего окажется проломленным череп - и все это, только благодаря императорской воле. И никто не знал, что Лу, Мастер Синанджу, был секретным орудием императора.

Внезапные ужасные смерти оказались более впечатляющими, чем распятия. Разбойники очистили дороги. Никогда еще те не были столь безопасны - и купцы, и прочие путешественники уверенно заколесили по ним, способствуя процветанию

Империи и умножая славу глупого императора Клавдия. Вот что рассказал Чиун.

И когда все наконец закончилось так удачно, глупый Клавдий, который никак не мог насытиться лицемерием кровавых игр, захотел, чтобы прибывший издалека наемный убийца, охраняющий покой дорог Рима, выступил для него на арене.

- Император имеет право быть глупцом, - добавил от себя Чиун. - Но Мастер Синанджу, уступив ему, покрыл себя несмываемым позором.

Памятуя о великолепных мраморных полах, Лу, мучимый сухими, жаркими ветрами на дорогах и изнывающий от скуки, принял предложение императора. Но он выступил не только для него, но и для многочисленной толпы в цирке. За три выступления он уложил больше людей, чем за всю свою жизнь, а после этого уехал. Уехал, оставив позади не только Рим, но и клятву спасти римские дороги.

- Забрал с собой дарованные ему сокровища - и только его и видели, - сказал Чиун.

- Я обратил внимание на римские драгоценности, находясь в деревне, - согласно кивнул Римо.

- Это они и есть. И груженные мрамором подводы и, конечно, золото.

- Но какое отношение к крушению Римской империи имеет Дом Синанджу? - спросил Римо.

- Разбойники вновь захватили дороги, - сказал Чиун. - А как только люди узнали, что все пошло по-старому, дороги опять опустели.

- Но Римская империя продолжала существовать. Она пала спустя несколько столетий, разве не так? - спросил Римо.

- Именно тогда она была обречена, - произнес Чиун. - Чтобы прийти в упадок, ей потребовалось еще несколько столетий, но в тот день, когда Лу забыл о своей миссии и отбыл на родину, она уже превратилась в труп.

- Никто не винит Синанджу, - попытался утешить старика Римо. - Только ты знаешь об этом.

- А теперь и ты.

- Я никому не скажу. И никто не обвинит Синанджу в том, что они упустили Рим.

- Вина - виной, но факт остается фактом. Лу упустил Рим. Я не хочу остаться в истории Мастером, упустившим Америку.

- А что произошло дальше с Лу Опозоренным? - спросил Римо.

- Много чего, но об этом - в другой раз, - отмахнулся Чиун.

Римо встал и выглянул из пещеры. Холодная белизна гор, слегка голубоватое небо, нахмуренное и как бы вызывающее. Оно пробудило в его памяти те принципы, кодекс чести, которые помогали ему служить Синанджу и выполнять свой долг. Он чувствовал, что возвращается на поле битвы. Он вступит в борьбу с людьми, которые выбивали его из колеи своим искренним желанием умереть. Он вступит с ними в борьбу, хотя ему и не хочется этого. Но так надо, и это он знал.

- Что тревожит тебя? - спросил Чиун. Бросив на Чиуна взгляд, Римо ответил корейцу его же словами:

- Об этом в другой раз.

А в ашраме Кали - богиня. Кали непобедимая, простирала над головами поклоняющихся ей людей новую сверкающую руку. Все могли видеть, как она будто хотела прижать что-то к груди, но в руке ничего не было.

- Он грядет. Ее возлюбленный жених грядет, - пели ученики.

А Холли Роден, сверхпривилегированное дитя из Денвера, так и лучилась счастьем, зная, кто станет возлюбленным богини. Она видела, как лихо он убивал в Северной Каролине.

- Как он выглядит? - спрашивали у нее.

- У него темные волосы, черные глаза и широкие скулы. Сам он худощав, но у него мощные запястья.

- А что еще?

- Надо видеть, как он убивает, - сказала Холли.

- Ну и?..

- Он был... - у Холли Роден перехватило горло, тело ее затрепетало при воспоминании об этом дне, - ...он был великолепен.

#Глава девятая#

О.Х. Бейнс проводил дни в безоблачном счастье. Если бы он умел свистеть, петь или танцевать на столе, он бы так и поступил, но в Кембриджской Школе бизнеса его этому не учили.

О.Х. Бейнс знал, что на Джаст Фолкс со смертями покончено, а Интернэшнл Мид-Америка разорена. Ее акции исчезли с бирж, словно их и не было, а акции Джаст

Фолкс, напротив, поднялись в цене, котировались как никогда, и он знал, что они будут расти и дальше, когда на следующей неделе газеты развернут рекламную компанию под девизом Джаст Фолкс – самая безопасная и дружелюбная авиакомпания.

Он считал, что все сделал наилучшим образом, хотя, непонятно почему, в его сознании всплыл образ отца, который, он знал, считает его поступок мошенничеством. Ты всегда был продувным мальым, О.Х.

Но философия, прививаемая в Кембриджской Школе бизнеса, которая определяла мышление промышленных кругов Америки с шестидесятих годов и реформировала вооруженные силы страны в соответствии с новой системой управления, была тем, что, по мнению О.Х. Бейнса, его отец никак не мог должным образом оценить. Отец был владельцем бакалейной лавки в Бомонте, штат Техас, и, лишь однажды навестив сына в Кембридже, сказал ему, что в Школе учатся сопляки с моралью орангутангов и куриными мозгами.

- Папа – такой оригинал. – О.Х. попытался свести его слова к шутке.

- Вы, сопляки, ничего не понимаете в баксах и товаре, – снова взялся за свое отец. – Только и умеете, что трепаться. Помогите нам Бог.

Когда выпускники Кембриджа реорганизовали армию, отец только и произнес: И армия туда же.

Отец, разумеется, не понимал одного: никого не волновало, что американское военное руководство чувствует себя куда более удобней в Блуминдейле, чем на поле сражения. Все это не имело никакого значения. Это не входило в новую систему ценностей.

Согласно ей, армии могли не побеждать, автомобили не ездить, техника не работать. Главное – выпускники Кембриджской Школы бизнеса должны иметь хорошую и престижную работу. У них всегда было в этом преимущество перед остальными, и выпускники Школы хорошо знали эту свою привилегию.

Благодаря такой психологической обработке, О.Х. Бейнс и проводил теперь дни в безоблачном счастье. Правда, в последнее время ему стало казаться, что, может, здесь есть и другая причина.

Возможно, существовал Бог, который избрал его для особой миссии и дарил ему успех. И, кто знает, может этот Бог имел что-то общее с уродливой многорукой статуей, стоявшей в складе, оборудованном под церковь в Новом Орлеане.

И вот однажды все семейство Бейнсов, за исключением собаки, войдя в ашрам, предстало перед очами Бен Сар Дина.

Бен Сар Дину семейство не понравилось. Особенно мышьяная мордочка женщины в стильном белом костюме. Мальчик был в белом блейзере и белом галстуке. Серые брюки тщательно отутюжены, черные туфли начищены до блеска. Девочка пришла в белой юбке, в руках небольшая белая сумочка.

- Знакомьтесь, это моя семья. Хотим присутствовать на молении, – сказал О.Х. Бейнс. Он был одет в темно-синий костюм в красную и черную полосы.

- Но сегодня не воскресенье, папа, – сказал мальчик.

- Т-сс, – остановила его миссис Бейнс. – Не все молятся в воскресенье, дорогой. И не только в нашей большой церкви.

Бен Сар Дин отвел О.Х. Бейнса в сторону.

- Вы привели семью в ашрам? А почему не в свою церковь?

- Да, – ответил Бейнс. – Заглянув в свое сердце, я понял, что хочу примкнуть к чему-то значительному и духовно благодатному. Хочу принадлежать Кали.

- Но они же маньяки-убийцы, – зашептал Бен Сар Дин громче, чем надо. – А это все же ваши родные.

- Они убьют нас, папа. Они убьют нас. Мне здесь не нравится. Я хочу в нашу церковь, – плакала девочка.

- Никто не собирается нас убивать, – успокаивала ее миссис Бейнс. – Папа не позволит.

- А вот он сказал, что собираются, – плакала девочка, показывая пальцем на шарообразную фигуру в белом шелковом костюме. Бен Сар Дин покраснел.

- Папочка говорит, что это благодатная вера – нужно попробовать, – сказала миссис Бейнс и, повернувшись к Бен Сар Дину, поинтересовалась, предлагают ли здесь программу йоги, существуют ли дискуссионные группы, обучают ли пению и приезжают ли по приглашению проповедники со стороны.

Бен Сар Дин, не зная, что сказать, потерянно кивнул.

- Вот видите? – торжествующе заявила миссис Бейнс детям. – Совсем как в нашей церкви дома.

То, что в ашраме не упоминали про Иисуса и спасение, не беспокоило миссис Бейнс. У них в церкви об этом тоже давно речи не было. Обычно к ним приезжал

какой-нибудь революционный деятель, ругал Америку, а потом заваливался к кому-нибудь домой, и если там он не развивал далее основные положения своей речи и не призывал разрушить Америку, то к соседям его не звали. Все это мало интересовало миссис Бейнс, ведь она никогда не слушала проповеди. В церковь ходишь, чтобы встречаться с людьми своего круга. Люди, которые заполняли ашрам, не были похожи на тех, с кем она обычно общалась, но, видно, муж знал лучше: разве позволил бы он ей и детям исповедовать религию, которая не пользуется отменной репутацией в лучших кругах.

Она слышала, как вокруг нее все говорили про какого-то мужчину, который грядет к богине Кали и обещает стать ее возлюбленным. Совсем как в их церкви: там тоже раньше твердили про Второе пришествие, пока не ударились в революцию.

Особенно ей нравилось, что в новой церкви к Богу обращаются в женском роде.

О.Х. Бейнс преклонил колена вместе с семьей в последних рядах молящихся. Глядя на других, они тоже взмахивали руками и воплями призывали убивать из любви к Кали.

- Убивайте из любви к убийству, - пели люди в ашраме, склонившись перед многорукой статуей.

О.Х. подтолкнул сына, который упорно молчал - как воды в рот набрал.

- Мне не нравится так вопить, - признался мальчик

- Дома ты вопишь предостаточно, - прошептал О.Х.

- Это другое.

- Можешь и здесь поорать, - сказал Бейнс.

- Слов не знаю.

- Хоть губами шевели, - посоветовал Бейнс.

- А кого они хотят убивать?

- Плохих людей. Кричи.

Сам О.Х. Бейнс размечтался, слушая, как повторяются песнопения - убивай ради самого убийства, убивай ради любви к Кали. Открывались новые возможности, которая давала неизвестная ему дотоле сила. Стоя у дверей ашрама, он чувствовал себя так, будто открыл атомную энергию. Но тут он видел одну проблему. Если община будет расти, будет возрастать и потребность в жертвах - авиапассажирах. Но массовые убийства покончат не только с пассажирами, но и с путешествиями.

Прервутся связи, заглохнет торговля. Профессора не смогут ездить, студенты тоже не захотят. Цивилизация откатится назад - к каменному веку.

Каменный век.

Бейнс немного задумался, а тем временем пение становилось все громче; казалось, неподалеку гремит гром. Каменный век, - думал он. - Все пойдет прахом. Может такое случиться? А почему нет?

Он знал, что делать. Нужно купить поскорей хорошую пещеру. На какое-то время успокоившись, он набрал в легкие побольше воздуха и заорал: Убивай из любви к Кали. На этот раз к нему присоединились и дети.

Вдруг все резко замолчали. Глаза присутствующих устремились на дверь в глубине ашрама, откуда быстро шел молодой человек, глаза его возбужденно блестели.

- Она позаботилась, - выкрикнул он. - Она позаботилась. - В руке он держал большую пачку авиабилетов. - Я нашел их на улице, у ашрама, - сказал он. - Она позаботилась.

Посвященные дружно закивали. Кто-то пробормотал:

Она всегда заботится. Мы любим Кали.

Спустя минуту Бен Сар Дин, покинув свою молельню-кабинет, вбежал в ашрам, бросил кипу желтых платков на руки ученикам и тут же снова исчез. Пол ашрама задрожал, когда за ним захлопнулась тяжелая, обитая железом дверь.

#Глава десятая#

Холли Роден закончила пятисотую гвоздику для бумажной гирлянды, которую она накинула на шею богини.

- О, Кали, - мурлыкала она. - Ты стала еще прекраснее. Когда он увидит тебя, то не устоит перед твоей красотой.

Напевая, она украшала статую, словно майское дерево. Должно быть, один цветок выпал из гирлянды прямо ей под ноги, потому что Холли поскользнулась и с грохотом повалилась на пол лицом вниз.

- Вот ведь неуклюжая, - рассмеялась она, потирая ушибленное колено.

Но только она приступила к изготовлению пятисот первого цветка, как снова свалилась и на этот раз чуть не упала с подножья статуи. Пытаясь подняться, она рухнула опять и, покотившись, сорвалась-таки с платформы, с шумом ударившись об пол.

- Что за грохот! - завопил Бен Сар Дин, ковыляя из кабинета в ашрам. По пути он наткнулся на компьютер, доставленный сегодня утром для О.Х. Бейнса.
- Сначала этот сумасшедший американец устраивает в моем кабинете два аппарата прямой телефонной связи, а теперь еще вот это, - рявкнул Бен Сар Дин, пиная компьютер ногой. - Чего ему от меня надо? Жизнь моя стала совсем собачья.
- Холли опять не удержалась на ногах, на этот раз падение произошло около стульев, на которых обычно сидели посвященные.
- Что с тобой, неуклюжее дитя? В моей стране женщина, даже опускаясь на колени, чтобы поцеловать ступни мужа, делает это бесшумно. У меня и так хлопот хватает с этим разбойником Бейнсом, узурпировавшим мое святилище. А ты - бум, бум... И так все время. Даже в Калькутте не так шумно.
- Тысячи извинении, Святой, которому покровительствует Кали, - сказала Холли. - Не могу понять, что со мной происходит... - не договорив, она вновь поскользнулась, стукнувшись головой о столик с благовониями. - Вот оно что! - вдруг выкрикнула она, садясь на стул. - Теперь мне ясно, почему я все время падаю.
- Ага, наркотики. Проклятье нашего века. Что ты употребляешь? - спросил Бен Сар Дин.
- Это Кали, - проговорила Холли, лучезарно улыбаясь. - Разве ты не понимаешь. Святой? Ока выталкивает меня на улицу. Хочет послать с особой миссией. Одну. И я подсознательно это предчувствовала. Поэтому и не отправилась с другими в обычный рейс, а предпочла остаться и украшать статую.
- Разве что так, - Бен Сар Дину ничего не оставалось, как согласиться.
- Сама богиня обратилась ко мне, - восторженно ворковала Холли. - Ко мне, Холли Роден. Избрала меня для служения. - Она гордо выпрямилась, но вновь, пошатнувшись, упала и поползла к статуе. - О, Святой! - возопила она. - Я обоняю Ее запах!
- Прекрасно, прекрасно, - заулыбался Бен Сар Дин, согласно кивая. Мысленно он дал себе слово никогда не посылать больше Холли на дело. Девушка явно со сдвигом. Тайные убийства пассажиров - и так рискованная акция, но, если в их рядах будет эта ненормальная болтушка, они обязательно привлекут к себе внимание.
- Ее запах, Ее запах, - нараспев повторяла Холли, наклоняя свои длинные белокурые волосы и вода ими взад-вперед у подножья статуи. - Она хочет, чтобы Ее запах передался мне, и я несла его дальше. Неси запах Кали! О, Святой, я больше никогда не буду мыться.
- Вполне по-индийски, - одобрил Бен Сар Дин. Раздался телефонный звонок.
- Неси запах Кали, убивай для Кали, - нараспев повторяла Холли.
- Это тебя, - позвал ее к телефону Бен Сар Дин.
- Думаю, твоя мать.
- Поднимая голову от ног Богини, Холли не могла сдержать гримасу отвращения.
- Мама, что еще стряслось? - сказала она в трубку.
- Да. Да. И что? Даже не знаю. О, Боже... Отец... Это Она. Что? Позже объясню. Повесив трубку, Холли посмотрела на Бен Сар Дина, взгляд ее был исполнен радостного удивления.
- Бедное дитя. Прими мои соболезнования...
- Да не в этом дело. Неужели ты не понимаешь? Это сделала Кали.
- Бен Сар Дин взглянул с сомнением на статую, за которую заплатил гроши.
- Кали убила твоего отца? Он что, был где-то неподалеку?
- Нет. Он в Денвере. Во всяком случае то, что от него осталось. Послушай. Кали хочет, чтобы я ехала туда. Звонок матери - знак. Моя миссия - ехать в Денвер. Может, там находится кто-то, кого нужно убить.
- Не пори горячку, Холли, - попытался осадить ее Бен Сар Дин, соображая, что произойдет, если ее схватят при попытке убийства, а рядом не будет никого из своих, чтобы убить ее прежде, чем она выболтает все полиции.
- Может, тебе взять кого-то в подмогу?
- Нет, мне надо ехать одной, - упорствовала Холли. - Туда посылает меня сама Кали.
- Значит, Кали посылает тебя в Денвер? - уточнил Бен Сар Дин. Авиабилетов туда у него не было.
- В Денвер, - ответила Холли, и в ее голосе звучали почти лирические интонации.
- Кали посылает меня в Денвер.
- Полетишь как турист, - сказал Бен Сар Дин. - У меня нет билетов в Денвер.

По дороге в аэропорт Холли Роден, сидя в такси, напевала про себя: Убивай для Кали. Ожидая своего рейса на аэровокзале Джаст Фолкс, она все еще мурлыкала эту фразу. Народу было предостаточно. Всюду плакаты с цветами компании Джаст Фолкс – красный, белый, голубой – рекламировали компанию как самую безопасную и дружелюбную. В зале ожидания непрерывно работающие громкоговорители приводили статистику, убедительно показывавшую, насколько безопаснее летать на самолетах Джаст Фолкс по сравнению с Интернэшнл Мид-Америка Эйрлайнс.

Радиотреп раздражал Холли. Режущий ухо голос мешал сконцентрироваться на молитве, но она все же не прекращала попыток. Убивай для Кали, – медленно произнесла она, стараясь сосредоточиться. Убивай из любви к Кали.

– Эй, малышка! – рявкнул ей кто-то в ухо. Зычный голос принадлежал мужчине среднего возраста в плаще.

Холли подняла на него глаза. Неужели ради этого человека она пустилась в путешествие? Кали нужно, чтобы она убила его?

– Может, вы тот, кто мне нужен, – сказала она.

– Не сомневайся, крошка, – ответил мужчина, распахнув плащ. Под плащом он был абсолютно голый, дряблое тело собралось складками.

Хотя он тут же убежал, Холли еще долго била дрожь.

– Это испытание, – сказала она себе. – Мне действительно надо ехать в Денвер. Таково желание Кали. А ей известно все.

В самолете ее соседкой оказалась пожилая женщина. Холли спросила, не может ли она быть той чем-нибудь полезной. Женщина пихнула ее локтем в живот. Потом, когда они выходили в Денвере из самолета, Холли послала ослепительную улыбку красивому молодому человеку и предложила подвезти его.

– Заигрывания агрессивных гетеросексуальных женщин всегда казались мне просто омерзительными, – ответил молодой человек.

– О, простите.

– Чтобы заполучить мужчину, вы ведь на все готовы?

– Я всего лишь предложила...

– Да уж. Видно, вы щедро расточаете такие предложения. Лучше пройдитеесь расфуфыренная и надушенная – какая вы есть – по барам. Но знайте, что некоторые мужчины предпочитают чистую, одухотворенную красоту собственного пола.

– Гомик паршивый, – бросила, отходя, Холли.

– Самка! – крикнул ей вслед молодой человек. – И разит от тебя какой-то дрянью.

На аэровокзале к ней пристал подросток с волосами, выкрашенными в красно-голубую полоску.

– Ты что ли тот, кто мне нужен? – в отчаянии спросила она.

– Тот-тот, – заверил ее подросток. – Самый настоящий супермен, могу заниматься любовью всю ночь. Ты и представить себе не можешь, что тебя ждет. За деньги я творю чудеса. Тот я, тот.

Тревога Холли рассеялась.

– Спасибо, Кали, – сказала она. – Значит, я могу стать твоей подружкой?

– Конечно, – ответил он. – Гони монету, и я буду твоим другом навсегда. – Открыв складной нож, он приставил его к горлу Холли, оттесняя ее в темное местечко.

– А теперь дай мне полюбоваться на зелененькие баксы.

Холли добралась до Денвера без цента в кармане, несчастная и разочарованная. Миссия ее провалилась. Кали избрала ее для особого служения, а Холли все испортила.

– Может, я вообще ни на что не годюсь, – с горечью сказала она себе. Когда девушка входила в построенный на разных уровнях родительский особняк на окраине города, на ее глазах стояли слезы. Мать бросилась к ней со словами утешения.

– Бедная девочка, – заговорила миссис Роден. – Для нас с тобой пробил час испытаний.

– Да, уймись ты, мама. Где отец?

– Он умер. Разве ты не помнишь?

– Ах, да. Самое время для него.

– Хочешь запеченного тунца?

– Предпочла бы чего-нибудь выпить.

– Хорошо, дорогая. Похороны через час. Я привела в порядок твое лучшее черное платье.

– Я не пойду на похороны.

– Дорогая, но ведь он твой отец.

– Я приехала сюда не из-за каких-то идиотских похорон. У меня важные дела.

- Да, дорогая. Понимаю, - сказала миссис Роден. Холли бесцельно бродила по улицам Денвера, размышляя о таинственной миссии, доверенной ей Кали. Статуя желала, чтобы она покинула Ашрам, это несомненно, - значит, должна быть тому причина, и причина серьезная. Никто ей так и не встретился на пути. Она хотела послужить Кали, принеся той жертву, но все складывалось неудачно.

- Знак, - произнесла она вслух. - Мне нужен какой-нибудь знак.

И знак был ей дан. Национальная ассоциация ссуд и сбережений горных народов торжественно отмечала свое открытие, которое ознаменовалось вооруженным нападением на банк. Грабитель выскочил из дверей банка с пистолетами наготове. Недрогнувшей рукой он выстрелил и убил полицейского, затем пальнул пару раз в толпу зевак и бросился к бежевому линкольну, припаркованному неподалеку. Холли стояла как раз рядом с передней дверцей. Страшно ругаясь, грабитель отбросил девушку в сторону, прямо на проезжую часть, и распахнул дверцу.

Уже забравшись в автомобиль, он, как бы что-то вспомнив, обернулся и нацелил пистолет на Холли.

И тут случилось чудо. Худощавый молодой человек с широкими запястьями встал между ними. Холли как зачарованная смотрела, как перестала вдруг существовать передняя дверца. Затем руль, как по мановению волшебной палочки, закрутился на месте и полностью вошел в живот грабителя.

Повернувшись, молодой человек остановил уже начавшийся двигаться автомобиль, поставив каблук на бампер в пяти дюймах от головы лежавшей на дороге Холли.

Насаженный на руль грабитель беспомощно следил за ним, чувствуя, как его внутренности превращаются в кашу. Потом он осознал, что худощавый молодой человек, который двигался так быстро, что движения его казались смазанными, поднял его в воздух. Пролетая через улицу обратно к банку, грабитель слышал, как ветер свистит в его ушах. Он рухнул прямо посередине сбежавшихся полицейских, которые тут же прижали его к земле. Последнее, что видел грабитель в своей жизни, было отражение в зеркальной витрине мужчины, помешавшего ему бежать.

Холли лежала на мостовой, сжавшись в комочек, ее длинные волосы разметались по лицу, словно золотые водоросли.

- С вами все в порядке? - спросил Римо, нагнувшись над ней.

Взглянув в его лицо, Холли в изумлении раскрыла рот.

- Это ты? - сказала она.

- О, нет.

Выпрямившись, Римо резко отпрянул от девушки, ударившись спиной о телеграфный столб. У него перехватило дыхание, а где-то в животе возникло омерзительное чувство страха.

- Пошла прочь, - прошептал он, когда Холли Роден, поднявшись, направилась к нему.

- Нет. - В голосе Холли звучало ликование. - Теперь мне ясно. Ты - причина. Она послала меня сюда. Но не убивать. А вернуть тебя. Вернуть Ей. Кали.

- Убирайся! Я не понимаю тебя. От тебя разит скотным двором.

- Это запах Кали. Он - на моих волосах, - сказала Холли. - Вдохни его поскорей.

- Тебе место в городской тюрьме, там и запах твой подойдет, - сказал Римо, отодвигаясь от нее.

- Не бойся, - проговорила Холли, нежно улыбаясь. - Я все знаю о тебе. Знаю, кто ты.

- Знаешь? - переспросил Римо.

Вот теперь, возможно, у него хватит сил убить ее. Слишком сильна причина. Если она знает слишком много, если она представляет опасность для КЮРЕ, для страны... Тогда, может быть, он убьет ее.

- Так кто же я? - спросил он.

- Возлюбленный Кали. Она избрала тебя и послала меня за тобой, - ответила Холли.

Придвинувшись ближе, она обвила руками шею Римо. Запах ее волос волновал его и одновременно вызывал отвращение. Чресла его сладко заныли.

- Уходи, - хрипло проговорил он. - Уходи.

Холли провела рукой по его бедру, и сопротивление Римо стало ослабевать. Волосы девушки почти касались его лица, едкий запах манил и дразнил, напоминая о чем-то далеком, давно позабытом.

- Ты, наверное, ничего не понимаешь, - прошептала ему на ухо девушка. - Но доверься мне. Я знаю твое предназначение. Ты должен ехать со мной. Ехать к Кали.

Она подталкивала его вперед, к узкому извилистому проходу между двумя зданиями. У Римо не было сил сопротивляться.

- Как тебя зовут, возлюбленный Кали? - спросила она.

- Римо, - тупо проговорил он.

- Римо. - Девушка наслаждалась каждым звуком его имени. - Я гонец Кали, ее посыльный. Иди ко мне. Ты вкусишь со мной наслаждение, которое Она дарует тебе.

Холли поцеловала его. Тошнотворный приторный запах, сулящий острое, извращенное наслаждение, ударил ему в голову и зажег огонь в крови.

- Возьми меня, - просила Холли, глаза ее пылали, она явно находилась в трансе.

- Возьми то, что дает тебе Кали. - Она тянула его вниз, на скользкие камни, загаженные птичьим пометом, гнилыми капустными листьями и выплеснутой кофейной гущей. - Возьми меня здесь, в грязи. Так хочет Она.

Холли раздвинула ноги и судорожно глотнула воздух, почувствовав внутри себя обжигающую мужскую плоть.

Когда все было кончено, Римо отвернулся к стене дома. Его сжигал стыд, он ощущал себя оскверненным. Холли взяла его руку, но он тут же отдернул ее, словно от прокаженной.

- Совсем не в моих правилах - проделывать это в первое же свидание, сказала девушка.

- Уходи.

- Это была не моя идея. На меня что-то накатило, - оправдывалась Холли.

- Слушай, уходи поскорей.

- Я кое-что читала о приступах тоски после полового сношения, но то, что происходит с тобой, это уже чересчур.

Римо, пошатываясь, поднялся и побрел прочь от молодой женщины, оставив ее лежать на земле в грязном проулке. Он с трудом находил силы, чтобы двигаться. Запах, шедший от девушки, преследовал его, члены словно налились свинцом.

- И думаешь, тебе удастся сбежать, - услышал он голос Холли. Она разразилась резким, пронзительным смехом. - Ну, что ж, попробуй, только ты все равно вернешься. Кали хочет тебя. Она приведет тебя к Себе. Вот увидишь. Ты придешь к Кали.

По мере того, как Римо удалялся, голос девушки звучал все тише. Но, даже когда он затих совсем, запах не отпускал мужчину, он вился вокруг, словно невидимый дразнящий демон, и Римо понимал, что девушка права. Он не сможет не пойти за ней, хотя в глубине души понимал, что путь этот ведет к гибели.

Нет, он ошибся, когда хотел справиться с этой напастью сам. Ему нужна помощь. Ему нужен Чиун.

#Глава одиннадцатая#

В гостиничном номере было темно. Комнату освещали только звезды, ярко блестевшие над горами в ночном небе.

Римо лежал на матрасе посередине комнаты со сложенными на животе руками - так уложил их Чиун. Старый кореец сидел в позе лотоса у изголовья.

- Теперь можешь говорить, - сказал Чиун.

- Не понимаю, что творится со мной, папочка. Я думал, что справлюсь сам, но у меня ничего не выходит.

- Говори, - мягко попросил Чиун.

- Я думал, что всему виной девушка.

- Всего лишь девушка?

- Необычная девушка, - продолжал Римо. - Исповедует какую-то дикую религию.

Когда мы летали на Джаст Фолкс в Северную Каролину, я после полета поехал с ней, и двое ее друзей пытались меня убить.

- Ты их убил?

- Друзей, да. Но не ее, - ответил Римо. При воспоминании о том дне Римо стала бить дрожь. Но Чиун, даже в темноте ощутив боль ученика, протянул руку и коснулся его плеча, и тело Римо вновь обрело спокойствие.

- Я не мог ее убить. Хотя и хотел. Но, понимаешь, она сама жаждала смерти. И еще пела, они все пели, и это сводило меня с ума, мне не терпелось убежать оттуда. Вот почему я отправился в горы - хотел хорошенько все обдумать.

Чиун хранил молчание.

- И вот сегодня я встретился с ней снова, и мне показалось, что на этот раз я сумею ее уничтожить. Она как-то связана с убийствами в самолетах, и убить ее - мой прямой долг. Но я опять не смог. И все из-за ее запаха.

- Какого запаха? - спросил Чиун.

- Он похож... собственно, это не совсем запах, - слышался голос Римо во тьме. - Скорее ощущение.

- Ощущение чего?

Римо тщетно пытался найти подходящие слова. Он только покачал головой.

- Не знаю, папочка. Чего-то огромного. Пугающего. Более ужасного, чем смерть. Страшная вещь... Боже, я схожу с ума.

Он нервно потер руки, но Чиун перехватил их и снова уложил на солнечное сплетение.

- Ты говоришь, они пели? - напомнил Чиун. - А что? - осторожно выпытывал кореец.

- Что? Какой-то бред. Даже не знаю. Да здравствует смерть. Да здравствует боль. Она возлюбила это. Говорю тебе, они боготворят смерть, даже собственная смерть их не страшит. Тоже самое было и сегодня вечером. Она сказала, что я должен следовать за ней, и я знал, Чиун, я твердо знал, что убей я ее, она скажет перед смертью: Убей меня, убей меня, убей, потому что так надо. Я не смог ее убить - дал ей уйти.

- А почему ты должен следовать за ней? - спросил Чиун.

- Потому что я, вроде бы, чей-то возлюбленный. Кто-то хочет меня.

- И кто же? - спросил Чиун:

- Имя... Странное имя. Думаю, женское, - сказал Римо. - Как же?..

Он замолчал, пытаясь вспомнить.

- Кали? - тихо выдохнул Чиун.

- Вот-вот. Кали. Откуда ты знаешь? Римо услышал, как Чиун тяжело вздохнул, а потом его голос снова зазвучал, как обычно.

- Римо, мне нужно срочно встретиться с императором Смитом.

- Это еще зачем? - спросил Римо. - Он-то здесь причем?

- Он поможет мне подготовиться к путешествию.

Римо удивленно взглянул на старика. Даже во тьме его глаза способны были прозревать многое. Выражение лица Чиуна говорило о внутренней муке и решимости.

- Я должен ехать в Синанджу.

- Зачем? И почему именно теперь?

- Чтобы спасти твою жизнь, - ответил Чиун. - Если еще не поздно.

#Глава двенадцатая#

Харолд В. Смит торопливо вошел в номер денверского мотеля.

- Что стряслось? Что за важное дело такое, что вы не решились обсуждать его по телефону?

- Не смотрите на меня так укоризненно. Не я вас вызывал, - сказал Римо, не поднимая глаз от журнала, который небрежно листал.

Чиун сидел в углу комнаты на соломенной циновке. Смит перевел взгляд на него, и старик медленно поднял голову. Смит показалось, что кореец не видел его.

- Оставь нас одних, Римо, - тихо попросил Чиун. Римо с силой захлопнул журнал.

- Ну и ну, Чиун. Не слишком ли много себе позволяешь? Даже от тебя я такого не потерплю.

- Я же попросил тебя - оставь нас, - рявкнул старик, лицо его налилось кровью.

Римо швырнул журнал на пол и вышел из комнаты, хлопнув дверью.

- Дела плохи? - спросил Смит.

- Пока еще не совсем, - бесстрастно отозвался старик.

- А-а, - произнес Смит.

Чиун молчал, и Смит почувствовал себя неловко.

- Э-э, могу я сделать что-нибудь для вас, Чиун? - Смит взглянул на часы.

- Я прошу немного, император, - сказал Чиун. Смит сразу же решил, что старик хочет возобновить переговоры об увеличении жалования. Всякий раз, как Чиун заявлял, что ему много не нужно, оказывалось, что только золото может спасти его от вечного позора в глазах потомков.

Смит испытывал яростный прилив гнева, что совсем не было ему свойственно. На КЮРЕ оказывал сильное давление Белый Дом, требуя положить конец убийствам на авиалиниях. Интернэшнл Мид-Америка потерпела полный крах, и, кто знает, сколько еще авиалиний ждал такой же конец. Средства массовой информации посеяли в населении панику: все опасались летать самолетами. Цивилизация, которая, по большому счету, представляла из себя обмен продуктами производства и идеями, оказалась в опасности. А Чиун продолжает выколачивать из него деньги.

- Если вы помните. Мастер Синанджу, вы сказали, что ситуация с Римо выправляется. - Он со значением взглянул на ничего не выражающее лицо Чиуна. - И вот я приезжаю сюда, и что я вижу - он бездельничает и читает журналы. А как же ваше обещание? То, что вы дали за дополнительное золото? В нашу последнюю встречу. Помните, Чиун?

Смит изо всех сил старался сдержать охвативший его гнев, но лицо выдавало его.

- Это было нечестно, - тихо проговорил Чиун.
- Не понял.
- Это было нечестно, - повторил Чиун.
- Нет, это было честно, - рявкнул Смит, уже не пытаюсь скрыть раздражение. - Вы пообещали, что за девять мер золота, доставленных в Синанджу, заставите Римо снова взяться за работу. Если он все же отказался...
- Не вы поступили нечестно, - прервал его Чиун. - Не вы, о, достойный император, а я. - Старик стыдливо потупил глаза.
- Ясно. Вы хотите сказать, что Римо отказывается работать даже за дополнительное вознаграждение.
- Он не отказывается работать. Он просто не может.
- Почему? - спросил Смит. - Он что, болен?
- Римо охвачен страхом.
Смит почувствовал, что сейчас взорвется. Страхом! А сколько раз сам Смит испытывал страх? Сколько раз смотрел в лицо смерти? Он не был от природы так щедро физически одарен, как Римо, и, естественно, не прошел такой тренировки, и все же, когда наступал критический момент, Харолд Смит преодолевал страх и продолжал действовать. Страх не оправдание. На каменистой земле Нью-Гемпшира, где возрастал Смит, бытовала поговорка, которую впитала его суровая душа: Глаза боятся, а руки делают.
- Ему надо преодолеть страх, - жестко произнес Смит.
- Я неточно выразился, император, не страх останавливает Римо. Он докопается до причины авиационных убийств хотя бы потому, что не сможет противостоять желанию раскрыть преступление. А докопавшись, вступит в схватку.
- Тогда в чем проблема? Чиун вздохнул.
- Римо не выйдет из схватки живым. Сняв шляпу, Смит крутил ее в руках.
- Откуда вам это известно?
- Известно. Больше я ничего сказать не могу. Вы не принадлежите к Синанджу, и потому вряд ли поверите моему рассказу.
Старик погрузился в молчание. Смит продолжал теревить шляпу.
- Значит, это конец? - наконец проговорил Смит. - Конец Римо? И нашей совместной работе?
- Возможно, - ответил Чиун.
- Не буду притворяться, что я хоть что-то понимаю, - сказал Смит. - И не представляю, что бы я мог сделать, даже если бы понимал.
Он бросил взгляд на дверь, но тут заговорил Чиун:
- Не спешите уходить, император. Я придумал, как можно ему помочь.
Смит поджал губы. Началось, подумал он. Только на этот раз все обставлено более драматично.
- Видимо, надо опять увеличить вам жалование, Чиун. Я очень занят. И за этим не стоило вызывать меня сюда. Если вам нужно больше золота, можно сказать об этом по телефону. И хочу вам сказать, что я разочарован. Очень.
Он повернулся, чтобы уйти.
- Мне не нужно золота, - раздался голос Чиуна. Рука Смита, уже лежавшая на дверной ручке, замерла.
- Тогда в чем же дело?
- Мне необходимо ехать в Синанджу, - ответил Чиун.
- Об этом не может быть и речи. Такие вещи обговариваются заранее.
- Другого выхода нет, - произнес Чиун.
- Это невозможно.
- В моей деревне есть одна вещь, которая может спасти Римо, - сказал Чиун.
- А вы заодно получите внеочередной отпуск, - ядовито заметил Смит. - Знаете притчу про мальчика, который регулярно обманывал пастухов, крича, что к их стаду крадется волк. Так вот, Чиун, вы кричали волк! слишком часто.
Смит распахнул дверь.
- Подождите! - голос Чиуна прогремел как электрический разряд. Плавно, одним движением, словно завился клуб дыма, он поднялся на ноги, подошел к двери и закрыл ее.
- Я беру назад свою просьбу, - сказал он.
- Простите?
- О прибавке к жалованию. О дополнительных четырех мерах золота, о которых, кстати, Римо и не просил. Мне самому хотелось повысить благосостояние деревни. Я отказываюсь от золота ради возможности побывать в Синанджу. Но ехать мне надо немедленно.

Смит внимательно взгляделся в лицо старика. Впервые на его памяти Чиун отказывался от золота.

- Значит, это так серьезно? Так важно для вас?

- Да, император.

- И вы искренне думаете, что ваша поездка поможет Римо?

- Полностью не уверен. Но хочу попробовать, - ответил Чиун.

- Может, вы объясните мне...

- То, что вы не сможете меня понять, вовсе не умаляет вашего величия, император. В мире есть вещи, которые никто не поймет, кроме меня. Ведь я - ныне правящий Мастер Синанджу: вся история мира распахнута предо мной. Мне нужно ехать немедленно.

Они посмотрели друг другу в глаза. Смиуту неожиданно открылось, как стар и хрупок Чиун. Наконец американец согласно кивнул:

- Ладно. Поедете со мной в Фолкрофт. Прикажу приготовить для вас реактивный самолет и подводную лодку.

- Благодарю, император. Но прежде мне надо еще раз увидеть Римо.

- Я пришлю его, - сказал Смит.

- Рад, что вы хорошо поболтали, - заявил Римо, плюхнувшись на стул.

- Мы не говорили о твоих делах. Правда, не говорили, - сказал Чиун.

- Старый обманщик. Думаешь, я родился только вчера? И ничего не знаю о вашем давнем уговоре убрать меня, если дела пойдут плохо? Если я не смогу больше работать?

- Нашел, что вспомнить. Тогда я еще не знал тебя и не представлял, кем ты можешь стать, - ответил Чиун. - Разговор шел о другом.

Римо некоторое время всматривался в лицо Чиуна, а потом обхватил голову руками.

- А может, так было бы лучше, - проговорил он. - От меня... ничего не осталось. Это все нарастает, Чиун. Запах ощущения. Я подавлен всем этим и не могу от него отделаться.

- Тебе и не удастся, - сказал Чиун.

- Я теряю рассудок. Все мои мысли только об этом. Наверное, тебе стоило бы вспомнить наш старый уговор и отправить меня далеко-далеко. Сделать это так просто - когда я не смотрю на тебя. Нет. Сделай это, когда смотрю. Мне хочется убедиться, что ты держишь прямо плечо.

Римо улыбнулся своей шутке, понятной только им двоим. Десять лет находился он в полном подчинении у Чиуна, учившего его премудрости Синанджу, пока не постиг всего необходимого. Но Чиун никогда не хвалил ученика, а если Римо выполнял задание безукоризненно, тогда Чиун, не желая, чтобы Римо зазнавался, придирался, говоря, что ученик скашивает плечо, а тот, кто не приучается держать плечо прямо, никогда ничего не добьется.

Но Чиун даже не улыбнулся.

- Я никогда не причиню тебе вреда, что бы там ни говорилось в контракте у императора, - сказал он. Римо промолчал, а Чиун продолжал:

- Я лучше расскажу тебе одну историю.

Римо помрачнел.

- Может, лучше все-таки убьешь меня.

- Замолчи, бледнолицая поганка. У меня мало времени. Мне надо рассказать тебе о Лу Опозоренном.

- Ты уже рассказывал мне эту историю. Лу прогнал разбойников с дорог Рима, а потом выступил в цирке. И так далее...

- Я говорил тебе, что у этой истории есть продолжение, - настойчиво произнес Чиун. - И сейчас я собираюсь рассказать тебе, что было дальше. Но никогда и никому - ни слова об этом: последние годы жизни Лу - великая тайна, известная только Главному Мастеру. Я нарушаю традицию, открывая тебе эту тайну.

- Должно быть, он сделал что-то очень дурное, - ядовито произнес Римо. - Что бы это могло быть? Здесь явно не обошлось без денег. Ведь самое худшее, что может совершить Мастер, - это не получить достойную плату за работу. Мастер Лу Неоплаченный. Немудрено, что его имя предано позору.

Чиун не обратил внимания на насмешки ученика. Закрыв глаза, он заговорил на корейском, голос его звучал напевно, речь ритмически напоминала древнюю поэзию. Так он поведал Римо продолжение истории о Мастере Лу, который, покрыв себя несмыслимым позором на аренах Рима, покинул этот порочный город и отправился странствовать по неведомым землям Азии.

Но эти странствия, как поведал Чиун, не вносили мир в сердце Лу, пока однажды,

когда взошли, закатились и снова взошли все луны года, он не добрался до небольшой деревушки высоко в горах Цейлона. Деревушка эта, гораздо меньше Синанджу, отстояла далеко от других поселений, и люди в ней жили своей, обособленной жизнью. Жители ее были очень красивы, такой тип красоты еще не встречался Мастеру в его скитаниях. Кожа их была не белой и не черной, не красной и не желтой – жители Батасгаты, так звалась деревушка, как бы соединяли в себе все земные расы, не принадлежа ни к одной.

Никто в Батасгате не ведал, откуда пошел их род, они просто жили, всем сердцем любя свою землю и родную деревню и радуясь общению с земляками.

В знак благодарности люди воздвигли в деревне глиняную статую. Она изображала женщину, прекраснее которой они никого не могли представить, и стали поклоняться статуе, дав ей имя Кали.

Но с появлением статуи жизнь жителей изменилась. Люди забросили поля и стада, отдавая все время своей обожаемой Кали. Но хотя Богине была мила их любовь, Кали хотела большего, чем гирлянды из цветов и молитвы, написанные на бумаге, сложенной в форме разных животных.

Кали жаждала крови. Верующие считали, что, если Богине регулярно приносить кровавую жертву, та воздаст им за любовь сторицей. Но никто в деревне не хотел пожертвовать собой или кем-то из близких.

И вот тогда-то и объявился в Батасгате Лу.

– Это знак, – заговорили почитатели Кали. – Странник появился как раз вовремя, и его надо принести в жертву Кали.

Четверо сильных мужчин набросились на путника, пытаясь его убить. Но Лу был Мастером Синанджу, самым великим наемным убийцей мира, и вскоре все четверо лежали перед ним мертвые.

– Кажется, они просто спят, – проговорила одна женщина. – На них совсем нет крови.

И тогда заговорил старейшина деревни. Приход Мастера Лу был, по его словам, действительно, знаком Богини, но не странник должен был стать жертвой, он – лишь орудие. Старейшина приказал отнести тела четырех мужчин к подножью статуи, чтобы увидеть, ублаготворила ли Богиню непролитая кровь жертв.

На закате крестьяне с молитвами отнесли тела к статуе и разошлись по домам.

Утром следующего дня жители увидели результаты своего жертвоприношения: у статуи выросла новая рука.

– Чудо! – возопили жители.

– Знак Кали!

– Смерть любезна ей!

– Она возлюбила ее!

– Убивай для Кали!

– Убивай!

– Убивай!

– Убивай!

Оказывая всевозможные знаки почтения, жители подвели Лу к статуе, и старейшина вновь обратился к Богине.

– Глубокопочитаемая нами Кали, – сказал он, – этот странник убил этих людей в Твою честь. Он не пролил ни капли крови, дабы они могли целиком перейти к Тебе.

Если появление новой руки было Первым чудом, то теперь Кали явила им Второе.

Глаза статуи устремились на стоящего перед ней Лу, и уголки ее губ скривились в усмешке.

Пораженные жители пали ниц, преисполненные почтительного благоговения к Богине и к избранному ей мужчине, и тут произошло Третье чудо.

От статуи заструился аромат, распространяясь вокруг. Мастер Лу запустил руку в карман кимоно и вытащил оттуда желтый платок – им он хотел защититься от запаха, но тот был слишком сильным и, не в силах сопротивляться ему, Лу упал на колени, целуя ноги статуи и глядя на нее взором, исполненным любви.

– Она завладела им, – сказал Старейшина. – Кали совершила брачный обряд.

Лу испугался странной власти изваяния. Сначала он не стал разубеждать жителей деревни, веривших, что он дорог их самодетельной Богине, потому что боялся наказания за убийство их четырех односельчан. А потом, когда пошел второй месяц его пребывания в деревне, свершилось Четвертое чудо Кали, заставившее его бояться не только за свою жизнь.

Останки первых четырех жертв давно уже превратились в прах и были захоронены, когда Богиня вновь возжадала крови.

– Она требует новых жертв, – объявил Старейшина, но Лу отказался стать орудием

бессмысленного убийства для убления куска глины.

- Она все равно заставит тебя убивать ради Нее, - предсказал Старейшина.

- Никто не может заставить Мастера Синанджу поднять руку против его воли, - гордо заявил Лу и пошел к тому месту в центре деревни, где стояла статуя.

- У тебя нет власти надо мной, - сказал он изваянию, вложив в эти слова весь пыл души.

Но этого оказалось недостаточно. Статуя вновь стала источать женский аромат, вскруживший голову Лу, и слепая, неподвластная ему похоть охватила Мастера.

- Он готов снова убивать, - сказал Старейшина. Жители возбужденно зашумели.

- Кого он изберет в жертву?

- Он никого не изберет, - ответил Старейшина. - Это сделает Кали.

- Каким образом?

- Мы узнаем. Она подаст нам знак, - сказал Старейшина.

И Богиня действительно подала знак - это и было Четвертым чудом. На лбу Старейшины появилась бледно-синяя точка. Жители деревни взирали на чудо с изумлением, а точка, между тем, темнела.

- Она выбрала Старейшину, - закричали люди.

- Нет! - Лу изо всей силы старался освободиться от страшной силы, которая овладевала им, и пытался отойти от статуи. - Я не буду ... убивать.

Но старейшина понимал, что Богиня, которую создали он и его народ, удовлетворит только его смерть, и потому, обнажив шею, склонил голову пред Мастером Лу.

Лу издал мучительный крик, но даже высокоразвитое чувство справедливости Синанджу не смогло противиться гневу Богини, и тот, вскипев в нем направил его могущественные руки. Вытащив опять желтый платок, он обернул его вокруг шеи старика и сильно затянул. Мгновение - и Старейшина лежал, поверженный, у подножья статуи.

Лу рухнул рядом, вопль поражения вырвался из глубины его отныне порочной души.

А статуя усмехнулась снова...

- Ладно, Чиун, - с отвращением произнес Римо. - Статуя? Улыбнулась? Не морочь мне голову.

- Некоторые вещи становятся реальностью прежде, чем обретут форму, - сказал Чиун.

- Вот, смотри. Я покажу тебе. - Он приподнял деревянный стул, стоящий у письменного стола. - Ты не будешь отрицать, что это стул, правильно?

- Согласен. Стул, - признал Римо. Склонившись над столом, Чиун набросал на листе бумаги рисунок того же самого деревянного стула.

- И это тоже стул?

- Да. Полагаю, что так, - осторожно согласился Римо.

Чиун спрятал руки в рукава кимоно.

- А вот здесь ты, Римо, ошибаешься. Ни эта деревяшка, ни лист бумаги, разрисованный чернилами, - не есть стул. Они играют его роль только потому, что тебе так удобно.

- Гм.

- Настоящий стул находится в твоём сознании, сынок. Хотя и он уже вторичен. Первый оригинальный стул - это идея в сознании кого-то, давно забытого. Но реальна именно идея. Материальное воплощение - только ее дом.

- Для меня все это несколько сложно, - сказал Римо. - Философствовать - не мое предназначение. Мое предназначение - убивать людей.

- Нет. Твое предназначение - быть великим наемным убийцей. Но ты в своем упрямстве низводишь свое мастерство до примитивного убивать людей. Именно до этого скатился Мастер Лу, став заурядным убийцей у подножья статуи Кали. Он не был больше Мастером, он стал убивать людей, оказавшись во власти настоящей Богини - силы, воплотившейся в куске глины. Но сила-то была и прежде воплощения.

- Зачем ты говоришь мне все это? - спросил Римо. Лицо Чиуна выражало сильное душевное волнение.

- Я хочу, чтобы ты во всем разобрался, Римо. Не сомневаюсь, что ты встретился с той же силой, что и Мастер Лу.

- Посещение Цейлона до Рождества не вписывается в мои планы, - сказал Римо. Чиун вздохнул.

- Если ты ощущаешь присутствие Кали здесь, значит Она не на Цейлоне, - терпеливо объяснил старик.

- Кто тебе сказал, что я ощущаю чье-то присутствие? Меня преследует запах. В этом нет ничего сверхъестественного. Может, мне надо всего лишь сменить

дезодорант.

- Помолчи и дай мне рассказать историю до конца.
- Хорошо, только я никак не уразумею, какое отношение это все имеет ко мне.
- Со временем поймешь. Позже. А теперь выслушай меня.

- Лу совершал убийства одно за другим для Богини, и с каждой новой смертью его силы и мастерство таяли. Каждый раз, когда тела с синей меткой на лбу замирали у его ног. Лу падал с рыданиями на землю, и ему казалось, что он совокупляется с изваянием, даря ей свое семя. На следующее утро после очередного убийства, у Богини отрастала новая рука, а Лу уводили отдохнуть на ложе из цветов. Там он спал несколько дней кряду - так много сил затрачивал он на эти ритуальные убийства. Теперь он принадлежал Кали, и мастерство Синанджу, в котором Лу совершенствовался всю жизнь, служило теперь только желаниям его любовницы.

Спустя два года, почти все население Батасгаты было принесено в жертву Богини, а сам Лу, состарившись прежде времени, стал слабым, больным человеком.

Среди людей, наблюдавших его постепенное угасание, была одна девушка, служительница Кали. Молодая и красивая, она всем сердцем принадлежала Богине, но ее удручал несчастный вид некогда цветущего мужчины, от которого теперь остались только кожа да кости и который проводил время в постели, поднимаясь только для того, чтобы совершить очередное убийство. Остальные жители деревни боялись Мастера Лу и заходили к нему только по праздникам, но эта девушка осмелилась войти в его убранный цветами хижину из соломы и стала ухаживать за ним, пытаясь вернуть ему здоровье.

Она не добилась больших успехов, физическое состояние Лу по-прежнему оставляло желать лучшего, но общество молодой женщины облегчило израненное сердце Мастера.

- Ты не боишься меня? - спрашивал он.
- Почему мне надо тебя бояться? Ты можешь убить меня?
- Никогда я не убью тебя, - обещал Лу. Но девушка ему не поверила.
- Конечно, убьешь, - сказала она, - как убил всех остальных. Воля Кали сильнее воли человека, даже такого великого, как ты. Но смерть настигает каждого, и тот, кто боится смерти, непременно боится и самой жизни. Нет, я не боюсь тебя. Мастер Лу.

И тогда Лу залился слезами, ибо боги Синанджу, несмотря на всю глубину его падения и то, что он предал все, чему его учили, послали ему любовь.

- Я должен уйти отсюда, - сказал он девушке. - Ты pomoжешь мне?
- Я пойду с тобой, - ответила она.
- А как же Кали?

- Кали принесла нам только смерть и печаль. Она наша богиня, но я покину Ее. Мы отправимся к тебе на родину, где мужчины, подобные тебе, живут спокойно.

Лу притянул к себе молодую женщину и заключил ее в объятия. Она раскрылась ему навстречу, и тогда в тишине этой комнаты, где томилась душа, Лу подарил гостье свое настоящее семя. Не остатки истерзанной мощи, которую жадно забирала себе Кали, а свободное излияние незамутненной души.

Этой же ночью, в полном мраке, они покинули деревню и месяц за месяцем двигались в сторону Синанджу. Иногда на Лу накатывала неудержимая страсть к Кали, и тогда он умолял жену связать его веревками, пока аромат Кали не улетучивался из его ноздрей.

Жена повиновалась, радуясь, что Лу доверяет ей. А тем временем его семя понемногу росло в ее животе, и скоро она должна была родить...

- Твой сын, - сказала она, показывая Лу дитя.

Лу был счастлив как никогда. Ему хотелось во весь голос кричать о своем счастье, но никто не знал его в стране, через которую они шли. Двигаясь вперед миля за милей, Лу не переставал благодарить судьбу, подарившую ему женщину, которая настолько сильно любила его, что увела от злой Богини и подарила сына.

Земля, по которой они шли, казалась очень знакомой. - Что это, Синанджу? - думал Лу. Но местность эта не напоминала родину: растительность здесь была пышной и сочной, а природа его родного края отличалась суровой и холодной красотой. - Ничего похожего на Синанджу. Что же это?

Когда Лу взобрался на вершину горы, то вскрикнул от удивления. Под ним, в узкой горной долине, лежала деревушка Батасгата.

- Кали привела меня назад, - прошептал Лу. Надежды не оставалось. Он вернулся на стоянку, где его ждала жена с младенцем, чтобы сообщить ей ужасную новость. Взглянув на жену, он затрясся от страха. На лбу любимой темнела синяя точка.

- Только не ее! - вскричал Лу.
- Лу... Лу... - Его добрая жена пыталась подняться и найти веревки, чтобы

связать мужа, но она еще не оправилась после рождения сына и еле двигалась.

Она молила его быть сильным, но сила мужа уступала силе Кали. Он хотел было отрубить себе руку, чтобы предотвратить беду, но Кали не допустила этого. Медленно извлек он из кимоно желтый платок, накинул его на шею любимой и затянул так туго, что жизнь ушла из ее тела.

Когда все было кончено, и Лу лежал, сам полуживой, рядом с телом прекрасной женщины, которая безгранично любила его, он понял, что надо делать. Сняв кольцо с пальца жены, которую убил, несмотря на всю любовь к ней, он похоронил ее при свете луны. Вознес молитвы древним богам Синанджу, Лу, взяв на руки младенца, направился в деревню.

Постучавшись в первый же дом, он передал хозяевам новорожденного.

- Воспитайте его, как собственного сына, - сказал он, - потому, что я не переживу сегодняшнюю ночь.

И он пошел в одиночестве к статуе Кали. Та улыбнулась ему.

- Ты погубила меня, - сказал Лу. В ночной тишине в глубине его сознания прозвучал ответ статуи.

- Ты хотел предать меня. Это тебе наказание.

- Я приготовился к смерти.

Дотронувшись до кольца жены, он почувствовал, как прибывают силы.

- Ты умрешь, когда я захочу, - сказала Кали.

- Нет, - произнес Лу.

На какое-то время бывшая сила вернулась к нему, и он прибавил:

- Я - Мастер Синанджу. Это ты умрешь, когда я захочу. А именно - сейчас.

С этими словами он обхватил статую и оторвал ее от земли. Глиняная плоть Кали обжигала его, множество рук тянулось, чтобы выдавить ему глаза, но ничто не могло остановить Лу. Он нес статую через горы к морю, и с каждым шагом муки его росли, но и прибывала сила, любовь и память о той, что возродила в нем надежду и которую он так жестоко убил собственными руками; и он упрямо шел дальше.

Когда он достиг прибрежных скал, Богиня вновь заговорила с ним.

- Ты не можешь меня уничтожить, жалкий осел. Я вернусь.

- Будет поздно. Меня не будет на свете, - сказал Лу.

- Тебя не будет, но будет жить твой потомок. Он станет моим рабом, и я вымещу свою месть на нем, хотя вас с ним разделяет много тысяч лун. Он будет орудием моего мщения, и сила моего гнева проявится через него.

Собрав последние силы, Лу сбросил статую со скалы. Она бесшумно погрузилась в синюю бездну.

А когда рассвет принес с собой первый солнечный луч. Мастер Лу записал эту историю кровью на тростнике, росшем на краю обрыва. С последним вздохом он продел тростник в кольцо своей жены и умер.

- Братья Гримм, - фыркнул Римо. - Волшебная сказка.

- Тот тростник сохранился.

- Каким образом? Если Лу умер в некой мифической деревушке, на Цейлоне, как тростник оказался в Корее?

- Неисповедимы пути судьбы, - произнес старый кореец. - Тело Лу нашел торговец, знавший много языков, он-то и доставил тростник в Синанджу.

- Ничего не скажешь - повезло торговцу, - съехидничал Римо. - Зная нравы вашей деревни, думаю, ему перерезали глотку.

- Никто его пальцем не тронул. Он прожил долгую жизнь среди богатства и роскоши, в окружении жен и наложниц.

- Но из деревни ему уехать не разрешили? Так? - спросил Римо.

Чиун только пожал плечами.

- Кто захочет по своей воле покинуть Синанджу?

С улицы донесся автомобильный гудок, и Римо, раздвинув шторы, посмотрел вниз.

- Это Смитти. Узнаю его развалюху.

- Он приехал за мной, - сказал Чиун.

- Куда это вы собрались?

- Я уже говорил. Еду в Синанджу.

- Буду ждать твоего возвращения здесь.

Чиун печально улыбнулся.

- Хорошо, если твои слова окажутся правдой. Но если ты все же покинешь эту комнату, дай мне знать, чтобы я мог тебя найти.

- А зачем мне уходить отсюда? В Денвере можно свихнуться с таким же успехом, как и во всех других местах.

- Ты не останешься здесь, - сказал Чиун. - Только не забывай о судьбе Лу. Старик подобрал кимоно и заскользил к двери.

- Ты обещаешь мне? Не забудешь мой рассказ, Римо?

- Не знаю, какое он имеет ко мне отношение, - отнекивался Римо. - Я не потомок Лу. Я родом из Нью-Джерси.

- Ты следующий Мастер Синанджу. Непрерывная тысячелетняя цепь времени связывает тебя с Лу Опозоренным.

- Ты только зря тратишь время, отправляясь в это путешествие, - сказал Римо.

- Помни о Лу. И не делай глупостей в мое отсутствие, - наставительно произнес Чиун.

#Глава тринадцатая#

Если Бен Сар Дин что-то и понял за время своего пребывания на посту главы религиозной общины, то, главным образом, одно: не надо доверять человеку, исповедующему какую-нибудь из множества индийских религий.

Именно поэтому он испытывал определенные сомнения по поводу О.Х. Бейнса, хотя и не мог бы сказать, чем они вызваны. Ведь если бы он, нарушив многовековую традицию своей семьи, решил сказать раз в жизни правду, то ему пришлось бы признать, что у Кали не было более пылкого почитателя, чем этот функционер из авиабизнеса.

Теперь у Бейнса вошло в привычку ночью спать в ашраме, на полу, свернувшись клубочком у подножья статуи, чтобы, по его словам, эти ненормальные не нанесли ущерба Нашей Богине. Днем он тоже целыми днями торчал в ашраме, а когда Бен Сар Дин спросил, не требуют ли дела его присутствия в офисе авиакомпании, Бейнс только улыбнулся и ответил:

- Там все идет хорошо и без меня. Ведь мы, - безопасная авиалиния. Никаких смертных случаев. Нам уже даже реклама не нужна. Люди выстраиваются в очередь, чтобы купить билеты на рейсы Джаст Фолкс.

Но не хотел ли Бейнс чего-нибудь еще? - задавал себе вопрос Бен Сар Дин. Американец заключил с ним сделку, и теперь полеты на Джаст Фолкс не заканчивались смертями. Однако Бейнс мог получить и больше. Иметь, например, процент с дохода. Или при помощи заказных убийств сводить счеты с врагами.

Но Бейнс, казалось, ничего этого не хотел. По его словам, он жаждал только одного - служить Кали. Все эти годы я служил Маммоне, крупному бизнесмену, - говорил Бейнс, кладя свою большую руку на кругленькое мягкое плечико индуса, - пора послужить тому, во что веришь. Чему-то более великому, чем ты сам.

Бейнс уверенно произносил эти слова, а в это утро его речь звучала еще более убедительно. Он вбежал в кабинет, который Бен Сар Дин отгородил себе в гараже через дорогу, помахивая веером из авиационных билетов.

- Она все предусмотрела. Она все предусмотрела! - кричал Бейнс.

- Что предусмотрела? - спросил Бен Сар Дин. - И кто такая Она?

- Наша благословенная Кали, - проговорил Бейнс. - Слезы радости струились по его щекам. - Я провел всю ночь у ее ног. Больше никого в ашраме не было. А проснувшись, увидел в Ее руках вот эту пачку. - Он помахал билетами. - Чудо, - прибавил он. - Она явила нам чудо.

Бен Сар Дин внимательно изучил билеты. Все они были на рейсы компании Эйр Юроп, их количества хватало бы, чтобы заполнить целый самолет. Телефонный звонок в авиакомпанию подтвердил, что за билеты заплачено наличными, но никто не смог вспомнить, кто их приобрел. Бен Сар Дин нервничал. Бог - это одно, а вот чудеса - это совсем другое.

- Разве это не великолепно? - сказал Бейнс.

- Это, конечно, экономит нам деньги, - признал Бен Сар Дин. - Сегодня же их раздадим. И еще - много румалов.

- Отдаем румалы - получаем назад большие бабки, - сказал Бейнс. - И все, благодаря Кали. О, Кали, будь благословенна!

И покинув кабинет Бен Сар Дина, Бейнс вернулся к себе в офис, позади ашрама, где прежде жил Бен Сар Дин.

Когда через некоторое время Бен Сар Дин зашел к Бейнсу, тот, заткнув одно ухо пальцем, орал в телефонную трубку.

- Конечно, Херб, дружище, - истошно вопил он. Ему приходилось так орать, потому что крики и песнопения, доносившиеся из ашрама, можно было записывать на сейсмограф. - Нет, - кричал Бейнс. - Сам я поехать не могу. Сейчас я очень занят своими религиозными делами. Но, думаю, что Эвелин и детям неплохо бы проветриться, тем более, что они так привязаны к тебе и Эмми.

- Убивай ради Кали! - неслось из соседнего помещения. - Убивай, убивай, убивай!

Бейнс повесил трубку и, встретив недоуменный взгляд Бен Сар Дина, объяснил.

- Говорил с соседом, Хербом Палмером. Я отправляю жену с детьми, а также его с супругой развлечься в Париж. Кали ведь не нужно, чтобы мы только работали...к тому же билеты сами нам в руки свалились... и почему нам не воспользоваться?

- Действительно, почему бы и нет? - сказал Бен Сар Дин. Такие вещи он понимал. Мелкая кража. Бейнс присвоил лично для себя пять авиабилетов. Ясное дело.

Теперь, по крайней мере, он знал, что ничто человеческое Бейнсу не чуждо.

- Может, не следовало так поступать? - взволнованно спросил Бейнс. - Может, вы сочтете мой поступок плохим?

- Нет, что вы! - в тон ему ответил Бен Сар Дин. - Ничего плохого в этом нет. Отдых пойдет на пользу вашей семье.

В кабинет, оттеснив Бен Сар Дина, вошли дети Бейнса, а за ними прошествовала и сама миссис Бейнс.

- Убивай ради Кали, - серьезно произнес Джошуа Бейнс и, вытащив из кармана бутылку с чернилами, вылил ее содержимое на стол папочки.

- Ну не шутник ли он? - восхитилась миссис Бейнс.

- Убивай, убивай, убивай! - Джошуа сложил самолетик из деловых бумаг отца.

- Он говорит совсем, как взрослый, - сказала миссис Бейнс с повлажневшими глазами. Дочка Бейнсов смачно выругалась.

- С тех пор, как они здесь, у них полностью отсутствуют запреты, - проговорила миссис Бейнс, расточая своим деткам воздушные поцелуи. - Все эти разговоры об убийствах отбивают у них охоту шляться по улицам. И я полностью убеждена, что у Джошуа нет никакой тяги к алкоголю или к девицам.

- Убивай! - нараспев произнес Джошуа.

- Разве это не мило? - умилилась миссис Бейнс.

- Прямо сердце согревает, - согласился Бейнс.

- А ты вижу, ничего не заметил, - укоризненно проговорила женщина.

- Чего не заметил?

- Сари. - Она покрутилась, демонстрируя обнову. - Видишь ли, я решила приспособиться к нашему новому стилю. Мне не нужны теперь собственный модельер, благотворительные балы и постоянная горничная. Меня вполне устраивает жизнь в мотеле. Я последовала за своим мужем, чтобы вкусить духовных плодов простой, естественной жизни. Ты гордишься мной, дорогой?

Песнопения в соседней комнате раздавались все громче, и Бен Сар Дин был вынужден пойти к ученикам и немного усмирить их, пока соседи не вызвали полицию. Но просьбу его не уважили, кто-то даже запустил в его сторону горшок для благовоний. Когда Бен Сар Дин вернулся в кабинет, Бейнс как раз говорил жене: Херб Палмер и Эмми тоже поедут с вами. Я подумал, что для вас это будет хорошей разрядкой.

- Я хочу остаться здесь и убивать для Кали, - заявил упрямо Джошуа.

- И я, - поддержала его сестра.

- Они все время спорят, - сказала миссис Бейнс с улыбкой.

- Не тревожься, - успокоил жену Бейнс. - Я уговорю их. - Он проводил жену до дверей кабинета и после ее ухода поднял глаза на Бен Сар Дина, который пожаловался ему:

- Они меня больше не слушают. Кто-нибудь из соседей может вызвать полицию.

- Возможно, они прислушаются ко мне, - предположил Бейнс. - Ведь я - один из них.

- С какой стати им слушать вас, - сказал Бен Сар Дин. - Ведь вы даже не Святой.

- Тогда сделайте меня Святым.

Индус покачал головой.

- Вы попали к нам случайно, заставили мой кабинет компьютерами, приглашаете разных ненужных людей на наши моления. Не думаю, что вы готовы к миссии Святого.

- А, может, спросить у самих молящихся? - и Бейнс сделал шаг к двери.

- Добро пожаловать в ранг Святых, о, Главный фанзигар, - поторопился сказать Бен Сар Дин и с угрюмым видом поплелся к себе. Закрывая за собой дверь, он увидел, как Бейнс обнял за плечи детей и притянул их к себе.

О.Х. Бейнс стоял на возвышении рядом со статуей Кали, глядя на собравшихся в ашраме. В помещении яблоку упасть было негде. Каждый день приносил Богине новых почитателей, и Бейнс, видя это, ощущал прилив гордости.

- Братья и сестры по вере в Кали, - нараспев произнес он. - Я ваш новый Главный фанзигар.

- Убивай для Кали, - пробормотал кто-то.

- Истинно так, - сказал Бейнс. - И Она посылает нам для этого вот эти билеты. Бейнс помахал ими над головой.

- Все билеты на самолет Эйр Юроп, следующий до Парижа, - сказал он. - Самолет целиком ваш. Кали подумала обо всем.

- Она всегда все предусматривает, - поддакнула Холли Роден.

- Ей это нравится, - прибавил кто-то другой.

- Вот как мы поступим, - начал Бейнс. - Два самолета этой авиакомпании следуют до Парижа с разрывом в один час. У нас билеты на первый самолет. Вы заполняете самолет и летите до места назначения. Там дожидаетесь прилета второго самолета, подбираете себе жертву и работаете для Кали. У меня нет желания, чтобы кто-то с этого самолета вернулся в Соединенные Штаты. Ни один. И Она хотела этого, когда послала нам столько билетов.

- Она мудра, - пробурчал кто-то из передних рядов.

И наш Главный фанзигар тоже, - прибавил другой, и все стали скандировать: Да здравствует наш Главный фанзигар! - пока Бейнс, залившийся краской, не остановил их движением руки.

- На нас падает только слабый отблеск ее великой славы, - произнес он и, услышав, как по залу волнами прокатились призывы, уважительно склонил голову.

- Убивай для Кали!

- Убивай для Кали!

- Убивай для Кали!

- Скажем это все вместе, братья и сестры! - предложил Бейнс.

- Убивай для Кали!

Когда возбуждение в зале достигло критической точки, Бейнс швырнул билеты в толпу, вызвав восторженные вопли учеников.

Среди молящихся Бейнс разглядел своего сына. Он стоял, сложив руки; между его большим и указательным пальцами торчал билет. Бейнс подмигнул, и мальчик ответил ему понимающей улыбкой.

#Глава четырнадцатая#

Ученики разошлись, и двери ашрама были заперты. На улице раздавались гудки автомобилей, и чье-то пение. Было десять часов утра и наклюкавшиеся с утра пьяницы уже перекрикивались друг с другом.

- Эй, Сардина! - заорал О.Х. Бейнс. - И ну-ка пошевели своей задницей и топай отсюда!

Бен Сар Дин, покинув временный дом в гараже, направился в свой бывший кабинет.

- Что там за шум на улице? - грозно потребовал ответа Бейнс.

- Суббота. Люди в этом городе веселятся по очень странным поводам. Сегодня они, видимо, празднуют субботу.

- О чем они только думают? Как человеку работать в таких условиях? - проворчал раздраженно Бейнс.

Услышав, как кто-то настойчиво стучится в наружную дверь, они смолкли.

- Иди - открой, - сказал Бейнс. Спустя несколько минут Бен Сар Дин вернулся, держа в руках коричневый конверт.

- Посыльный, - сообщил он. - Это мне. Адресовано главе ашрама.

- Ну-ка, дай сюда, - приказал Бейнс и вырвал конверт из рук индуса.

- Что это вы так с утра развоевались, мистер Бейнс? - спросил Бен Сар Дин.

- Да вот, думаю о тебе, - ответил Бейнс. - Размышляю, насколько глубоко исповедуешь ты культ Кали. Или находишься здесь только из-за барышей?

- Вот уж нет, - холодно отозвался Бен Сар Дин. - Хочу, чтобы вы знали: вы еще под стол пешком ходили, а я уже поклонялся Кали.

- Посмотрим, - сказал Бейнс. - Посмотрим.

Когда Бен Сар Дин покинул кабинет, Бейнс распечатал конверт. Там лежало напечатанное на машинке краткое послание:

Ждите меня в кафе Орлеан в три часа. Вы узнаете меня. Встреча очень выгодна для вас.

Послание не было подписано, и Бейнс со словами - бред какой-то - отбросил бумагу в сторону. Все утро он работал, но мысли его то и дело обращались к письму. Слово какая-то сила не давала о нем забыть - неясная, но властная сила. Прошло уже несколько часов, когда он, не в силах сопротивляться навязчивой идее, вытащил письмо из корзины и стал его изучать.

Бумага, на которой оно было написано, относилась к лучшим сортам - плотная, с золотым теснением. Но Бейнс понимал, что не это привлекло его внимание, а что-то другое.

В порядке эксперимента он поднес письмо к носу. Тошнотворно-сладкий аромат,

слабый, но властно притягивающий заставил его на минуту забыть обо всем. Бейнс смял письмо, побежал с ним в опустевшее святилище и там прижался щекой к статуе Кали. Тот же запах. Бейнс взглянул на часы. Было два часа пятьдесят одна минута.

Улицы Нового Орлеана заполонил праздник Марди Грас, и в кафе Орлеан тоже толпилось множество людей в карнавальных масках. Вы узнаете меня, говорилось в послании. Бейнс внимательно разглядывал посетителей, большинство из которых были мужчины, наряженные женщинами.

Взгляд его упал на молодого трансвестита в костюме Дракулы, тот изучающе глядел на Бейнса.

- Вы знаете меня? - спросил Бейнс.

- Не скажу точно, - ответило это создание. - Хотите сделать татуировку на языке?

Бейнс скользнул в сторону поближе к двери, но тут в поле его зрения попал некто, одиноко сидящий у окна.

Человек был одет в костюм стального цвета, голову украшал венец с фальшивыми бриллиантами, лицо - намалеванная маска, и восемь рук впридачу.

- Конечно же, - сказал Бейнс. - Кали.

Человек, сидевший у окна, кивнул ему, и одна из рук в плотных серых перчатках сделала ему знак приблизиться. Бейнс сел напротив этой жуткой копии.

- У меня была уверенность, что придете именно вы, - заговорила маска.

В самом голосе этой странной персоны не было признака пола. Ничто не указывало на то, кто находится перед ним - мужчина или женщина.

- Почему? - спросил Бейнс. Ему пришлось податься вперед, чтобы лучше слышать.

- Настоящий глава секты душителей именно ты. Паси свою паству. Поступай, как считаешь нужным.

Бейнс откинулся на стуле и спросил:

- Чего вам надо?

- Кали, - прошептала маска.

- Простите. Статуя не продается.

Он стал подниматься со стула.

- Миллион долларов. Бейнс снова сел.

- Почему так много?

- Таково мое предложение.

- Как я могу вам доверять? Я даже не видел вашего лица. Не знаю, кто вы: мужчина или женщина?

- Все узнаете в свое время. А чтобы поверить, испытайте меня.

- Испытать? Но как?

Маска взяла ручку и написала на бумажной салфетке телефонный номер.

- Запомните его, - шепнула маска. Бейнс посмотрел на номер, а маска прибавила:

- Звоните в любое время. Всегда к вашим услугам. - Затем сожгла салфетку на пламени свечи, встала и покинула кафе.

#Глава пятнадцатая#

Номера 129 и 130.

Мистер Дирк Джонсон из Алапеды, штат Иллинойс, сжимая руку жены, ступил из реактивного лайнера в футуристическое великолепие аэропорта Шарля де Голля.

- Будем считать наше путешествие запоздалым медовым месяцем, - сказал он, гордо улыбаясь. - Твой папаша, клянусь, никогда бы не поверил, что мы с тобой вот так запросто отправимся в Париж.

- Я всегда понимала тебя лучше, чем он, - отозвалась миссис Джонсон, чмокнув мужа в щеку. - А что, за нами разве не должны прислать автобус из гостиницы?

- Простите, - вмешалась в разговор молодая ясноглазая женщина. - Если вам нужно в город, мы можем вас подвезти.

- Как чудесно, Дирк, - обрадовалась миссис Джонсон. - Просто замечательно. - Она хотела еще много чего сказать - о том, как много вокруг прекрасной молодежи, сильно отличающейся от стереотипной фигуры подростка-бунтаря, но побоялась показаться излишне экзальтированной.

- Премного вам благодарны, мисс, - сказал Джонсон. - Автобуса из отеля что-то не видно.

- Поверьте, нам это только приятно, - весело заверила их молодая женщина. - Вот наша машина.

Миссис Джонсон обратила внимание, что на шеях сидевших в автомобиле чистеньких и симпатичных молодых людей были повязаны желтые платки.

Как славно вы смотрите, - сказала она. - Вы, наверное, студенты?

- Скорее друзья по клубу, - ответила молодая женщина. Автоматические дверцы

автомобиля тем временем захлопнулись. - А эти румалы - наш отличительный знак. Эмблема.

- Как интересно! Похоже на скаутов.
- Нам было бы приятно подарить вам по платку, - сказала девушка.
- Ну, что вы... Мы не можем...
- Пожалуйста, нам так хочется. Вот, только набросим на шею... И вам тоже...

Номера 131,132 и 133.

Саманта Холл и Родерик Ван Клиф внушали шоферу, что, если он не справляется со своей работой, ему лучше поискать другую.

- Но автомобиль только что был в полном порядке, - отвечал шофер-француз с оттенком того особого французского высокомерия, когда кажется, что говорящий сам удивляется, зачем это он тратит время и разговаривает с недостойными, а тем более оправдывается.

- Однако, сейчас о нем так не скажешь, - манерно растягивая слова, произнесла Саманта. Она напряженно крутила на плечах пелерину от Оскара де ла Рента

- Какая тоска! - вздохнул Родерик.
 - Твоя вина, Родди. Если бы мы полетели Конкордом...
 - Не вижу связи. Кроме того, Конкорд так же неудобен, как балетные тапочки.
 - Можно было заказать самолет, - сказала Саманта.
 - Ради одного чертова уик-энда?
 - Моя последняя любовь делала именно так, - объявила Саманта.
 - Твоя последняя любовь была слишком толста, чтобы летать обычным самолетом.
 - Совсем она не была толста, - возмутилась Саманта. - И, кроме того...
 - Извините, но, кажется, у вас сложности с машиной, - вмешался молодой человек с желтым платком в кармане пиджака. - Могу подвезти вас.
 - Родди, сделан так, чтобы этого человека арестовали, - потребовала Саманта.
 - За что? Он хочет нас подвезти.
 - В шевроле, - презрительно прошипела Саманта. - И одет в полиэстр. Неужели, ты хочешь, чтобы я сидела в одном автомобиле с человеком в полиэстровом пиджаке.
 - Говоря откровенно, мне безразлично, что на нем, пусть хоть фиговый лист. Ты только взгляни, какая очередь на такси.
 - Мой автомобиль вполне комфортабельный, - произнес настойчивый молодой человек с обнадеживающей улыбкой.
- Саманта испустила глубокий вздох.
- Ладно. Уик-энд все равно уже погиб. Пусть меня ждет полное фиаско, шевроле - так шевроле.
- Она с капризным видом шагнула к голубому седану. С переднего сидения ей улыбался другой молодой человек. В руках он держал желтый платок.
- Вас мы тоже можем подвезти, - предложил молодой человек шоферу.
 - Я не сяду рядом с обслугой, - визгливо запротестовала Саманта.
 - Все будет хорошо, миролюбиво произнес юноша. - Он сядет впереди с нами. И мы примчим вас мигом.

Номер 134.

Майлз Петерсон сидел в баре аэропорта, потягивая мартини; рядом на полу, у его ног, стоял изрядно потертый кожаный портфель. Петерсон уже двадцать пять лет летал на международных авиалиниях и за это время пришел к выводу, что пара рюмок чего-нибудь покрепче сразу же после полета помогает легче переносить дорогу. Пусть другие суетятся, волоча по коридорам аэровокзала пакеты, сумки и малолетних детей, а потом торчат до изнеможения в багажном отделении и выстаивают очередь на такси. Майлз Петерсон же предпочитал в это время спокойно потягивать мартини. Париж уже начинал казаться ему уютным и приветливым местечком.

- Не возражаете, если я присяду рядом с вами? - спросила Майлза хорошенькая девушка, когда он приканчивал второй мартини. На вид ей было меньше двадцати, волосы, как у Брук Шилдс, и кругленькие грудки. Никогда еще Париж не казался Майлзу таким прекрасным.

- Он покачал головой - конечно, не возражает - а девушка робко спросила: Вы турист?

Майлз уставился на нее бессмысленным взглядом, с трудом возвращаясь в реальность.

- Нет. Я здесь по делу. Торгую ювелирными изделиями. Езжу сюда шесть-восемь раз в год.

- Боже, - произнесла девушка, глядя на кожаный портфель. - Если у вас там образцы, лучше быть поосторожнее.

- Их там нет, - ответил, улыбаясь, Майлз. - Образцы - на мне. Но здесь тоже есть свои недостатки. Проходить таможенный контроль - сплошная мука.

Девушка звонко рассмеялась, словно он необычайно удачно сострил.

- Как приятно встретить здесь американца, - продолжала она. - Иногда меня охватывает... не знаю, как сказать... прямо голод по таким мужчинам, как вы.

- Голод? Майлз Петерсон почувствовал, как оливки из мартини переворачиваются у него в желудке.

Девушка утвердительно хмыкнула, облизывая губы.

- Где вы остановились? - быстро спросил он. Девушка склонилась к нему и зашептала:

- Недалеко отсюда. Можно пойти пешком. Через поле с густой травой. Грудь ее взволнованно вздымалась.

- Какое совпадение, - сказал Майлз. - А я как раз мечтал о хорошей прогулке. Люблю быструю ходьбу. - Он выдавил из себя смешок. Поднимаясь, девушка задела его грудь. С ее пояса свисал желтый платок.

- Показывайте дорогу, - сказал Майлз.

- Покажу, - заверила его девушка. - Конечно, покажу. Когда они вышли за пределы аэропорта, она выдернула из-за пояса платок растягивая в руках...

Миссис Эвелин Бейнс была на этот раз не в сари. Все-таки Париж. Она красовалась в розовато-лиловом дорожном костюме от Карла Латерфилда - последняя модель; волосы уложены у Синандр в Нью-Йорке. На ней были самые неудобные туфли от Чарлза Джордана, которые только можно купить за большие деньги, и она чувствовала себя превосходно - впервые за много недель.

- А ну-ка, поторавливайтесь, - подталкивала она детей к дородной чете, ожидающей багаж. - Джошуа, возьми Кимберли за руку. И улыбнись. Мы первый раз за долгое время выбрались из этой ямы.

- Ашрам - не яма, - убежденно сказал Джошуа.

- А мне не нравится миссис Палмер, - заартачилась Кимберли. - Всегда лезет ко мне с поцелуями. Можно мне ее убить, Джошуа?

- Без сомнения, малышка, - успокоил сестру мальчик. - Только подожди моего сигнала. Эвелин Бейнс расцвела в улыбке.

- Ты показываешь хорошее знание психологии, - похвалила она сына. - Со временем станешь настоящим лидером.

- Со временем я стану Главным фанзигаром, возразил мальчик.

- Хватит, не хочу больше слышать о том ужасном месте. Мы проведем целую неделю в Париже - достаточно, чтобы снова стать цивилизованными людьми. - Обнимая миссис Палмер, она радостно заверещала: - Эмми, милочка лишний вес тебя только красит.

- А ты превратилась просто в щепку, дорогая, проворковала в ответ миссис Палмер. - Надеюсь, ты не больна? Нет? Вот и чудесно. Слышала, вы жили в какой-то религиозной общине, это правда?

- Эмми, ну хватит... - вмешался Херб Палмер.

- Все соседи об этом говорят, дорогой. Мэдисоны даже переехали в другой район.

- Эмми...

- Это правда, - ответила миссис Бейнс, густо покраснев. - Ашрам - у нас еще в диковинку. Европейцы, те, что занимают высокое положение, багровеют от ярости, услышав про него.

- Мамочка, а ты называй его ямой, - влезла Кимберли Бейнс.

- Где же автомобиль? - выкрикнула в сердцах миссис Бейнс.

- За углом.

Приложив пальцы к фуражке, чернокожий шофер, улыбаясь, ждал, пока они усядутся. Джошуа помог забраться в машину миссис Палмер, матери и сестре. Затем хотел было тоже сесть, но передумал.

- Мне нужно в туалет.

- О, Джошуа. Потерпи немного. До города рукой подать.

- Я же сказал, что мне надо. И непременно сейчас. Миссис Бейнс вздохнула.

- Хорошо, я пойду с тобой.

- Нет, я хочу, чтобы он пошел. - И мальчик указал на шофера.

- Нет проблем, - сказал Херб Палмер. - Я вырл за угол и буду вас дожидаться там.

Палмер уже дважды объехал квартал, когда мальчик наконец появился на

назначенном месте. Он был один.

- Шофер уволился, - объявил он.

- Что?

- Он встретил на аэровокзале женщину. Они сказали, чтобы я проваливал, и ушли вместе. И еще прибавили, что никогда не вернуться.

- Никогда бы не подумала... - растерянно произнесла миссис Палмер.

- Поглядим, как все это объяснит фирма, - процедил Палмер сквозь зубы.

- Ах ты, смелый маленький мальчик, - сказала миссис Бейнс, прижимая Джошуа к груди.

Они отъехали прежде, чем в мужском туалете обнаружили тело чернокожего мужчины, и началась паника. Номер 135.

Номера 136, 137 и 138.

- Мы хотим ехать в Булонский лес, мама, - сказал Джошуа.

- Не говори глупости, дорогой. Мы едем прямо в отель.

- Но там вас ждет сюрприз, - захныкала Кимберли.

- Да. Сюрприз. Мы с Кимми сочинили стихотворение и хотим прочитать его именно там. Всем троим. Нам это очень нужно.

- А почему бы и нет? - сказал Херб Палмер. - Мы отдыхаем. Забудем про всякие расписания.

- Какие милые у тебя детки, Эвелин, - проворковала миссис Палмер.

Они остановились у северной болотистой части лебединого озера.

- Может, лучше проехать дальше, ребяташки? - предложила миссис Бейнс. - Поближе к птичкам, туда, где гуляют люди?

- Нет. Пусть это произойдет здесь, - заупрямился Джошуа.

- Хорошо. Не спорим. Ну, читайте же ваше стихотворение.

- Выйдем из машины, - сказал Херб Палмер. - Поэзия нуждается в солнце, воздухе, воде и чистом небе.

Взрослые выбрались из машины, уселись на берегу, сбегавшему к воде, и стали разглядывать плавающих вдали лебедей.

- Ну, а как стихотворение? - напомнил Херб Палмер. - Давайте его послушаем.

Джошуа улыбнулся. Кимберли тоже улыбнулась. Из своих карманов они извлекли желтые платки.

- Они мне что-то напоминают, - сказала миссис Бейнс. - Вы что, взяли их в том месте?

- Да, мама, - ответила Кимберли. - И вы, все трое, должны их надеть.

- Нет, - смеясь, сказал мистер Палмер. - Сначала - стихотворение.

- На счастье, - настаивал Джошуа. Ну, пожалуйста, - умоляла Кимберли. - У Джошуа есть еще один, для тебя, мамочка.

Дети набросили платки на шеи взрослых.

- Можно это считать сигналом? - шепнула Кимберли брату.

- Можно.

Девочка подскочила со спины к мистеру Палмеру, и, крича Убивай для Кали! Убивай для Кали! - они затянули платки на шеях Палмеров.

- Убивай для Кали. Она возлюбила смерть. Убивай, убивай, убивай!

Миссис Бейнс любовалась лебедами. Не поворачивая головы, она произнесла:

- Странное стихотворение. Никакой рифмы. Это что, верлибр? Или белый стих?

- Убивай, убивай, убивай!

У Палмеров глаза вылезли из орбит. Язык миссис Палмер, синий и распухший, вывалился наружу. Херб Палмер силился освободиться, но металлическая пряжка на румале держала его крепко.

- Не думаю, дети, чтобы Палмеры пришли в восторг от вашего стихотворения, - ледяным тоном проговорила миссис Бейнс, все еще не поворачиваясь.

- Убивай, убивай, убивай!

Дети ослабили румалы только тогда, когда окончательно замерли руки Херба Палмера.

Обернувшись, миссис Бейнс увидела на траве распростертые тела своих друзей.

- Очень смешно, - произнесла она все так же холодно. - Вы, все четверо, видимо, стоворились и затеяли этот фарс, чтобы нагнать на меня страх. Так вот, вы просчитались, меня не так легко запугать. Не забывайте, что я вам обоим пленки меняла. Кимберли во всяком случае меняла. Один раз. Кажется, в декабре. Няня была больна. Херб? Эмми?

Но Палмеры продолжали лежать и выглядели ужасно. Лица распухшие, глаза навывкате и устремлены прямо в небо. Язык миссис Палмер вздулся и уже начал темнеть.

- Эмми, - Эвелин Бейнс трясла свою старую подругу. - Должна сказать тебе, что ты выглядишь не лучшим образом. Полным женщинам не идет высовывать язык, от этого лицо приобретает глупое выражение. - Она взглянула на детей. - Почему они не шевелятся? Они, что?.. Полагаю... они ... мертвы?

- Ты так думаешь, мамочка? - Джошуа Бейнс прошмыгнул мимо и стал сзади нее.

- Невозможно... вы просто разыгрываете меня? Вы же не хотели...

- Она возлюбила смерть, - тихо проговорил Джошуа Бейнс, затягивая желтый румал на шею матери. - Кали возлюбила смерть.

- Джош... Джо... Дж...

Умирая, Эвелин Бейнс молила только об одном - чтобы дети проявили такт и после ее смерти засунули язык обратно ей в рот.

Но дети этого не сделали.

#Глава шестнадцатая#

В цоколе санатория Фолкрофт Харолд В. Смит шел мимо безукоризненно чистых труб, вслушиваясь в свои, гулко разносившиеся по подвалу шаги.

Миновав доживающее здесь свой век неиспользованное и устаревшее больничное оборудование и запечатанные коробки с архивом более чем десятилетней давности, он остановился у маленькой двери с замочной скважиной такого микроскопического размера, что в нее невозможно было заглянуть, к тому же от земли ее отделяли шесть футов.

Смит вставил в замок ключ, не имеющий дубликатов, и вошел в крошечную квадратную комнатку, сплошь обитую деревом. Под деревом слоями лежал легко воспламеняющийся пластик. В случае пожара комната должна бала сгореть в считанные минуты.

Кабинет Смита находился непосредственно над комнатой. В отличие от нее стены кабинета были выложены огнеупорным асбестовым покрытием, однако пол был деревянный и в случае чего мог быстро, сгореть.

Смит осмотрел свой гроб. Собственно, в прямом смысле слова это сооружение гробом не являлось, напоминая, скорее, соломенный матрас, лежащий на мгновенно воспламеняющихся подпорках. Что-то в духе погребального костра викингов. Впрочем, у Смита не доставало воображения называть это иначе, чем гроб. В конце концов, именно ему суждено лежать мертвым. Так почему бы не гроб?

Внутри матраса лежал запечатанный флакон с цианистым калием. Смит поднес его к свету, чтобы убедиться, что ни одна капля не просочилась наружу.

Надеяться только на капсулу с ядом, которую он постоянно носил с собой, было опасно. Он мог потерять ее или отравить кого-то другого. А вот цианистый калий из гроба никуда не мог деться.

Если о существовании КЮРЕ узнают, огонь в кабинете Смита сначала уничтожит компьютеры, четыре огромных машины, которые Смит постоянно усовершенствовал более двадцати лет; эти компьютеры хранили тайны почти всех известных людей.

А Смит тем временем спустится в подвал и откроет флакон с цианистым калием. Если он принадлежит к той половине человечества, которая способна уловить запах смертельной дозы этого яда, то почувствует аромат миндаля. Его ждет мучительная, но быстрая смерть. Агония, судорожные конвульсии, и - конец. А уже через несколько секунд огонь уничтожив пол кабинета, ворвется в комнату.

Все было в полном порядке, и Смит почувствовал некоторое удовлетворение. Он крепко сжал пальцы, как бы ища сам у себя поддержки. Заметив этот произвольный жест, Смит разжал сплетенные кисти рук, но белые полосы от пальцев еще некоторое время оставались на коже. Зацепив кожу на руке пальцами, он оттянул ее и, отпустив, наблюдал, как ей потребовалось несколько секунд, чтобы лечь на прежнее место.

Он видел, что руки стали старыми - сухими и жесткими. Эластичность кожи исчезла где-то между годами его юности, когда несправедливое устройство мира наполнило его яростью и толкнуло на правую борьбу, и настоящим временем, когда вид нетронутого флакона с ядом, предназначенного для него же самого, успокаивал Смита.

Как мельчаем мы с годами, подумал он, поднимаясь по лестнице. И как мало вещей даруют нам подлинную радость.

Не успел он войти в кабинет, как зазвонил красный телефон.

- Слушаю, господин Президент.

- Мне только что доложили, что уничтожены все пассажиры самолета Эйр Юроп.

Всех нашли в Париже в окрестностях задушенными.

- Я уже знаю, сэр, - сказал Смит.

- Сначала эта катастрофа с Интернэшнл Мид-Америка, разразившаяся неделю или

около того назад. И вот теперь – новая. Убийцы расширяют сферу влияния.

– Похоже на то.

– Ничего хорошего в этом нет, – укоризненно произнес Президент. – Пресса клеймит нас позором.

– Обычное дело, господин Президент. Черт побери, но надо же мне отвечать. Что удалось сделать вашему человеку?

– Он продолжает работать, сэр.

– Это вы мне уже говорили, – раздраженно проговорил Президент.

– С тех пор ничего не изменилось, – невозмутимо ответил Смит.

– Хорошо, – с еле сдерживаемым раздражением произнес голос на другом конце провода. – Не собираюсь вас учить, но хочу, чтобы вы поняли всю глубину пропасти, куда мы падаем. Если мы не сумеем защитить наши воздушные дороги, значит, нам с вами нечего делать в наших креслах.

– Понял вас, сэр, – сказал Смит.

На другом конце раздался щелчок, и Смит медленно опустил трубку. Все катилось под откос. Президент недвусмысленно намекнул, что существование КЮРЕ становится проблематичным.

Смит вновь оттянул кожу на руке. Наверное, он уже стар. Возможно, более молодой человек что-нибудь придумал бы, да и сам Смит всего несколько лет назад не дал бы ситуации выйти из-под контроля.

А сейчас он даже не знал, работает ли Римо. Да и Чиун находился где-то в Тихом океане в поисках талисмана, который якобы мог спасти Америку – не дать ей скатиться снова в каменный век.

Смит покачал головой. Как все нелепо! Вынув ручку из пластикового стаканчика на столе, он стал писать письмо жене.

Дорогая Ирма, – начал Смит, но тут же надолго споткнулся. Писать личные письма всегда было для него тяжелым трудом. Но сделать попытку он обязан: нельзя же умереть и превратиться в горстку пепла, не оставив после себя ничего.

Смит включил радио. Может, музыка создаст нужное настроение.

Прозвучал конец Мальчика, играющего буги-вуги, но подходящий настрою все не возникал. Смит хотел было поискать другую станцию, но тут диктор стал сообщать биржевые новости.

На Нью-Йоркской фондовой бирже, зазвучал в эфире приятный голос, – сегодня активно шла торговля. Особенно драматическая ситуация сложилась с акциями авиационных компаний. Следствием трагедии в Париже, повлекшей гибель людей, явилось падение курса акций Юроп Эйрлайнз на семнадцать пунктов только за первый час; в настоящее время стоимость одной акции – десять долларов. Акции Интернэшнл Мид-Америка, у которой те же проблемы возникли еще на прошлой неделе, упали еще на два пункта, и теперь стоимость одной акции – тридцать семь с половиной центов. На Уолл-Стрите ходят упорные слухи, что компания на следующей неделе объявит о своем банкротстве. Выше всех взлетели акции Джаст Фолкс. При открытии биржи они шли по шестьдесят семь долларов за акцию, то есть на два пункта выше, чем вчера, и на сорок один выше, чем до открытия рекламной компании, где авиалиния Джаст Фолкс провозгласила себя дружелюбной и безопасной. В сталелитейной промышленности акции...

Смит выключил приемник. Дыхание его участилось. Нервным жестом он скомкал неоконченное письмо к жене и бросил его в корзину. Затем, включив компьютер, принялся за работу.

Всю жизнь он занимался тем, что скрывал чужие тайны, и за это время твердо усвоил: за большинством секретов скрывается денежный интерес. Если вы сталкиваетесь с чем-то непонятным, долго занимаетесь этой проблемой и копаете достаточно глубоко, рано или поздно обязательно нападете на след, ведущий к большим деньгам.

Вначале, когда убийства происходили только на Джаст Фолкс, Смит склонялся к мысли, что преступления – дело рук сектантов и маньяков, привлеченных низкими ценами на билеты и способных удовлетвориться несколькими долларами в карманах своих экономных жертв.

И вот неожиданно ситуация на Джаст Фолкс полностью меняется, а черный список начинают возглавлять такие престижные авиалинии как Интернэшнл Мид-Америка и Эйр Юроп. Есть, правда, одно отличие. Убийства на Джаст Фолкс происходили нечасто, гибли одиночки или семейные пары, а на двух других авиалиниях ситуация накалилась мгновенно, и массовость убийств сразу же ударила по репутации компаний.

Как-то в этом были замешаны деньги. Смит знал это. Компьютер представил ему

полную картину продажи авиационных билетов за предыдущий месяц. Смит потребовал еще дополнительную информацию: не снимал ли кто из служащих авиакомпания ИМА или Эйр Юроп со счета крупную сумму денег. Подумав, он включил в список и Джаст Фолкс.

Дав задание компьютеру, он откинулся в кресле, предоставив машине возможность показать, чего она стоит.

Этот компьютер, который Смит назвал Фолкрофт-4, был звездой первой величины среди своих собратьев. Смит собственноручно спроектировал всех их, и хотя внешний вид этих умников оставлял желать лучшего – они выглядели старомодными, просто грудой металлолома, – но внутри каждый являлся шедевром. Смит, как мог, приспособил их к потребностям работы.

В течение многих лет в четыре компьютера стягивалась информация, которую кропотливо собирала целая команда людей. За свою работу они получали деньги от Смита. Естественно, что ничего не слышали ни о Смите, ни о КЮРЕ и не знали, кто им посылает деньги. Они могли предполагать, что тут не обошлось без ЦРУ или ФБР, но особенно не вникали, тем более, что чеки поступали достаточно регулярно. Поступающая информация обрабатывалась в компьютерах, на нее делались ссылки – простые и перекрестные, она включалась в каталоги, – и все для того, чтобы компьютеры могли в считанные минуты ответить на любой вопрос, относящийся ко всем видам деятельности внутри Соединенных Штатов.

Компьютер начал выдавать информацию, из которой Смит выделил для себя один, бросившийся ему в глаза, кусок:

О.Х. Бейнс. Президент авиалинии Джаст Фолкс. Снял с личного счета 14 июля пять тысяч долларов. 15 июля неизвестным лицом куплен двадцать один билет на самолет авиакомпании ИМА за 4.927 долларов. 23 июля О.Х. Бейнс продал на 61.000 долларов акций. 24 июля сто двадцать один билет на сумму 60.000 долларов продан на самолет авиалинии Эйр Юроп, следующий до Парижа. Вероятность связи – 93,67%.

Смиту захотелось закричать от радости. Но он только нажал кнопку на столе и произнес в своей обычной суховатой манере:

– Миссис Микулка, не соединяйте меня пока ни с кем.

Затем позвонил в Джаст Фолкс. Записанный на пленку приветливый голос посоветовал ему немного подождать, если у него действительно есть дело. Смит выслушал три довольно длинных музыкальных записи – они казались еще длиннее, просто бесконечными, из-за того, что исполнителем был Барри Манилов – а потом сквозь треск до него донесся женский голос.

– Джаст Фолкс, дружелюбная и безопасная авиалиния, – произнесла женщина.

– Мне хотелось бы поговорить с мистером О.Х. Бейнсом.

– Сожалею, но мистера Бейнса здесь нет.

– Это его офис?

– Нет, это стол предварительных заказов.

– И почему вы так уверены, что его нет?

– А вы считаете, что такой миллионер, как мистер О.Х. Бейнс, будет торчать в аэропорту, зарабатывая варикозное расширение вен, и продавать билеты?

– Соедините меня, пожалуйста, с его офисом, – попросил Смит.

– Офис мистера Бейнса, – ответил другой женский голос со стальными нотками вымуштрованного секретаря.

– Попросите, пожалуйста, мистера Бейнса. Звонят из Комиссии по безопасности полетов.

– Сожалею, но мистера Бейнса нет.

– Где я могу его разыскать? Дело очень срочно.

– Боюсь, ничем не смогу вам помочь, – суровый голос смягчился, в нем зазвучали нотки растерянности, – он отсутствует по личным причинам.

– Как? И это во время кризиса в пассажирском авиатранспорте? – удивился Смит.

– На нашей авиалинии все благополучно, – невозмутимо отвечала секретарша.

– Он хоть звонит вам?

– Время от времени. Хотите что-нибудь передать?

– Нет, – отрубил Смит и повесил трубку. Он вдруг осознал, что остался один. Ни Римо, ни Чиуна рядом. А время, отпущенное КЮРЕ, неумолимо сокращалось. Но теперь Смит ни минуты не сомневался, что Бейнс связан с убийством в воздухе. Он твердо знал.

Необходимо разыскать Бейнса. Придется действовать одному.

#Глава семнадцатая#

Римо сидел на кровати в номере нью-орлеанского мотеля, закрыв лицо руками и опершись локтями на колени. Как он оказался в Новом Орлеане?

Этого он не знал. Добирался он сюда один – то на попутных машинах, то пешком, одна дорога сменяла другую – а направляло его нечто, чему он не знал названия.

Где же Чиун? Чиун бы понял. Он хорошо разобрался во всем, связанном с культом Кали. Когда Римо впервые услышал от Чиуна древние сказания, то отнесся к ним как к волшебным сказкам, посчитав, что старик слишком уж верит легендам, но теперь он уже не был уверен в своей правоте. Ведь привело же его что-то в эту убогую комнатку на темной улочке. Что-то влекло его сюда из Денвера, заставив преодолеть много миль.

Хуже всего то, что Римо чувствовал: инородное влияние постоянно нарастает. Что-то темное, пугающее и чужое затаилось под его кожей. Именно оно заставило его забыть стыд и улечься с белокурой девушкой прямо на улице. Даже обычный человек, пожираемый таким огнем, мог охваченный безумством, убить кого-нибудь. А Римо с его силой и отработанной техникой убийства? Скольких он мог убить? Сколько ущерба нанести?

Все это был сущий кошмар, и Римо никак не мог из него выбраться. Напротив, он понемногу сдавался. Выходя из гостиничного номера в Денвере, он говорил себе, что только немного побродит по улицам, проветрится. Не может же он сидеть долгие дни, а может, и недели в закрытой комнате, ожидая возвращения Чиуна. Так он говорил себе, и это звучало логично.

На его стороне был здравый смысл, который отсутствовал в рассказе Чиуна о неудачливом мастере Лу и глиняной богине, сидеть в четырех стенах из-за какой-то глупой легенды?! Идиотизм! Он покинул отель в Денвере, и тогда этот шаг казался ему исключительно разумным поступком. Но в глубине души все-таки засело сомнение.

В давние времена, когда Римо еще и слыхом не слыхивал про Харолда Смита и КЮРЕ, а был всего лишь рядовым полицейским, обходившим день за днем свой участок в Ньюарке, штат Нью-Джерси, он неоднократно собирался бросить курить. Каждый год повторялось одно и то же: он решительно порывал с дурной привычкой, чувствуя себя хозяином положения, властелином своих желаний. Затем, обычно неделю спустя, он позволял себе выкурить одну сигарету. Одна сигарета – пустяк! – так говорил ему рассудок. От одной сигареты он даже не получал удовольствия. Но это каждый раз было концом его добрых намерений, и хотя рассудок твердил, что одна сигарета вреда не принесет, в глубине души Римо знал правду – он опять становился курильщиком.

Поэтому, выйдя из гостиничного номера, он начертил желтым мелом на стене отеля корейские иероглифы: Ухожу. Подобные знаки он оставил еще в паре мест Денвера и далее, на протяжении всего путешествия, – робкая попытка обозначить маршрут, чтобы Чиун мог разыскать его.

Ведь в глубине он понимал, что гибнет. Чиун, разыщи меня, сжав руки в кулаки, он держал их перед собой, все его тело сотрясала дрожь.

Вождеделение нарастало в нем. Какая-то темная сила – как ее не назови – Кали или еще как – хотела, чтобы он шел к ней. Цель была совсем близко. Попав на эту темную улочку Нового Орлеана, он знал, что она рядом. Ему стоило невероятных усилий, чтобы победить стойкий внутренний порыв и ткнуться в эту жалкую гостиницу, где на кровати не было покрывал, из старенького телевизора торчали проволоки, а в ванной болталось единственное пожелтевшее от времени полотенце.

В номере, правда, был телефон. Если бы у Римо был друг, он мог хотя бы позвонить тому и послушать его голос. Только голос друга мог бы спасти его от безумия. Но у наемных убийц нет друзей. Одни жертвы. Римо встал. Он обливался потом, дыхание его было тяжелым, он задыхался.

Нужно выйти на улицу – ему не хватало воздуха. Это казалось разумным.

– Что со мной происходит? – выкрикнул в пустоту Римо.

Крик этот гулко отозвался в тишине комнаты. Она властно звала его на улицу. Она хотела, чтобы он поскорее пришел. У Нее тошнотворно-сладкий запах и смертоносное объятие

Римо с силой ударил кулаком по зеркалу. Его изображение разбилось на тысячи мелких осколков, разлетелось в разных направлениях. С глухим рыданием он сел.

– Успокойся. Соберись с духом. – Эти слова Римо выговаривал спокойно, без нервов, поглаживая руки, пока не улеглась дрожь. Потом включил старенький телевизор.

В Париже все еще находят жертв последней серии массовых убийств в воздухе – на авиалинии Эйр Юроп, – объявил диктор.

Римо, застонав, прислушался.

Тела трех видных жителей Денвера найдены утром в парке неподалеку от Нейи,

пригорода Парижа. После опознания стали известны их имена: это мистер и миссис Херберт Палмер, а также миссис О.Х. Бейнс, жена президента Джаст Фолкс. Как выяснилось, она путешествовала с двумя детьми, Джошуа и Кимберли, чье местонахождение пока не установлено.

- О, Боже, - простонал Римо.

Ведь именно ему поручили положить конец авиационным убийствам. Именно ему. Сколько прошло времени с тех пор, как он перестал думать о своей работе, об ответственности перед Родиной? Его затоснило. Теперь он знал, что делать. Ему нужно вернуться к своим обязанностям. И забыть думать о той неведомой силе, которая влечет его к себе. Он протянул руку к телефону и стал набирать секретный код, по которому можно было срочно связаться с Харолдом Смитом.

Его долго не соединяли. Рука так и силилась опустить трубку, но Римо сопротивлялся изо всех сил, зная, что это Она заставляет его так поступить. Она хочет, чтобы он принадлежал только Ей.

Подъезжая к дому, Смит вспомнил о письме, которое собирался написать жене. Оно так не было закончено, как и все остальные письма, которые он писал ей. А ведь другого случая может и не представиться.

Он не был дураком. Звонок президента - последнее предупреждение КЮРЕ. Если Смит в самое ближайшее время не положит конец смертям в воздухе, следующий приказ из Белого Дома потребует немедленного роспуска КЮРЕ. А шансы предпринять что-то серьезное, учитывая, что ни Римо, ни Чиуна нет рядом, почти равнялись нулю. Если у него ничего не получится, это станет концом КЮРЕ и самого Харолда В. Смита.

Нужно проститься с Ирмой.

Вылезая из автомобиля, Смит увидел двух соседей, сидящих в палисаднике, и вдруг осознал, что хотя живет в этом доме с Ирмой уже двадцать лет, он до сих пор не знает, как зовут соседей.

Ирма-то, конечно, всех здесь знает, она очень открытый человек, прямо душа общества. В течение четырнадцати лет ее цветы получали первые призы на ежегодном конкурсе садоводов, пока Ирма не решила, что дельфиниумы не стоят тех трудов, которые она на них затрачивает. А до того времени каждый июнь яркая синяя лента гордо развевалась на двери дома Смитов. Только эта лента свидетельствовала о победе Ирмы, сама она на эту тему не говорила. Смит вдруг подумал, что ни разу не похвалил сад жены, не сказал, как он красив.

Подходя к дому, он увидел через окно, как Ирма снимает фартук и поправляет прическу: как делала всякий раз перед его появлением. Это заставило его улыбнуться, что случалось с ним нечасто. Его пухленькая женишка, чьи волосы с годами приобрели голубовато-серебристый оттенок, всегда встречала его как возлюбленного, приходящего к ней на первое свидание. Если, конечно, бодрствовала. Обычно он являлся домой глубокой ночью, когда жена уже спала крепким сном. Но на столе его всегда ждала тарелка с едой, всякий раз нечто ужасное, густо политое томатным соусом. И никогда никаких сцен, никаких объяснений по поводу задержек. Впрочем, теперешняя работа давала Ирме возможность видеть его чаще, чем в те годы, когда Смит работал в военной разведке, а потом в ЦРУ; тогда от него месяцами не было известий. За вторую мировую войну она видела мужа всего два раза, а пять лет холодной войны - только раз и еще получила две телеграммы по десять слов в каждой.

- Ты как раз подоспел к ужину, - сказала жена, как всегда делая вид, что взволнована встречей.

- Я не голоден. Прошу тебя, сядь.

- О, дорогой... - Ирма села, наморщив вопросительно лоб. - Что, дела очень плохи? Она взяла в руки отложенное вязание.

- Ничего подобного. Воцарилось неловкое молчание.

- Сними куртку, дорогой.

- Мне скоро уходить.

- Срочная работа в офисе?

- Нет. Просто мне придется уехать из города. На неопределенное время.

Миссис Смит кивнула, заставив себя улыбнуться. Она всегда улыбалась. Даже когда Смит в начале войны, через три недели после их свадьбы, уехал в Европу, она не плакала, а улыбалась. Глядя на жену, Смит думал: интересно, как сказать такой женщине, что ты, возможно очень скоро покончишь с собой?

Жена стиснула руки.

- Поступай, как надо, дорогой, - мягко произнесла она.

Смит изучающе смотрел на нее. Ему никогда раньше не приходило в голову, что

Ирма, возможно, знает, что он находится на секретной работе и является кем-то большим, чем просто директором санатория Фолкрофт. Может, она и знала, нет. Не могла она этого знать. Он никогда не обсуждал с ней свою работу. По сути, как со стыдом признался Смит себе, он вообще с ней ничего не обсуждал. И все же она ухитрялась как-то облегчать ему жизнь. Даже сейчас, понимая, что происходит нечто очень важное, она не задерживала его.

- Ну, хорошо. - Откашлявшись, он поднялся, кивнул и отошел от стола. Не дойдя до двери, Смит обернулся. - Ирма, я хочу что-то сказать тебе.

- Да, дорогой?

- Я... э-э... ты... то есть я... - И громко выдохнул: - Твой сад удивительно красив.

Она улыбнулась.

- Спасибо, дорогой.

Дом О.Х. Бейнса стоял в пригороде Денвера, в районе, где было больше зелени, школ, парков и денег, чем в любом другом месте поблизости. Все дома стояли на огромных, тщательно подстриженных зеленых газонах, а гаражи габаритами превосходили размеры жилья большинства жителей города.

В доме Бейнсов, а также в доме покойных мистера и миссис Херберт Палмер никто не открывал. Соседями Бейнсов были некие Каннингэмы. Смит позвонил в звонок, дверь открыла ухоженная женщина средних лет в Дорогом твидовом костюме.

- Миссис Каннингэм?

Женщина отрицательно покачала головой.

- Я экономка. Чем могу вам помочь?

- Если не возражаете, я предпочел бы говорить с миссис Каннингэм. - Смит извлек из бумажника удостоверение сотрудника министерства финансов. - Дело очень срочное, - прибавил он.

- Миссис Каннингэм в спортивном зале. Я доложу о вас.

Экономка ввела его в дом, обставленный с учетом последних веяний оформительского искусства - розово-лиловая гостиная, кухня в бело-зеленых тонах, выложенная изразцами, и наконец, сверкающая солнечным оттенком желтого цвета комната для спортивных занятий, там пытала на тренажере-велосипеде маленькая женщина с почти болезненной худобой, на ней был модный тренировочный костюм и ультрамодные зеленые спортивные туфли.

- Мистер Харолд Смит их Министерства финансов, - объявила женщина.

- Хорошо. Принесите мне завтрак, Хилари. - Она повернулась к Смицу, окидывая оценивающим взглядом его немодный костюм. - Прошу меня извинить, но пока я не поем - не смогу с вами поговорить.

Хилари внесла завтрак - на тарелке старинного уорсестерского фарфора лежал тонкий ломтик тунца. Миссис Каннингэм ухватила его тонкими пальчиками и сунула в рот.

- Ну, вот, - удовлетворенно проговорила она. - Простите, не хотите ли?

- Нет, спасибо, - ответил Смит, проглотив слюну.

- Очень низкая калорийность.

- Нет, благодарю вас.

- Хилари отказывается работать у тех, кто ест мясо.

- Экономка?

- Не правда ли, не женщина, а мечта? - открыто восхищалась миссис Каннингэм. - Точеная талия, и никаких характерных расовых признаков. Конечно, она не утруждает себя работой. Это испортило бы ее одежду.

- Миссис Каннингэм, я разыскиваю О.Х. Бейнса, - сказал Смит.

Женщина закатила глаза.

- Пожалуйста не упоминайте это имя.

- Почему?

- Я сама запретила произносить его как председатель Комитета самоуправления района.

- Чтобышний раз не вспомнить печальные обстоятельства смерти его жены?

- Боже, конечно нет. Это лучшее, что Эвелин сделала за последние месяцы. Жаль только, что Палмеры были с ней. Хорошие люди.

- А что случилось с миссис Бейнс? - спросил Смит.

- Умерла в Париже.

- А до этого?

- Они впутались в одно темное дело, оно и погубило их репутацию, - ответила

дама.

- Что за дело? Мой вопрос не праздный, я задаю его как государственный служащий.

- В таком случае... - начала она и, наклонившись к нему, продолжала: - Они поселились в какой-то религиозной общине. - Миссис Каннингэм отступила назад, глаза ее пылали, руки яростно уперлись в бедра. - Вы не поверите. Это совсем не то, что закатывать банкеты для революционеров. Этим мы бросаем вызов существующему порядку. А разве религии такое под силу? Даже в Южной Калифорнии им это не удастся.

- А эта община по соседству с вами? - спросил Смит.

- Надеюсь, нет. У епископальной церкви не бывает общин. В моей церкви нет даже служб. Тут как раз и нашла коса на камень. Бейнсы хотели устроить коммуну в наших краях. Но мы совсем не хотели, чтобы какой-нибудь лохматый старик из Китая или еще откуда-нибудь устраивал на наших лужайках религиозные сексуальные оргии. И поэтому заявили Бейнсам, что мы - против.

- А вы давно видели мистера Бейнса?

- Очень давно. Он даже на похоронах не присутствовал. Впрочем, он всегда был со странностями. Представьте, не любит играть в теннис.

- А вы не знаете, где находится та община, к которой они примкнули?

- Понятия не имею. А если вы выясните, не утруждайте себя и не сообщайте мне. Я хочу думать только о прекрасном.

Смит сидел в автомобиле, размышляя, что еще можно предпринять, когда из атташе-кейса, лежащего на переднем сидении, послышалось глухое жужжание. Открыв кейс, Смит поднял трубку вмонтированного в него телефонного аппарата.

- Слушаю, - сказал он.

- Это... Римо.

- Где вы? - воскликнул Смит.

Голос Римо звучал необычно, в нем слышалась боль.

- В Нью-Орлеане... не знаю названия улицы... в мотеле...

- Римо. - В голосе Смита слышался приказ. - Не вешайте трубку.

- Она хочет меня. Я не могу долго говорить.

- Соберите всю свою волю.

- Слишком поздно... Я должен идти... должен...

Раздался грохот, похоже Римо уронил аппарат. Смит слышал, как стукались о стенку висевшая на шнуре трубка.

Смит несколько раз выкрикнул имя Римо в трубку, затем по другому аппарату передал приказ компьютерам в Фолкрофте определить, откуда был звонок.

Римо направился к двери, продолжая сопротивляться как мог, этой властной, зовущей его на улицу тяге, и в последний момент опрометью бросился в ванную, захлопнув за собой дверь.

Однако запах и здесь преследовал его. Он властно звал за собой. Римо пытался укрыться от него, даже закинул под дверь желтое полотенце, но запах не пропадал, он настойчиво лез в его ноздри и сознание. Тогда Римо зарылся лицом в полотенце, но и это не помогло.

Не в силах больше сопротивляться, Римо поднялся, сунув в карман желтое полотенце, открыл дверь и вышел в холл.

Тяжелое предчувствие сжало его сердце, когда он распахнул дверь в комнату.

Он вытащил из кармана желтый мелок, с которым не расставался с самого Денвера. Больше тот ему не понадобится.

Это находилось совсем рядом, - следующая остановка будет уже там.

Римо швырнул мел на пол. На другом конце комнаты телефонная трубка мерно раскачивалась на шнуре.

#Глава восемнадцатая#

Бен Сар Дин слышал доносившийся с другой стороны улицы шум из заполнявшегося ашрама. Поднявшись с застеленного парчой резинового матраса, он сладко потянулся.

Итак, этот день наступил.

Сегодня душители собрались на свою первую встречу после того, как О.Х. Бейнс послал их в Париж на самолете Эйр Юроп, и он, Бен Сар Дин, готовился к серьезному разговору с юнцами.

Он скажет им, что они погрязли в грехах. Что нельзя пускать в ашрам посторонних. Что подлинную пищу для духа может доставить только истинный вождь, и такому человеку надо оказывать уважение и всяческие почести. Он скажет им, что

вера в Кали – путь к вечному блаженству.

Вот что скажет им Бен Сар Дин. Он будет говорить, а ученики благоговейно внимать ему, и он опять займет место главы секты, поклоняющейся Кали.

Он пересек улицу, пройдя мимо своего Порше, и вошел в здание через обитую железом дверь, прямым шагом зашагал в ашрам. Рев учеников оглушил его еще на пороге.

Бен Сар Дин остановился, осмотрелся и увидел у подножья статуи четыре больших корзины, обмотанные желтыми румалами, изрядно уже засаленными и помятыми.

– Убивай! – вскричали ученики, увидев его.

– Убивай из любви к Кали!

Бен Сар Дин ступил на помост перед статуей и воздел руки.

– Слушайте, слушайте! – вскричал он. Но толпа безумствовала.

– Я ваш святой и хочу вразумить вас: вы живете неправильно. Голос его дрожал от волнения, и он тревожно оглядывался по сторонам, боясь, как бы сосуд для благовоний не полетел ему в голову. Видя, что опасения не подтвердились, Бен Сар Дин продолжал более уверенно:

– Кали не желает, чтобы вы постоянно убивали. Не количество ей нужно, а качество.

Особенно сейчас, когда каждый день сообщения о новых смертях украшают первые страницы газет. Очень скоро гнев властей падет на ваши головы.

Но стоящая перед ним толпа продолжала скандировать все те же призывы. Некоторые ученики выступили вперед – Бен Сар Дин дрогнул и попятился, но те всего лишь направились к огромным корзинам перед статуей и сняли покрывала.

– Я ваш Святой, – прокричал Бен Сар Дин, – внимайте же мне.

Толпа примолкла.

Краем глаза Бен Сар Дин уловил голубовато-серебристый блеск, излучаемый содержимым корзин. Те были доверху наполнены драгоценностями, а фоном служили зелененькие доллары.

– Конечно, Святой, – сказала Холли Роден, – мы внимаем твоим мудрым речам.

– Ну, гм... Бен Сар Дин взял в руки бриллиантовый кулон. Не меньше пяти каратов, прикинул он.

– Говори, Святой. – Зал сотряснулся от их крика. Среди прочего в корзинах было примерно с полдюжины отличных сапфиров.

– Я... гм... – И рубины тоже есть, отмечал он, роясь в корзинах. Цена их стремительно росла. Рубин в два карата подчас стоил больше, чем бриллиант в два карата. – Я... ГМ...

– Мне кажется, я могу сказать несколько слов от имени Святого, – произнес О.Х. Бейнс, выходя из-за перегородки, отделяющей молельный зал от офиса. Большими пальцами он оттянул подтяжки и широко улыбнулся, обнажая зубы. Улыбка светилась искренностью и радушием. – Наша старая добрая Сардинка всего лишь хочет сказать, что вы, черт возьми, отличные ребята.

Собравшиеся весело зашумели.

– И маленькая леди с большим количеством ручек не может не оценить этого.

– Да здравствует Главный фанзигар!

– Убивай для Кали!

– Как-то я сказал нашей старой доброй Сардинке... – начал было О.Х. Бейнс, но ему помешали.

– Он здесь! Он пришел!

Бен Сар Дин, не понимая, что происходит, сунул на всякий случай в карман несколько крупных драгоценностей.

– Кто? – вскричал он. – Где?

– Здесь! – вопила Холли. – Он пришел. Возлюбленный Кали. Он пришел.

– Ах, вот оно что, – уже спокойнее проговорил Бен Сар Дин, глядя на двери ашрама и одновременно закидывая в другой карман еще несколько драгоценностей, а также доллары.

В дверях стоял высокий худощавый молодой человек в черной спортивной рубашке. Запястья у него были на диво мощные. Измученное лицо, в глазах – безнадежное отчаяние. Спроси сейчас, как его имя, он ответил бы, что раньше его звали Римо Уильямсом.

– Да здравствует Возлюбленный Кали! – скандировали душители, падая перед ним на колени.

Римо двинулся вперед на негнувшихся ногах.

– Он принес румал, – пронеслось по залу. Римо нервно теребил в руках взятое им в мотеле полотенце.

В толпе людей стоял, прислонившись к колонне, О.Х. Бейнс. Римо вспомнил, что

видел уже это лицо, но сейчас оно для него ничего не значило – он продолжал идти вперед.

Он был не в состоянии сопротивляться властной силе, влекущей его к себе. Статуя, казалось, набросила ему на шею лассо и тянула вперед. Он видел Ее, приподнятую на платформе над толпой. Уродливое, абсолютно чуждое существо из другого, чужого мира, и все же он не мог не идти к ней. Каменная маска хранила бесстрастное выражение, но иногда ее заслонял другой образ – прекрасное женское лицо, бесконечно печальное. Римо моргнул – лицо незнакомки еще на мгновение задержалось, а потом исчезло, вытесненное потемневшим от времени выщербленным изваянием.

– Кто он? – прошептали в толпе. Римо услышал ответ.

– Возлюбленный Кали. Тот, кого она ждала. Возлюбленный? Римо не то что любовником, но и человеком себя сейчас не ощущал. Только марионеткой, у которой и время-то на исходе. Он слабел с каждым шагом. Дойдя до платформы и оказавшись лицом к лицу со статуей, он почти не мог двигаться. Желтое полотенце, выскользнув из его рук, упало на пол.

Запах уже заполнил все его существо – древний, идущий из глубины веков и несущий зло, запах. Жарко разливаясь по сосудам, он отравлял ему кровь.

Слишком поздно, подумал он. Слишком поздно. Стоило этой мысли оформиться в его сознании, как он увидел, что губы Кали раздвинулись в улыбке.

#Глава девятнадцатая#

Принеси мне смерть.

Эти слова эхом отозвались в его голосе. Римо дернулся и проснулся, он лежал на узком диванчике в маленькой комнате. У изножья на фарфоровом блюде воскурялись две горки благовоний.

Кожа его покрылась прыщиками. Римо огляделся, почувствовав огромное облегчение: значит, мерзкое видение многорукой, хитро улыбающейся статуи было всего лишь ночным кошмаром. Но слабый запах, источаемый богиней все еще витал в его ноздрях, и он понял, что настоящий кошмар только начинается.

– Бейнс, – произнес он вслух. В толпе он узнал О.Х. Бейнса. К худу ли – добру, но Бейнс был реальностью. Значит, надо плясать от него.

Запах усилился, и снова в сознании Римо зазвучали слова: Принеси мне смерть.

Быстро и бесшумно, все еще чувствуя где-то у основания позвоночника нервный страх, Римо выскользнул из постели и бросился к двери, та тихо открылась под его рукой, и он, выглянув в ашрам, увидел безумных поклонников Кали, спящих прямо на деревянном полу. Легкой кошачьей походкой обошел он ряды спящих, но Бейнса среди них не было. Повернувшись, он увидел статую. Все ее восемь рук как бы приветствовали его, от этого зрелища Римо стало подташнивать, а в сердце снова закрался страх. Он побежал к выходу.

Теперь Римо находился в переулке. За припаркованным у тротуара черным порше ему послышалось негромкое пение. Оно доносилось из-за приоткрытых дверей гаража. Римо направился туда.

Увидев стоящего в дверях незнакомца с усталым болезненным лицом, Бен Сар Дин перестал напевать. Когда маршируют святые. Поднявшись с водяного матраса, где он занимался тем, что выписывал из разных журналов номера служб знакомств, щедро обещавших прекрасных белокурых скандинавок, мечтающих познакомиться с вами.

– Фи, – сказал он Римо. – Что еще такое? к святому просто так без позволения не входят.

– Мне нужен Бейнс, – с трудом проговорил Римо. Запах здесь не такой уж сильный, голова его стала вроде бы немного просветляться.

– Вот теперь я узнал тебя, – сказал Бен Сар Дин. – Ты – Возлюбленный.

– Возлюбленный? – машинально повторил Римо.

– Кали избрала тебя в мужа.

– Забудьте об этом, – произнес Римо. – Я убежденный холостяк. И хочу знать, что здесь делает Бейнс. Бен Сар Дин фыркнул.

– Почему бы вам не спросить его самого?

– Я не могу его найти, – ответил Римо. – И потом я не очень хорошо себя чувствовал.

– Вы, наверное, плохо питаетесь, – предположил Бен Сар Дин. – Очень уж вы худой. У меня вот есть на примете один французский ресторан...

– Дело совсем не в питании. Это все статуя, – оборвал его Римо.

– Какой может быть вред от безобидного глиняного изваяния? – недоверчиво отозвался Бен Сар Дин. Римо только покачал головой. Бен Сар Дин ущипнул себя за нос.

- Ладно. Может, здесь действительно кроется какая-то загадка. Мне все это не нравится, а вот им, - и он кивнул в сторону ашрама, - очень нравится.

- В чем тут дело? - спросил Римо. - Что с ней происходит?

- У нее отрастают руки.

- Да будет заливать, - с отвращением сказал Римо.

- Я говорю правду. Хотя и не понимаю, как это происходит. Просто иногда я вхожу утром в ашрам и вижу, что у нее больше рук, чем предыдущим вечером. Мои психи от этого прямо в раж входят и бесятся.

- И потому убивают людей?

Бен Сар Дин нервно стлотнул, но тут длинная тень нависла над Римо.

- Кто это у вас, коллега? - спросил О.Х. Бейнс, улыбаясь самой ослепительной из своих дежурных улыбок. - Я слышал свое имя. - Он протянул руку Римо. - Давайте лапу.

Римо демонстративно держал руку у бедра.

- Держите свою лапу при себе, - ответил он, оглядывая Бейнса с головы до ног. На президенте авиакомпании была клетчатая ковбойка и белые брюки, заправленные в изрядно потрепанные ковбойские ботинки. На голой шее болтался вязаный черный галстук-шнурок.

- Это что, траур по жене? - спросил Римо, поднося руку к галстуку.

- Это мое дело, мистер.

- А желтые платки на полу? Это тоже ваше дело?

Бейнс встал так, что Римо загораживал его от взгляда Бен Сар Дина, и подмигнул в сторону партнера, призывая Римо хранить молчание.

- Пойдемте ко мне в офис, поговорим, - пригласил он Римо. И громко сказал стоявшему за спиной Римо компаньону: - Ложись снова спать, Сардина. Я позабочусь о нашем госте.

- Хорошо, - согласился индеец. - А то я как раз разбирал важные бумаги.

Римо вышел за Бейнсом из гаража. Тот, ведя его к ашраму, шепнул:

- Не мог я сказать вам правду при этом жулике. Как вы понимаете, я здесь не просто так.

- Уверен, это как-то связано с убийствами, - сказал Римо.

- Вы правы, черт возьми. Уже несколько недель торчу здесь, выслеживая этих сукиных сынов, не сомневаюсь. что это они устраивают несчастные случаи на авиалиниях. - ответил Бейнс.

- Странно, что вы до сих пор не обратились в полицию или в ФБР, - сказал Римо, когда они входили в обитый стальными панелями офис.

- Вы неправы, старина, - произнес Бейнс, усаживаясь в кресло и опуская голову на руки. - Мне хотелось раздобыть побольше доказательств, но я слишком долго ждал. И вот теперь моя жена мертва, а дети неизвестно где. - Он поднял на Римо полные слез глаза. - Клянусь, вам мистер, я еще доберусь до негодяев. Каждый получит по заслугам.

- Мне очень жаль, Бейнс, - сказал Римо. - Что вы знаете о статуе? Тут правда, имеет место волшебство?

Бейнс покачал головой, на губах его играла лукавая усмешка.

- Пойдемте, я вам все покажу, - шепнул он. - Пошли. Он распахнул дверь в ашрам, и ворвавшийся в комнату все тот же запах зашекотал ноздри Римо. Тот инстинктивно попятился, но Бейнс, схватив его за запястье, втянул внутрь ашрама. Римо уже не мог сопротивляться. Сила вмиг покинула тело, он казался себе тряпичной куклой.

Бейнс, затрачивая не больше усилий, чем потребовалось бы ему для прогулки с ребенком по рядам универмага, швырнул Римо к подножью статуи и, склонившись над ним, зашептал:

- Все это правда. - глаза его блестели от возбуждения. - Она - Кали и Она возлюбила смерть.

Слабый, беспомощный крик слетел с губ Римо. Он ощущал Ее близость - Она душила его.

- Бейнс... Чиун... желтый платок... - бормотал Римо, пытаясь сбечь хотя бы частично рассудок от притупляющего влияния статуи.

Ее запах обволакивал его, не оставляя никаких других желаний, кроме властного, маниакального желания обладать Ею.

Принеси мне смерть. Он снова слышал этот голос, но теперь он рождался не внутри него, а слетал с губ статуи. И Римо понимал, что на этот раз не посмеет послушаться.

О.Х. Бейнс следил, как Римо, двигаясь как зомби, подошел к двери и вышел на улицу. Некоторое время президент выжидал. Затем вытащил из кармана рубашки

миниатюрную камеру, извлек оттуда крошечную кассету с пленкой и положил обратно в карман.

Уединившись в кабинете, он набрал номер. Набрал его первый раз в жизни. На другом конце подняли трубку, но ничего не ответили.

- Алло! Алло! - прокричал Бейнс.

- Одна услуга вам будет оказана, - прошептал в трубку бесполой голос. - А потом статуя будет моя.

- Согласен, - сказал Бейнс. - Здесь объявился один человек. Федеральный агент - с ним нужно покончить.

- Понятно.

- Мне все равно, как вы это сделаете.

- Потом расскажем вам как.

Через полчаса Бейнс встретился с незнакомцем у предназначенного на слом дома. Тот был по уши закутан в плащ, на руках - перчатки. Бейнс передал кассету.

- Агента зовут Римо, - сказал он незнакомцу. - На пленке - его изображение.

Фигура кивнула.

- Значит, порешили? - сказал Бейнс.

- Готовьте статую.

- А если у вас сорвется?

- У меня никогда ничего не срывается. Бейнс хотел уже уходить, но в последний миг заколебался.

- Я вас еще увижу?

- А вы хотите?

Бейнс проглотил слюну и сказал:

- Не знаю. Не уверен. И все-таки скажите - зачем вам так нужна статуя? Она не стоит миллиона долларов.

- Я хочу многого... в том числе и тебя. И фигура стала медленно разоблачаться.

#Глава двадцатая#

Пешатываясь, Римо как безумный брел по улице. Единственные звуки, которые слышал он в этом спящем городе, были напряженные удары собственного сердца: оно, казалось выстукивало: Убей для меня, убей для меня, убей для меня.

Руки, его напряженно застыли по сторонам. Он вышагивал по улице, как человек танцующий со смертью, - безучастный, опьяневший от похоти, источника которой нег понимал. Не повинуйся, слабо посоветовал ему внутренний голос, но он был слишком невыразителен, чтобы к нему прислушаться. А потом и совсем замолк.

Из заторможенности его вывел голубь, вспорхнувший с телеграфного провода и слетевший на землю. Птица, непривыкшая к темноте, мерно заходила кругами прямо перед Римо.

- Принеси мне смерть, вновь зазвучал в нем голос Кали.

Замерев на месте, голубь склонил голову сначала на одну сторону, потом - на другую.

- Принеси мне смерть.

Закрыв глаза, Римо произнес:

- Хорошо.

Звук его голоса, казалось удивил голубя, и тот недоуменно посмотрел на припавшего к земле человека. Но, видимо, осознав мощь этого странного создания, которое может двигаться столь бесшумно и замирать, уподобляясь неподвижному камню, голубь впал в панику и отчаянно захлопал крыльями, торопись взлететь.

Но тут Римо прыгнул, прочертив в воздухе идеальную спираль, - этому его научил Чиун, при таком прыжке на тело почти не влияли встречные воздушные потоки, тормозящие движение. Типично для техники Синанджу - легкий прыжок, все мышцы работают идеально синхронно, тело свободно вращается, руки, вытягиваясь, обрывают полет голубя, резкий захват - и шея крошечного существа сломлена.

Римо держал в руках мягенькое, еще теплое тельце, сердце его стучало так громко, что отдавало в ушах.

- Боже, что это? - прошептал он, рухнув на колени прямо посередине грязной мостовой с пятнами бензина и машинного масла. Проезжавший автомобиль свернул в сторону, объехав его, но при этом отчаянно загудел, от чего в ушах у Римо зазвенело. Постепенно звон прекратился, замедлилось и сердцебиение. В ночной тишине вновь разлилось спокойствие, а он стоял, держа в руках мертвую птицу.

Беги, сказал он себе. однажды он уже бежал, можно попробовать еще раз.

Но тогда он вернулся, вернется и на этот раз, он это знал.

Кали обладала огромной властью над ним.

Римо выпрямился, колени его дрожали, и пошел назад, в ашрам. С каждым шагом он все больше и больше презирал себя, понимая, что своим поступком бросил тень на Синанджу – как бы снизил уровень притязаний Дома, отняв жизнь у ни в чем не повинного существа, оказавшегося по воле случая на его пути. Чиун называл его Мастером Синанджу, земным воплощением бога Шивы. Но он был ничем. Даже меньше, чем ничем. Он принадлежал Кали.

Войдя в ашрам, где все еще мирно посапывали члены общины, Римо возложил жертву к подножью статуи.

Та улыбнулась ему. Она каким-то образом ласкала его, посылая импульсы страсти человеку, который отдал Ей свою силу и подарил долгожданную бескровную жертву.

Римо придвинулся к статуе ближе; источаемый Ею запах – аромат цветов зла – вскружил ему голову, вызвав безудержное желание обладать Ею. На какое-то мгновение другое виденное им прежде, лицо заслонило каменную маску. Кто была эта женщина? Она плакала и казалась живой и одновременно иллюзорной. Образ плачущей женщины болью отозвался в его сердце, вызвав горестное ощущение потери. А тем временем статуя притянула его к себе; он почувствовал на губах ледяной поцелуй и услышал, как Она произнесла: Муж мой. Его охватили чудовищная слабость и удушье, он терял волю...

Страшным усилием вырвался он из Ее объятий, стукнув по одной из рук. та отлетела и с грохотом ударилась об пол, а Римо ощутил внутри невыносимую боль. Инстинктивно он согнулся пополам, припадая на колени. Упавшая рука, подпрыгнув, вцепилась ему в горло. Оторвав ее, Римо в ужасе выбежал из ашрама.

Шум разбудил спящих почитателей Кали, но прежде чем они осознали, что происходит, Римо был уже на улице.

Не чуя под собой ног, побежал он по улице прямо к мотелю. Только оказавшись у себя в номере и тщательно заперев дверь, Римо заметил, что все еще держит глиняную руку, и в отвращении швырнул ее в угол. Было слышно, как она, стукнувшись, проехала по полу. И в комнате воцарилась тишина.

Нужно было что-то делать, но он не знал что. Может, позвонить Смиту? Но зачем, он не мог сообразить? А может, попробовать разыскать Чиуна? И тоже – какой в этом толк? Можно было попытаться сделать еще что-нибудь, но вместо этого Римо упал на постель и заснул.

Он погрузился в сон мгновенно, но спал беспокойно. Ему снилось прекрасное женское лицо, оно проступало за каменной маской Богини – плачущая женщина! – она тянулась к нему, желая поцеловать. Но прежде чем губы их слились, лицо растаяло, вытесненное грубым ликом Кали. И снова зазвучал Ее приказ: Принеси мне Смерть!

Римо заворочался во сне. Ему чудилось, что кто-то вошел, а затем так же тихо покинул комнату. Он старался не спать, но и в дреме перед ним опять и опять проступало лицо Кали, так что в конце концов он заставил себя окончательно проснуться. Обливаясь потом, он сел в постели, сердце учащенно билось.

Спать нельзя, надо срочно бежать отсюда. Куда угодно, сказал он себе, обхватывая пульсирующую в висках голову. Если ты еще раз угодишь к Ней, ты погиб. Беги.

Шатаясь, он побрел к двери, но, не дойдя до порога, резко остановился. Обернувшись, увидел валяющуюся на полу руку, в пальцах ее – что-то белело.

Со страхом Римо приблизился к ней и осторожно извлек бумажку из облупившихся пальцев. Рассмотрел он ее уже в коридоре.

Это был авиационный билет. В Сеул, в Корею.

Корея. Вот где он отыщет Чиуна. Римо понял, что ему надо туда лететь.

– Пусть это ловушка, – сказал он себе. Чиуна повидать необходимо. Больше никто не в силах ему помочь.

Еще раз он вышел в темноту ночи. Но на этот раз дышалось свободнее.

У себя в офисе Бейнс закурил сигару. От едкого дыма зашипало в глазах, но табак был превосходный.

Пришло время для решительных, действий сказал он себе. Он выполнил все, что наметил, и даже более того.

Теперь надо только дождаться, чтобы с его пути убрали этого надоедливого федерального агента, и избавиться от статуи.

Может быть, в будущем он еще раз займется чем-то подобным. Но не теперь – надо подождать.

В дверь тихонько постучали.

– Войдите, – сказал он.

На пороге стояла Холли Роден.

- Главный фанзигар, - начала она, низко кланяясь.
 - Что случилось?
 - Ваши дети благополучно вернулись. Она отступила, пропуская в комнату Джошуа и Кимберли Бейнс.

- Рад видеть вас дома, детки, - приветствовал их Бейнс.
 Они улыбнулись ему.

#Глава двадцать первая#

Ее лицо заставило Римо замереть на месте.

Римо увидел девушку, стоя среди других пассажиров, ожидающих посадки на самолет, вылетающий в Сеул. А увидев, понял, что не ошибся, когда принял решение лететь в Корею разыскивать Чиуна.

Высокая и стройная девушка была одета в белый полотняный костюм. Темные волосы убраны под небольшую шляпку с вуалью, частично скрывающей лицо, но ее красота прорывалась даже из-под вуали. Бледная и как бы прозрачная, нежная кожа - точь-в-точь лепестки цветка. Полные губы сложены печальной складкой; тонкий, изысканной формы нос, широко расставленные глаза с влажным взглядом газели.

Она ни на кого не была похожа, людей такого типа Римо не встречал в своей жизни. По внешности нельзя было даже приблизительно определить ее национальность. Казалось, она возникла в стороне от эволюции планеты.

Совершенно безотчетно Римо поспешил протиснуться к незнакомке.

- Извините меня... мисс... мисс...

Она слегка тревожно глянула на него.

- Вы ко мне обращаетесь?

Он кивнул, и она кивнула ему в ответ.

Нужно было что-то сказать, но Римо в один момент позабыл все английские слова. Он только глядел на нее, а в ушах звучали, рождественские песнопения.

- Простите, - неуклюже заговорил он, - думаю, мне просто хотелось посмотреть на вас.

Девушка, подняла сумку, намереваясь отойти.

- Нет, - умоляюще, проговорил он, беря ее руку, отчего глаза незнакомки расширились от страха. - Не уходите. И не бойтесь меня, - прибавил он. Честное слово, я не сумасшедший. Меня зовут Римо и ...

Вывав руку, девушка поспешила затеряться в толпе. Римо облокотился о поручень, лицо его залила краска стыда, что нашло на него? Как мог он подойти к абсолютно незнакомому человеку в то время, как волна убийств захлестывает воздушные пути? Да, он вел себя как последний псих. Хорошо еще, что девушка не позвала полицию.

Может, он болен? Может, система Синанджу так сказала на нем? С Чиуном, правда, всегда все было в порядке, но Чиун - кореец. Значит, старик прав, повторяя тысячу раз, что знание Синанджу не для белых. Может быть, есть что-то в генах западного человека, что сопротивляется тренировке и ведет к безумию?

О, Чиун, подумал он. Дай мне найти тебя.

Молодая женщина поступила правильно, сбегав от него. Ему нельзя находиться среди нормальных людей. Он тут же решил, что если опять увидит ее, то не подойдет. Хорошо бы никогда ее больше не встречать. Потому что теперь он в ее сторону и не посмотрит. Скорее всего, она не такая красивая, как ему показалось. Он просто не обратит на нее внимания. Даже жаль, что он не увидит ее больше, он бы сразил ее своим равнодушием...

Девушка летела с ним в одном самолете; и Римо быстро убедил ее соседа покинуть кресло.

- Вы красивее всех, кого я видел, - признался он незнакомке.

Та потянулась к кнопке вызова бортпроводника.

- Не делайте этого, - взмолился Римо. - Ну, пожалуйста. Я больше не произнесу ни слова. Только буду любоваться вами.

Девушка некоторое время смотрела на него непонимающим взглядом и наконец спросила:

- И это все, что вам нужно?

Римо кивнул, не говоря ни слова, согласно данному обещанию.

- В таком случае меня зовут Айвори.

- Она протянула ему белую ручку с наманикюренными пальчиками, на указательном сверкнул большой бриллиант. Девушка улыбнулась, и Римо захотелось утонуть в ее улыбке.

Он улыбнулся в ответ.

- Могу я теперь говорить?

- Попробуйте. Я скажу вам, когда замолчать, - сказала девушка.

- Откуда вы?

- Из Шри-Ланка, - ответила она.

- Даже не представляю, где это, - признался он.

- Это древняя маленькая страна с новым большим названием, - сказала девушка.

- Вы теперь туда направляетесь?

- Да, но окружным путем. Большую часть времени я путешествую по Востоку и делаю покупки.

- Тяжелая жизнь, - проговорил Римо.

- Временами приходится нелегко, - согласилась девушка. - Но, видите ли, это моя работа, а не хобби. Я покупаю антиквариат для коллекционеров. Тот же посылный - только более высокого ранга.

Римо подумал, что уж за посылного ее никто бы никогда не принял, но оставил ее слова без комментария, только спросил:

- Антиквариат? Он хорошо расходуется?

Она кивнула.

- Только по-настоящему старый. Мои клиенты хотят стать обладателями греческих фриз, притолоками египетских храмов, такими вот вещами.

- Старинными статуями, - проговорил тихо Римо, думая о своем.

- Ими тоже. Кстати, последнее время я выискивала в Америке одну статую - проследила ее путь до Нового Орлеана. Но там след ее затерялся. Владелец продал ее, сам умер, и никто не знает, кто стал теперь ее хозяином.

- Ценная вещь?

- Старинная статуя стоит приблизительно четверть миллиона долларов, - ответила Айвори. - Жена бывшего владельца призналась, что муж сбыл ее всего закорок долларов.

- Наверное, очень красивая вещь, если так дорого ценится, - предположил Римо. Айвори пожала плечами.

- Никогда ее не видела воочию, но снимки смотрела. Глиняная богиня с несколькими руками. Число их колеблется в разных каталогах.

- Кали, - произнес Римо, закрывая глаза.

- Что вы сказали?

- Ничего. Не обращайте внимания. Может быть, вам и не стоит ее разыскивать. Вдруг она приносит несчастье.

- Если бы я боялась глаза или проклятия, - сказала девушка, то вряд ли покупала бы что-нибудь, сотворенное более недели назад. Но эта статуя - действительно особая статуя.

Римо хмыкнул. Ему не хотелось говорить о статуе. Беседа нервировала его. Ему даже показалось, что он ощущает запах Кали в самолете. Но это скоро прошло. Хотя бы Чиун освободил его от этого запаха навсегда.

Он поймал на себе ее взгляд. Какое-то время они вглядывались друг в друга, и невыносимая печаль легла на его сердце.

- Мне кажется, я знаю вас очень давно, - почти прошептал Римо.

- Тоже самое думала и я.

Когда заработали двигатели, Римо поцеловал девушку. Он не смог бы объяснить, как осмелился это сделать, но в глазах Айвори он прочитал это желание, да и сам чувствовал, что если не прикоснется к ней, не поцелует ее, у него разорвется сердце. Она страстно ответила на его поцелуй. Время перестало для них существовать. В ее объятиях он не был больше Римо Уильямсом, наемным убийцей, бегущим от охватившего его страха, а был просто; Мужчиной, а Айвори была той единственной, нужной ему женщиной, и они находились где-то далеко, куда не долетал шум реактивного двигателя из двадцатого века.

- О, нет! - вдруг воскликнула, она, резко отпрянув.

- Что случилось?

- Подарки! - Она поспешно поднялась и скользнула мимо колен Римо. Лицо ее приняло тревожное выражение. - Я купила кое-какие подарки и оставила их в камере хранения. Сейчас вернусь.

- Поторопитесь, - сказал Римо...

Айвори о чем-то спорила со стюардессами у трапа, потом они ее все же выпустили. Когда она бросилась вниз по трапу, обе стюардессы переглянулись и пожали плечами. Одна из них взяла в руки микрофон.

- Леди и джентльмены, самолет отправляется. Займите свои места, и пристегните пояса.

Римо бросил взгляд на сумку, которую Айвори оставила у кресла. Потом стал напряженно; вглядываться в пространство за окном, пытаясь что-нибудь разглядеть

сквозь затемненное стекло аэровокзала. Он увидел бегущую внутри, женскую фигурку, она остановилась, засуетилась и побежала обратно.

Самолет начал двигаться.

- Эй! - крикнул Римо. - Остановитесь! К самолету спешит пассажир.

Несколько человек оглянулись на него, но, стюардессы, демонстративно не обращая на него внимания, пошли в носовую часть. Видя, что Айвори; продолжает бежать, Римо нажал все кнопки, какие только смог найти.

- Эй! Остановите самолет! Молодая леди хочет сесть.

- Извините, сэр. Но, пассажиром не, разрешено перед самым взлетом покидать самолет, - заявила стюардесса усталым голосом, устанавливая в первоначальное положение те пятнадцать кнопок, которые нажал Римо.

- Она не собирается покидать самолет. Напротив, хочет успеть на него, - возразил Римо.

Но самолет неумолимо двигался вперед. Римо видел сквозь стекло Айвори, ее остановил техник в наушниках. Девушка полным сожаления взглядом провожала удаляющийся самолет, а потом, поставив на землю коробки и сумки, помахала ему вслед. Этот полный юмора жест как бы свидетельствовал о покорности, с которой она приняла очередной удар судьбы.

Римо очень расстроился, он чувствовал себя обкраденным. Несмотря на то, что он только что познакомился с молодой женщиной по имени Айвори, ему казалось, что он знал ее всегда, и вот теперь, она, не успев войти в его жизнь, уже потеряна для него.

Взревев, самолет оторвался от земли, а Римо тем временем взял в руки сумку из мягкой ткани, которую забыла Айвори. Он надеялся найти там какую-нибудь информацию о ней. Но внутри лежали только две ночные рубашки - сплошной шелк и кружево - совсем как она, подумал Римо - и еще косметичка, от которой исходил нежный запах - тот самый, который шел от нее самой и запомнился ему в краткий момент объятия.

Странный, необычный запах - не цветочный, как у большинства духов, а более насыщенный, дурманящий. На какое-то мгновение Римо даже засомневался, нравится ли он ему, но потом, вспомнив лицо девушки, решил, что нравится.

Не найдя в сумке никаких документов, он печально задвинул ее обратно под кресло.

Самолет набирал высоту, оторвавшись уже футов на сто от земли и поворачивая на запад от озера Пончарт-рейн. Римо послышалась глухое урчание где-то в недрах машины, как будто огромная птица переваривала еду. За какие-то считанные секунды легкий шум перешел в оглушительный рев. А еще через секунду вся передняя часть самолета вдруг отвалилась, рассыпавшись на мелкие обломки. Одна из стюардесс закричала, из рта и ушей у нее хлынула кровь, и она полетела в зияющую дыру, задев перед этим острый металлический выступ, оторвавший ей руку. Все, что не было прочно закреплено, провалилось туда же. Некоторые ремни безопасности не выдержав напряжения, порвались, и несчастные пассажиры тоже покатались в дыру.

Самолет падал в воду.

Римо слышал, как кто-то громко всхлипнул: О, Боже!

Но он сомневался, что Бог может сейчас им помочь.

#Глава двадцать вторая#

Смит чувствовал себя в конец измотанным, когда поздно вечером добрался до мотеля Сигал - грязной дыры на Пенберри-стрит.

Входя в мотель, он услышал пение, оно доносилось из странного строения как раз напротив гостиницы.

Пение?

И как раз против дома, где остановился Римо?

Всю усталость как рукой сняло. Сердце Смита учащенно забилось, он повернулся назад, пересек улицу и, открыв дверь, из-за которой неслось пение, оказался в большом темном помещении. Ему тут же ударил в нос едкий запах благовоний; от тесноты и множества человеческих тел в зале стояла страшная духота.

Люди здесь были, в основном, молодые, некоторые почти подростки, и все они орали, что было мочи. Внимание их сосредоточивалось на статуе, установленной на высокой платформе. Поющие часто кланялись статуе, воздевали руки и, впадая в экстаз, кружились. Харолду Смигу эти суетливые действия показались и бессмысленными, и унижительными для его участников.

Оглядевшись, Смит вздохнул и направился к дверям. Усталость вновь накатила на него. Ни О.Х. Бейнса, ни Римо здесь не было. Ну, что ж, сказал себе Смит, версия стоила того, чтобы ее проверить, хотя она и вела, как и все остальные его

версии, в тупик.

Он уже был у самых дверей, когда неизвестно откуда взявшийся коротышка-индус закричал на него:

- Эй ты! Чего тебе! здесь, надо?

Из поющих юнцов никто даже не повернулся на крик, а Смит сухо произнес:

- Полагаю, мне здесь ничего не надо.

- Тогда зачем ты здесь? Что, просто вошел с улицы?

- Да. Дверь была открыта, и я вошел.

- А зачем? - раздраженно спрашивал индус. - Ищешь, к какой бы церкви присоединиться?

- Я ищу человека по имени О.Х. Бейнс. Моя фамилия Смит.

Индус удивленно заглотнул воздух.

- Бейнс? - пискнул он. - Нет здесь никакого Бейнса. Сожалею. - Говоря, он настойчиво подталкивал Смита к дверям. - Найдите себе лучше другую церковь.

- Я ищу еще одного человека, - сказал Смит. - Высокого, темноволосого мужчину. У него очень широкие запястья...

Индус решительно вытолкнул его на улицу, и Смит услышал, как он запирает дверь на засов.

А Бен Сар Дин, прислонившись к двери с другой стороны, обливался от страха потом.

Затем, расталкивая посвященных, направился в глубину ашрама в кабинет О.Х. Бейнса.

- К нам приходил федеральный агент, - сказал он. Бейнс ошарашенно посмотрел на него из-за стола.

- Но теперь его здесь нет?

- Еще несколько минут назад он был здесь. Искал вас. О, несчастный я, как мне не везет...

- А почему ты думаешь, что он агент? - спросил Бейнс, внезапно проявляя интерес. - Он тебе что сказал?

- Не думаю, а знаю, - ответил индус. На шее у него заметно пульсирующие вены. - Среднего возраста, губы плотно сжаты, очки в металлической оправе, портфель, фамилия Смит. Ну, кем ему еще быть?

Бейте потер подбородок.

- Не знаю, не знаю. Он может быть кем угодно.

- Но он искал вас. А когда я сказал, что здесь таких нет, стал расспрашивать о другом.

- О каком еще другом?

- О том, которого психи называют любовником Кали.

Бейнс весь напрягся, но через мгновение уже расплылся в улыбке.

- Ему придется здорово потрудиться, чтобы напасть на его след.

- Это без разницы, - голос Бен Сар Дина панически взлетел вверх. - Он все равно вернется. И на этот раз, возможно, с иммиграционной службой. Меня вышлют. А если они пронюхают про вас...

- Что пронюхают? - угрожающе спросил Бейнс. Бен Сар Дин задержался, прочитав в глазах компаньона нескрываемую ненависть. По мере того, как Бейнс набирал популярность среди почитателей Кали, угроза все возрастала. Бен Сар Дин ничего не сумел ответить и только покачал головой.

- Вот так-то оно лучше, Сардина, - сказал Бейнс. - Обо мне нечего узнавать. Просто нечего. Я часто посещаю церковь, вот и все. И не забывай этого. А теперь посторонись. Пойду, побеседую со своими ратниками.

- Я разыскиваю человека по имени Римо. Высокий, темноволосый, - говорил Смит клерку в мотеле.

- Толстые запястья? - спросил клерк. Смит кивнул.

- Вы опоздали. Несколько часов назад он съехал. Бросил вот сюда, на стол, деньги, только его и видели.

- Он сказал, куда отбывает? - спросил Смит.

- Нет.

- Его номер еще свободен?

- Конечно. У нас приличное заведение. Мы не сдаем комнаты на часы, а только на сутки и больше, - ответил клерк.

- Я хочу занять его номер.

- Его еще не убрали. Но у нас есть другие свободные комнаты.

- Я хочу эту.

- Хорошо. Двадцать долларов - плата за сутки. Деньги вперед.

Смит расплатился, взял ключ и отправился в номер. Постель была не разобрана, но смята: на ней спали поверх одеяла. И никакого, даже самого маленького намека на то, куда мог подеваться Римо.

Тяжело опустившись на кровать, Смит снял очки в металлической оправе и потер усталые глаза. Хотя бы несколько часов сна. Вот все, что ему надо. Пусть только два часа. Смит лег на спину, не выпуская из рук кейс и устроив его поудобнее на животе. Но тут в кейсе раздалось тихое жужжание.

Набрав сложную комбинацию, Смит открыл портфель и поднял трубку.

Прослушав четыре электронных сигнала, он положил трубку на специальный рычажок, и тут же, в считанные секунды, бесшумно работающий принтер стал печатать на длинной узкой полоске легко воспламеняющейся бумаги текст.

Новые четыре сигнала возвестили о конце сообщения. Смит положил трубку на место, оторвал лист с информацией и прочел то, что передал ему компьютер из Фолкcroftа.

Дополнительная информация на О.Х. Бейнса. За два дня до первой зарегистрированной смерти на Интернэшнл Мид-Америка Бейнс продал сто тысяч акций ИМА по цене 48 долларов за акцию. После серии убийств на авиалинии - акции ИМА продавались уже по одному доллару. В результате Бейнс получил 4,7 миллиона прибыли. За день до убийств на авиалинии Эйр Юроп проделал такую же операцию и в результате получил прибыль в размере 2,1 миллиона, долларов. Большую часть денег, полученных в результате этих операций, Бейнс вложил в покупку акций прогоревших компаний и теперь владеет контрольными пакетами акций обеих авиалиний. Остаток прибыли составляет 1,9 миллиона. Конец информации.

Смит дважды прочитал, сообщение, прежде чем поднес к нему спичку. Обработанная особым способом бумага мгновенно вспыхнула, тут же, обратившись в горку пепла.

Вот, значит, как. Бейнс не только упрочал финансовое положение Джаст Фолкс, что было несложно после того, как там воцарились тишь да гладь. Он сколотил себе состояние и даже прибрал к рукам, две авиалинии.

Веский мотив для убийства, подумал Смит. Даже для массового.

Итак, Бейнс.

Смит опустил ноги с кровати, снова садясь. Отдыхать было некогда.

Но тут он увидел нечто, чего не заметил раньше, и пройдя в дальний угол комнаты, подобрал там некий предмет, оказавшийся рукою, а именно, рукою статуи, вылепленной из обожженной глины. Покрутив, ее перед собой, Смит вспомнил, где он видел нечто подобное. Точно такие руки были у статуи в храме, что, расположен через дорогу от мотеля в складском; помещении. Выходит, Римо заходил туда. И Бейнс, возможно тоже. Недаром его соседка по Денверу рассказывала, что, он; вступил в какую-то религиозную секту. Все сходится и, скорее всего, ашрам - новая штаб-квартира Бейнса.

Вздохнув, Смит проделал нужные манипуляции с замками на кейсе и вышел из номера.

Когда он вновь подошел к церкви, дверь была заперта. Изнутри доносились голоса, но они были плохо различимы. Смит отошел, к краю тротуара, пытаясь разглядеть, нельзя ли проникнуть в ашрам с верхнего этажа. Нет, ничего не получится. Тогда он, завернув, за угол, вышел на боковую улочку искать черный ход.

Став бизнесменом, О.Х. Бейнс полагал, что политика потеряла в его лице звезду первой величины. Но все еще можно исправить. Он молод, контролирует все три авиалинии. Когда, положив конец убийствам на Эйр Юроп и Интернэшнл Мид-Америка, он сольет их с Джаст Фолкс, то его состояние будет не меньше четверти миллиарда. Довольно приличная сумма, с ней можно развернуть достойную предвыборную компанию.

Да, приятно помечтать, но сначала надо вправить мозги психам.

Стоя на платформе рядом со статуей, Бейнс всматривался в ждущие наставлений юные лица.

- Она любит вас, - произнес он. Юнцы возликовали. - И я, главный фанзигар, тоже люблю вас.

- Да здравствует Главный фанзигар! - завопили они.

- Европейская операция прошла с большим успехом. Кали довольна вами. И я рад, что дети мои, здоровые и невредимые, вернулись на родину. - Выдавлив из себя улыбку потеплее, он кивнул сыну Джошуа, стоявшему неподалеку. - Для моей дочки время сейчас уже позднее, поэтому ее в ашраме нет. А вот Джошуа здесь, рядом с

другими сыновьями и дочерьми Кали. Так, Джошуа?

- Убивай ради Кали, - произнес Джошуа монотонным и равнодушным голосом. - Убивай?

Другие юнцы подхватили призыв, и вскоре стены уже сотрясались от их скандирования.

- Убивай! Убивай для любви к Кали! Убивай! Убивай!

Бейнс поднял руки, призывая к молчанию, но ему потребовалось несколько минут, чтобы уговорить зал.

- Скоро вы предпримите еще одно путешествие, - сказал он, и в эту минуту увидел в зеркале около входа отражение мужчины в очках с металлической оправой.

Должно быть, тот вошел с черного входа и сейчас стоял в узком проходе, ведущем в кабинет Бейнса.

Федеральный агент, - мелькнуло у Бейнса в голове. Он снова обратился к толпе

- Мы выбрали нелегкий путь, а сегодня вечером он может стать еще труднее.

На лицах молодых людей появилось вопросительное выражение.

- Среди нас затесался, чужак. Он может причинить нам зло своей ложью и ненавистью к Кали.

Услышав эти слова, Смит почувствовал спазм в горле. Юнцы, не видя его, перешептывались, между собой. Смит стал потихоньку пятиться. Пока его не увидели, есть шанс спастись.

Чья-то рука потянула его за запястье. Обернувшись, Смит увидел перед собой толстяка-коротышку.

- Т-сс. Идите за мной, - прошептал Бен Сар Дин. Он втолкнул Смита в кабинет Бейнса и закрыл за ними обитую железом дверь.

- Он убьет вас, - сказал Бей Сар Дин.

- Полагаю, именно это он и собирается сейчас сделать.

- Я не позволю ему убивать федерального агента, - заявил Бен Сар Дин.

- Разве я таковым назвался? - удивился Смит. Бен Сар Дин в отчаянии хлопнул себя по лбу.

- Ладно, пусть так. Не буду спорить. Давайте просто выбираться отсюда.

Тут раздался первый стук в дверь, последующие удары ритмически соответствовали скандированию: Убивай для Кали! Убивай для Кали!

- Пожалуй, действительно не стоит здесь задерживаться.

- А вы замолвите за меня словечко перед иммиграционными властями? - спросил Бен Сар Дин. - Знайте, я никого не убивал.

- Там будет видно, - уклонился от ответа Смит. Деревянные планки по краям; железной двери стали зловеще потрескивать под ударами множества кулаков.

- Будем считать, что мы договорились, - боязливо произнес Бен Сар Дин и, отойдя к дальней стене, нажал кнопку. Стальная панель отъехала в сторону, открыв проход в боковую улочку. - Скорее, - торопил толстяк. Оказавшись у Порше, он открыл дверцу и первым забрался в автомобиль. Смит последовал за ним. Индус завел мотор и покатил по переулку к главной улице.

- Уф, - проговорил Бен Сар Дин. - Чуть не влипли.

У Смита не было желания поддерживать такого рода разговор, и он перевел его на другую тему.

- Помнится, я спрашивал вас еще про одного американца. Темноволосый, мощные запястья. Где он?

Бен Сар Дин повернулся к Смицу.

- Его нет в живых.

Смит непроизвольно вздрогнул.

- Нет в живых? Вы уверены?

- Я подслушал разговор Бейнса, - сказал Бен Сар Дин. - Его звали Римо?

- Да. Римо.

- Он находился в самолете, который взлетел около двух часов назад. И тут же рухнул в озеро. Думаю, Бейнс подложил бомбу.

Онемевшими губами Смит произнес:

- Ему, видно, никогда не наскучит убивать.

- Он сумасшедший, - сказал Бен Сар Дин. - Подстраивает убийства, губит репутацию авиалиний, а потом скупает их акции по дешевке. Но ему нужны не просто деньги, а могущество. Только сила здесь замешана уж очень большая. Он и не понимает, откуда к нему идет власть.

- Как откуда? - сказал Смит. - разве не как следствие убийств?

- Все - от Кали, - ответил Бен Сар Дин. Отъехав на некоторое расстояние от

ашрама, Бен Сар Дин остановился на красный свет.

- Я и сам ничего не донимав - задумчиво проговорил он. - Думал, что покупаю старый хлам. А в ней есть сила, непонятная сила, и я...

Эти люди будто выросли из кустов. Другие выступили из-за деревьев, поднялись из канализационных люков. Индус не успел даже ногу поставить на акселератор, как Порше окружили десятки людей, мужчин и женщин, и у каждого в руках был желтый румал.

- Бог мой, - только и произнес Смит, когда их автомобиль стали крушить.

Высадив окна, молодые люди вытащили маленького индуса из машины через разбитое стекло и стали зверски избивать. Несчастный визжал от боли.

Его били покрасневшими от крови камнями и дубинками, лица палачей лоснились от пота, в глазах горел дьявольский, ненасытный огонь. Наконец Бен Сар Дин замолк навсегда.

Теперь настала очередь Смита.

Молодые люди открыли дверь и вытащили его наружу. Мой кейс, - мелькнуло в голове.

Маньяки убьют его и заберут кейс. Воспользоваться им они, конечно, не смогут. Технология компьютерно-телефонного устройства, им не по зубам, И все же, несмотря на то, что рабочие кабинеты Фолкрофта самовозгорятся, если Смит не появится в течение десяти часов, кейс-то останется. След может привести в Фолкрофт. И теоретически существовала возможность, пусть и небольшая, что кто-то пронюхает про существование КЮРЕ, и тогда правительство неминуемо падет.

- Мой кейс! - выкрикнул Смит после первого удара палкой.

Его долго били камнями и даже комьями засохшей глины, пока кто-то наконец не спросил:

- А что это он такое бормочет про кейс?

Вопрошающего подростка Смит уже видел в ашраме. Тот тем, временем, подобрал кейс с мостовой.

- Потихе, потихе, - говорил он, протискиваясь в ряды единомышленников. - Посмотрим, в чем тут дело.

- Мальчик протянул кейс Смицу. - Вот ваш кейс. Что в нем?

Но когда Смит потянулся к портфелю, подросток тут же одернул его и саданул Смита в плечо.

- Может важные бумаги? Или записная книжка с нашими фамилиями?

И мальчик Заливисто рассмеялся.

- Не открывай его. Пожалуйста, - умоляющим голосом просил Смит, а про себя подумал: Открой же его, ты, маленький ублюдок.

- А почему насмешливо спросил мальчишка. Он стоял над Смитом, широко расставив ноги; на лице его застыло выражение, которое нельзя спутать ни с каким другим: торжество от сознания, что ты можешь взирать на люден сверху вниз. В эту минуту Смит вспомнил, что мальчик - сын О.Х. Бейнса.

- Пожалуйста, не надо, - продолжал просить Смит.

- Не открывайте его.

Закрыв глаза, Смит постарался не думать о том, что произойдет Джошуа Бейнс, упершись кейсом в перевернутый Порше, начал, как и предполагал Смит, открывать кейс, как обычный портфель, чем привел в действие взрывное устройство, мальчика отбросило на тротуар, на месте головы и рук торчали теперь обуглившиеся обрубки, а сам кейс превратился в ничто - бесформенный сплав металла и пластика.

Смит не пострадал от взрыва. Его защитил кузов автомобиля, но теперь он почувствовал, как желтый платок обвился вокруг его шеи. Смит почти не обратил на это внимание. Теперь можно спокойно умереть, - думал он. КЮРЕ исчезнет вместе со мною, но Соединенные Штаты будут жить.

Справа от него распростерлось тело Бен Сар Дина - жалкая плоть, растерзанная и окровавленная. Камень больно ударил Смита по ноге - он вздрогнул. Наверное, его ждет мучительный конец, такой же, как и индуса. Но ведь всякая смерть тяжела, думал он. И так она его долго обходила. Только одно терзало его сердце: он не успел доложить, что за убийствами на авиалиниях стоят О.Х. Бейнс и эти молодые безумцы из секты. Но ничего: кто-то другой узнает о них и оборвет этот беспредел. Римо не будет этим другим - он мертв, и Смит скоро последует за ним. А без Римо Чиун тоже не задержится в стране. Вернувшись в Америку, он узнает, что ученик погиб в авиакатастрофе и отправится доживать свой век в корейскую деревушку. А может быть, думал, Смит, настанет день, когда возникнет новый КЮРЕ. Дела могут пойти плохо, Америку припрут к стенке, и президент, который тогда будет стоять у власти, стукнет в раздражении кулаком по столу и скажет: Надо

бороться, черт подери! – Эта мысль немного успокоила Смита, и он, несмотря на трясущиеся пальцы, задыхался глубоко и ровно, стараясь контролировать боль, обрушившуюся на его тело.

Да, больше ждать нечего. Смит нащупал белую капсулу в боковом кармане, обещавшую быструю, пахнущую миндалем смерть. Повернувшись на живот, он резким движением бросил капсулу в рот, а румал тем временем все ту же затягивался на его шее.

И вдруг кто-то крикнул. Всего лишь один раз. Прежде чем Смит успел осознать, что его перестали избивать, чья-то посторонняя сила, встряхнув, поставила его на ноги. Он поперхнулся – капсула с ядом застряла в горле. А потом почувствовал, что куда-то летит. От падения на живот капсула с цианистым калием пулей вылетела изо рта. Некоторое время он лежал, бездумно глядя на белый пластиковый цилиндр, потом, понемногу приходя в чувство, оглянулся. Что же все-таки приключилось с нападавшими.

По всей улице были раскиданы тела его мучителей, с дюжину юнцов еще держались на ногах, а среди них мелькнуло что-то бирюзового цвета, и это что-то двигалось так стремительно, что казалось одним порывом, лишенным плоти:

Юные убийцы валились один за другим, наконец осталась только молодая женщина, сумевшая убежать. А на улице в окружении неподвижных тел стоял Чиун. Убрав руки в парчовое кимоно бирюзового цвета, он медленно направился к Смицу:

– Чиун, – только и сказал Смит.

– Вы разочаровали меня, император, – упрекнул его Чиун.

Звук его голоса напоминал шипение бекона на сковороде.

– Почему? – искренне удивился Смит. Чиун раздавил каблуком капсулу с ядом.

– Неужели вы думаете, я потерплю, чтобы потомки говорили, что император, которому я служу, вынужден был принять яд? Какой позор!

– Простите меня, – сказал Смит.

Лучшего ответа он придумать не мог. Он хотел было встать, но ноги не держали его, и тогда Чиун поднял его, как ребенка, и поставил на землю.

В мотеле Чиун сказал клерку:

– Мы не хотим, чтобы нас беспокоили.

– Обождите минуточку. Вам следует зарегистрироваться по всем правилам, – попытался остановить их клерк.

Поддерживая одной рукой Смита, Чиун другой сорвал с лестничного пролета перила и швырнул их на стол клерка.

– С другой стороны, – заторопился клерк, – вы можете зарегистрироваться и утром.

В номере Чиун положил Смита на кровать и стал внимательно ощупывать его тело своими пальцами с длинными ногтями. Через несколько минут он поднялся и удовлетворенно кивнул.

– Серьезных повреждений нет, император, – сказал он. – После отдыха ваш организм снова вернулся в то жуткое состояние, которое для вас уже стало нормой.

С явным неодобрением на пергаментном лице Чиун осмотрел комнату, и тут Смита вдруг стукнуло: Чиун ведь не знает о смерти Римо. Как сказать, ему? Собрав все мужество из резервов своего твердокаменного характера уроженца Новой Англии, он произнес.

– Мастер Синанджу, Римо нет в живых.

Некоторое время Чиун не двигался. Потом повернулся и посмотрел Смицу в лицо.

Карие глаза вспыхивали в ярком свете, идущем от голой электрической лампочки.

– Как это случилось? – медленно, произнес старый кореец.

– В авиационной катастрофе. Один человек из ашрама... вон там, – Смит попытался показать, где находится ашрам, но больная рука не повиновалась ему, – ... вон там... сказал мне...

Чиун подошел к окну выглянул наружу.

– Вот эта развалюха – храм? – спокойно проговорил он.

– Да, – подтвердил Смит, – Кажется, в честь Кали.

– Статуя там?

– Полчаса тому назад еще была там, – ответил Смит.

– Тогда Римо не мог умереть, – сказал Чиун.

– Но мне сказали... Авиакатастрофа...

Чиун медленно покачал головой.

– И все же Римо действительно угрожает смерть, – произнес он. – Поэтому я и ездил в свою деревню.

– Но зачем? – спросил Смит, – Не понимаю.

- Вот за этим.

И Чиун, вытащив руки из кимоно, показал Смиту потускневшее от времени серебряное колечко.

- За этим? - В голосе Смита звучало недоумение.

- Да. За этим.

Смит покраснел. Поездка Чиуна стоила черт знает сколько тысяч долларов, кроме того, ставила под угрозу безопасность организации - и все ради чего? Серебряного колечка, которое можно купить за двадцатку.

- Всего лишь за кольцом?

- Это не простое кольцо, император. Когда человек, похожий на Римо, последний раз надевал его, оно помогло ему совершить то, на что раньше у него не доставало мужества. Римо нужно сейчас то же самое, ведь у него тот же противник.

- О.Х. Бейнс? - Спросил Смит.

- Нет. Кали, - ответил Чиун.

- Чиун. Почему вы думаете, что Римо жив?

- Я знаю, что он жив.

- Откуда?

- Веду вы не верите легендам Синанджу, император, хотя множество раз могли убедиться в их правдивости. Но нет, вы верите только тем уродливым металлическим конструкциям, которые стоят у вас в офисе. Я могу, конечно, ответить на ваш вопрос, но вас все равно не убедить.

- Попробуйте, Чиун. Ну, пожалуйста.

- Хорошо. Когда вы решили использовать Римо в организации, его доставили ко мне практически мертвым. Задумывались ли вы над тем, почему я согласился тренировать белого, хотя всем известно, что они не в состоянии научиться ничему путному.

- Нет, - ответил Смит. - Как-то не задумывался.

Чиун оставил его ответ без внимания.

- Я согласился, потому что появление Римо подтверждает древние пророчества Синанджу. Согласно им некий человек будет возвращен к жизни, постигнет всю премудрость Синанджу и станет величайшим Мастером, какого когда-либо знал мир. И потом о нем скажут; что он не простой человек, а земное воплощение Шивы, Бога разрушения - Дестроер.

- И этот человек - Римо?

- Так гласит легенда.

- Но если Римо - этот самый бог Шива, почему он не может справиться с Кали? Отлупил бы ее хорошенько.

- Вы насмешничаете, - фыркнул Чиун, - потому что предпочитаете не понимать меня, но я все же вам отвечу. Римо - еще дитя в науке Синанджу. Мощь Кали превосходит его силу. Поэтому я привез кольцо. Я верю, что оно сделает его достаточно сильным, чтобы победить и остаться жить. Когда-нибудь он непременно станет великим Мастером Синанджу. А до тех пор я буду его учить.

- И только эта легенда заставляет вас думать, что Римо жив? - спросил Смит.

Лицо Чиуна выразило крайнее отвращение, такое выражение могло быть у человека, которого попросили научить высшей математике орангутанга.

- Да, только она, - отрезал кореец и отвернулся. Для Смита это было уже слишком. С печалью в сердце признал он, что Чиун обманывает себя, цепляясь за предание, как утопающий за соломинку, потому что боится посмотреть правде в глаза и признать, что его ученик мертв. Но все живое умирает, разве старик не знает этого?

- Я должен вызвать полицию, - произнес Смит. - Пусть арестуют всех там, в ашраме.

- Нет, - категорически заявил Чиун. Смит все же направился к телефону, но Чиун, схватив его за руку, отвел обратно к кровати.

- Мы будем ждать Римо, - произнес Чиун ледяным голосом. - Это его битва, а не полиции.

И Харолд Смит согласился ждать.

#Глава двадцать третья#

Все время, что Римо и Айвори добирались в такси из аэропорта в центр Нового Орлеана, Римо держал девушку за руку. Настоящим чудом для него было не чудесное спасение в катастрофе, а то, что он снова встретил Айвори.

В первые секунды после взрыва охваченный паникой пассажирский салон самолета Эйр Эйша являл собой жуткое зрелище. Пристязной ремень Римо не расстегнулся, и его швырнуло из стороны в сторону в числе тех пассажиров, которые оказались в таком же положении, что и он, и теперь, истерически вопя, неразумно пытались

освободиться от спасательных ремней.

Римо поспешил перебраться к огромной зияющей дыре, где раньше находился кокпит, и закрепившись там, не давал людям скатываться в темную бездну.

Самолет падал в озеро. У тех, кто пережил взрыв, еще оставался шанс выжить, надо было только сохранить хладнокровие. Каждый нерв, каждый мускул Римо был напряжен до предела. Не было времени ни предаваться ужасу, ни впадать в гнев, хотя не оставалось никаких сомнений: взрыв не несчастный случай.

Приглушенное урчание, которое он слышал при взлете, доносилось из багажного отделения, а вовсе не из отсека, где находились двигатели. Римо сразу понял, что подложена бомба. Какому-то безумцу удалось проташить на самолет взрывное устройство.

Он думал об этом безумце даже в последние секунды перед тем, как самолет упал. Почему эта мысль не пришла ему в голову раньше? Все проще простого. Кто-то хотел его смерти, и этот кто-то ни в грош не ставил человеческую жизнь, обрекая вместе с ним на гибель сотню невинных людей.

Этим человеком мог быть только О.Х. Бейнс. Римо подхватил пожилую женщину, скользившую по проходу к зияющей дыре, и держал ее, не отпуская. Он глянул вниз. Двенадцать футов. Шесть. Удар.

Самолет рухнул в озеро, как ненароком выпавшее из рук яйцо шлепается на кухонный стол. Почувствовав, что самолет держится на воде, Римо опустил пожилую даму в кресло и освободил запутавшуюся в ремнях стюардессу.

- С вами все в порядке? - спросил он ее

Девушка находилась в шоке и смотрела на него невидящим взглядом, явно не понимая, что случилось. Римо решительно надавил указательным пальцем на нервный центр, расположенный сзади на ее шее.

Глаза ее приобрели осмысленное выражение, и она кивнула.

Люди в салоне кричали, пытаясь освободиться от ремней, и отталкивая друг друга, лезли к выходу.

- Отлично, - сказал ей Римо. - Тогда помогите этим людям. Раздайте плавательные пояса или что там у вас есть. Пусть все, кто может, выйдут наружу. Мне нужно место для работы.

Стюардесса поднялась на ноги.

- Мы погибаем! Погибаем! Тонем - вопили пассажиры.

Римо возвысил голос, заглушая крики

- Замолчите и слушайте! Никто не погибает и не тонет. Вы будете по одному покидать салон, и прежде чем самолет уйдет под воду, все вы будете в безопасности. Надо только делать то, что скажет вам эта молодая леди.

- А вы что будете делать? - опросила стюардесса.

- Хочу посмотреть, нет ли кого живого в отвалившейся части. Если смогу, конечно.

И повернувшись спиной, Римо нырнул в холодную черную воду озера. Вынырнув, он услышал позади ровный голос взявшей себя в руки стюардессы, она призывала пассажиров захватить амортизированные воздушные подушки и, используя их как спасательные пояса, по одному выбираться из самолета.

Ярдах в пятидесяти что-то торчало из воды и Римо поплыл туда почти в полной темноте, его движения отличались от стиля рвущихся к победе пловцов-профессионалов, - он скользил в воде, как рыба - так плавно и незаметно, что, гляди кто-нибудь с берега, ничего, кроме легкой зыби, тот человек не увидел бы.

Подплыв ближе, Римо убедился, что торчавший из воды предмет был кокпитом. Он неуклонно погружался в озеро Потсартрейн. И через минуту-другую должен был полностью скрыться под водой

Нырнув снова, Римо заплыл внутрь исковерканного взрывом обломка 1

Оба пилота так и остались сидеть у приборов. Видя в темноте не хуже рыбы, Римо разглядел, что у летчиков были открыты глаза и рты. Помочь им было уже нельзя, оставалось только надеяться, что смерть настигла их мгновенно. Они не заслуживали такого конца

Римо все труднее становилось справляться с нарастающим гневом. Самолет разорвало надвое как раз за кабиной пилотов. Все пассажиры остались в той части, которую только что покинул Рима, в чем он и убедился, заглянув в каждый уголок носовой части. Давление воды нарастало вместе с погружением исковерканного куска металла, и Римо, не задерживаясь больше йод водой, вынырнул на поверхность.

На берегу уже замелькали огоньки машин аварийных служб и скорой помощи. Сверху доносился нарастающий шум вертолета.

Прекрасно. Помощь подоспела. Оглядевшись, Римо не увидел плавающих в воде тел,

помощь здесь никому не была нужна.

Поплыв назад, к хвостовой части развалившегося самолета, он видел, как стюардесса торопливо руководила эвакуацией людей. Один за другим те погружались в воду.

Но обломок самолета неуклонно кренился, каждую секунду он мог пойти ко дну. Быстрым плавным движением Римо скользнул к нему и, подтянувшись, забрался внутрь.

- Как дела? - спросил он стюардессу.

- Одного я упустила, - ответила девушка. Слезы струились по ее лицу. - Маленького мальчика. Он потерял свою подушечку и пошел ко дну. И я ничего не смогла сделать. - Продолжая высаживать пассажиров, она обливалась слезами.

- Посмотрим, что тут можно сделать, - сказал Римо.

Выдохнув воздух, он камнем пошел под воду. Опускаясь, он непрерывно раскручивался спиралью Синанджу, что давало возможность обзирать пространство на все 360 градусов. Вот она знаменитая спираль Синанджу! Только в таких случаях и надо ее применять. На пользу людям. А он в предыдущий раз с ее помощью убил невинную птицу.

В нескольких футах в стороне покачивалось что-то темное и безжизненное. Мальчик! Римо подхватил его и прямо-таки взвился на поверхность.

Втащив мальчика в салон, Римо усадил его в кресло.

- Ой, вы его вытащили... О-о...

Стюардесса не могла найти слов. В самолете теперь остались только те шестеро человек, что потеряли сознание при взрыве - они безжизненно перекачивались в креслах.

- С ним все будет в порядке? - спросила стюардесса.

- Забирайте спасательный пояс и прыгайте, - ответил Римо, с силой нажимая мальчику на солнечное сплетение.

Тот уже не дышал, но времени прошло еще мало. Шанс спасти его был. Захватив пальцами кожу, Римо теребил ее.

- Он умер? - спрашивала стюардесса и горестно ответила сама: - Да, умер.

Но тут из открывшегося рта мальчика полилась вода, смешанная с желчью. Мальчик стал судорожно ловить ртом воздух, а потом сделал глубокий вдох.

- Теперь; все будет хорошо, - ответил девушке Римо. - Берите его с собой.

- Он, передал мальчика стюардессе, которая крепко обняв мальчика и, прихватив с собой надутую воздухом подушку, осторожно соскользнула в воду.

Отличная девушка, подумал Римо, двигаясь по проходу. Заслуживает, по меньшей мере, медали.

Вода, постоянно поднимаясь, была уже выше пояса, и он знал, что через несколько минут эта часть фюзеляжа окажется под водой.

Все шестеро пассажиров не приходили в сознание, и даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять: с такими серьезными нарушениями жизнедеятельности Римо в одиночку не справиться.

Но он не должен дать им утонуть.

Римо вспомнил, что часто видел в хвостовой части самолетов комплекты по оказанию первой помощи, и отправился под водой в задний отсек, где действительно нашел большой металлический контейнер. Тот был плотно закрыт, но Римо оторвал крышку и ощутил под пальцами резину. При ближайшем рассмотрении эта резина оказалась надувным, спасательным, плотом.

Римо выплыл с ним на поверхность.

За это время, вода в салоне поднялась еще на фут.

Римо дернул за рычаг, и плот с шумом стал надуваться. Протасив плот сквозь металлическую рваную дыру, Римо спустил его на воду. Потом перенес по одному пассажиров и каждого бережно поместил на плот. Уложив на ярко-желтую поверхность последнего, он оглянулся и увидел, как торчащий из воды серебристый сигарообразный обломок вдруг дернулся вверх в последнем порыве и затем окончательно погрузился; в; воду.

Шум работающего мотора сказал ему, что приближается катер. На расстоянии пятидесяти футов, прижимая к себе изо всех сил мальчика и надувную подушку, держалась на воде стюардесса. Римо подтолкнул к ней плот.

Он хотел забрать мальчугана, но девушка не разжимала объятий, только, после того, как Римо сказал: Это же я. Все хорошо, - она узнала его и передала ребенка, которого Римо тоже положил на плот.

- Вы, потрясающая девушка, - сказал ей Римо и, снова нырнув, поплыл - на этот раз, к берегу.

Он не хотел, чтобы его, спасали, брали интервью - в его планы не, входило, чтобы, его видели. Кроме того, лучше, если О.Х. Бейнс будет думать, что Римо, погиб.

Он поплыл в сторону от толпившихся на берегу людей, освещавших прожекторами гладь озера, на сотни ярдов; лучи выхватывали из темноты лица уцелевших счастливиц. На твердую почву Римо выбрался, убедившись, что останется незамеченным и не попадет в луч прожектора.

И остолбенел от удивления, не веря своим глазам.

Перед ним стояла Айвори. Напряженное, взволнованное лицо, белый костюм измят.

- О, Римо, - только и сказала она, бросившись в его объятия. - Я так и знала, что найду тебя.

Поцеловав ее, он испытал непередаваемое чувство восторга. Вот почему я остался жив, думал он. Угрызения совести из-за того, что по его, пусть невольной, вине погибли люди, отошли на задний план. Он жив, и Айвори снова с ним.

- Как ты узнала, что я здесь, - спросил он.

- Не могу объяснить. Сначала просто надеялась, что нам повезет, и мы как-нибудь да встретимся, а потом самолет взорвался, и я прибежала сюда - ноги сами привели.

- Теперь я рад, что ты опоздала на самолет, - сказал Римо, крепко обнимая ее. - Пойдем отсюда, пока здесь не собрались толпы.

- Но ты весь мокрый. Еще простудишься.

- Об этом не беспокойся.

На стоянке Римо сел в первую попавшуюся машину. Водитель оставил ключи под передним сиденьем. Отъезжая от аэропорта и медленно минуя полицейские ограждения, контролирующие проезд туристов, он, повернувшись к ней, сказал:

- Мне нужно кое-что рассказать тебе о статуе.

- О какой статуе?

Ее удивление было неподдельным.

- О той, что ты разыскивала в Новом Орлеане. Я знаю, где она находится.

- Как? А почему ты?..

- Долгая история, - отмахнулся он. - Я еще раз побываю в том месте, и когда покончу с делами, ты сможешь ее забрать.

- Ас владельцем разве не надо переговорить?

Римо хотел сказать, что никто не может владеть Кали, но вовремя одумался. Айвори и так много пережила, не зная, жив он или нет. Зачем еще больше усложнять ей жизнь?

Вместо ответа, он нежно коснулся ее колена.

- Ничего не понимаю, - проговорила она, и Римо понял, что она имеет в виду.

- Я тоже, - признался он. - Ведь я почти не знаю тебя и однако... Он не закончил фразу.

- Может, мы знали друг друга в предыдущей жизни, - улыбнувшись, предположила Айвори.

- Не говори мне, что ты родом из Ньюарка, - сказал Римо.

- Нет, конечно. Я росла в Шри-Ланке. Все мои предки жили там. Но училась я в Швейцарии и Париже. А может ты?..

Римо покачал головой.

- Не думаю, что у нас было похожее окружение. Кстати, где находится Шри-Ланка?

- Недалеко от Индии. Раньше наша земля называлась Цейлон.

- Цейлон?

Он так долго не отрывал от нее взгляда, что чуть не съехал с дороги.

- Ты там бывал?

- Нет. Просто мне стало немного страшно. Я все-таки хочу сказать тебе, Айвори, одну вещь про эту статую.

- Скажи.

- Всякий раз, когда я смотрю на нее, за ней проступает еще одно лицо. Я уверен, что оно - твое. Но та женщина всегда печальна и плачет.

- Ты хочешь таким образом польстить мне? Сравнивая со статуей, которой две тысячи лет?

- Не со статуей, - возразил Римо. - За статуей или над статуей иногда возникает другое лицо, оно парит в воздухе. Твое лицо. Я... Нет, лучше забудь все, что я говорил.

Она погладила его по руке.

- Ты здоров, Римо?

- Прекрасно себя чувствую. Просто вычеркни из памяти все, что я говорил тебе о

статую и том лице, хорошо?

- Хорошо, - шепнула она, нежно целуя его в щеку. Но сам-то он не мог ничего забыть. Лицо, проступающее над каменным ликом Кали, было лицом Айвори. Сомнений не было.

Айвори - Плачущая женщина.

#Глава двадцать четвертая#

В углу кабинета О.Х. Бейнса стояло нечто запакованное, пяти футов высотой, но Холли, с трудом дотащившаяся до ашрама, даже не посмотрела в его сторону. Слезы ручьем лились по ее лицу, голос срывался.

- Он ушел от нас, - проговорила она дрожащим от волнения голосом.

- Бен Сар Дин?

- Нет. Он мертв. Тот, которого Кали велела убить, человек с портфелем. Он ушел. О.Х. Бейнс вопросительно глядел на нее, и девушка выдавила наконец из себя:

- Все наши люди погибли.

- И Джош? - спросил Бейнс. - Мой сын погиб тоже?

- Мне очень жаль, - ответила девушка. - Никто, кроме меня, не уцелел. Все было просто ужасно. Агенту помог страшный человек - азиат, он бросился ему на выручку. То, что он сделал с нашими людьми - просто неслыханно по своей жестокости.

Бейнс сидел за столом, держа в руке карандаш. При известии о смерти сына карандаш замер в его руке, но через минуту он бросил его на раскрытый справочник и встал.

- Пора сматываться, - сказал он. - Здесь нельзя больше оставаться.

- А куда нам идти? - спросила девушка плачущим голосом.

- Кали позаботилась, - ответил Бейнс. - У меня куча билетов на рейс Эйр Эйша.

Что ты думаешь к примеру, о Гонконге?

Она силилась улыбнуться сквозь слезы.

- Гонконг? В самом деле?

- А почему бы и нет. Воспользуемся этими билетами, обоснуемся там, воздвигнем новый храм - больше этого. И начнем все сначала.

- А убивать будем? - нерешительно спросила девушка.

- А как же, - заверил ее Бейнс.

- Тогда Кали будет довольна, - удовлетворенно заметила Холли.

- А то, что хорошо Кали, хорошо и нам, - подытожил Бейнс.

- Это мне понятно, Главный фанзигар. - Она нахмурилась. - Но вы не можете оставаться Главным фанзигаром.

- Почему?

- Тот, кто был нашим Святым, мертв. Значит, теперь наш Святой - вы.

- Согласен. А ты будешь Главным фанзигаром, - сказал Бейнс, проверяя наличие денег в бумажнике.

- Я? Но ведь я женщина?..

- Ну и что? Кали это оценит правильно. Ее можно назвать первой феминисткой.

Видя, с какой серьезностью Холли Роден кивнула, Бейнс с трудом удержался от смеха.

- Вы полетите со мной?

- Мы встретимся в Гонконге. Мне нужно внутренне подготовиться к миссии Святого. Думаю, надо уединиться в горах для медитации.

- Я родом из Денвера, - сказала Холли. - Если вам нужно пристанище...

- Спасибо. У меня есть здесь в горах поблизости один укромный уголок. Что может быть лучше горного колорадского воздуха - он-то и поможет мне подготовиться к новому жизненному служению.

Обняв девушку за плечи, Бейнс прибавил:

- А ты собирай всех, кто остался, и валяйте в аэропорт.

- А как же Кали? Нужно подготовить ее к путешествию.

- Нет. - В глазах Бейнса появился стальной блеск. - Я сам упакую статую.

- Но...

- Не будем зря тратить время, - отрезал Бейнс. - Мы в окружении неверных. Надо торопиться.

- Я сейчас же всех соберу.

Уже через пять минут с улицы донесся автомобильный гудок. Бейнс выругался про себя. У этих малолетних идиотов не хватает ума даже на то, чтобы парковать машины у черного хода.

Взяв стоящий в углу и замотанный в ткань большой предмет, Бейнс поволок его к двери.

Кроме Холли в живых осталось только шестеро душителей, они набили серебристый полосатый пикап до отказа – точь-в-точь сельди в банке. Юнцы пели, сотрясая своим хором автомобиль.

– Тише, вы! – рявкнул Бейнс, открывая заднюю дверцу. – Вы что, хотите, чтобы полиция накрыла вас, не дав добраться до аэропорта?

– Плевать нам на полицию. Мы убиваем для Кали.

– Убивай! Убивай!

Бейнс заехал ближайшему певцу в ухо.

– А вот мне не плевать. Здесь до черта полицейских, так что будем считать, что тема эта закрыта.

Бейнс протиснул тяжелый предмет вперед и привалил к переднему креслу. Сидевшей за рулем Холли он вручил несколько авиационных билетов.

– Будь осторожнее и береги Ее, – напутствовал девушку Бейнс. – Это Кали.

– Жизни не пожалею, Главный фанзигар, – пылко пообещала девушка.

– Не то говоришь. Теперь ты – Главный фанзигар. А я – Святой. Она робко кивнула.

– Да хранит тебя Кали, Святой!

– Счастливого пути. Главный фанзигар, – сказал Бейнс.

Смит отошел от окна и заторопился к двери.

– Они уезжают, – бросил он.

– Но Риме еще нет, – сказал Чиун.

– Пусть Риме остается статуя, – решил Смит. – Но черт меня возьми, если я дам уйти этим убийцам.

Он уже был на полпути к лестнице, когда Чиун последовал за ним. Все-таки император Смит еще очень слаб, думал кореец, одному ему придется туго.

На улице Смит остановил такси.

– Следуйте за этим пикапом, – сказал он, садясь в машину. Чиун в ярко-бирюзовом кимоно протиснулся следом.

– Как бы не так, мистер, после дождичка в четверг. Желтая рука с силой вывернула таксисту шею – такой боли тот никогда еще не чувствовал.

– Император попросил следовать за автомобилем, что впереди нас. Согласен ли ты оказать ему эту услугу?

– Конечно, император, – пискнул водитель.

– Тогда действуй, и пусть глаза твои будут открыты, а рот закрыт.

– А ну, успокойтесь и замолчите, – приказала Холли своим подопечным.

Ей нравилось быть Главным фанзигаром. Отдавать приказания, решила она, и есть ее стихия.

– Мы едем в аэропорт! – выкрикнула она. – Мы увезем Кали в Гонконг.

– А на что мы будем жить?

– Будут ведь на самолете и другие пассажиры, – сказала Холли. – Кали обо всем позаботится.

Чувствуя себя отлично после своего первого начальственного выступления, Холли у первого же светофора приказала одному из душителей перебраться вперед и сменить ее за рулем.

– Главному фанзигару следует прежде всего заботиться о Кали, – сказала она, перемещаясь на сидение пассажира и обхватывая рукой завернутую фигуру. – Ой, что там такое?

Из живота статуи что-то торчало.

– Может, у нее выросла еще одна рука, – предположила Холли, разворачивая холст.

– Если так – это хороший знак. Кали одобряет наш переезд в Гонконг.

В возбуждении она сорвала остатки ткани и недоуменно уставилась на статую.

– Что там, рука? – кричали сидящие сзади душители, пытаясь разглядеть, что же такое стряслось со статуей.

– Нет. Это... часы.

Холли коснулась пальцем диска, вмонтированного в живот статуи.

– А что делают часы на животе Кали? – спросил один из душителей.

Холли, как могла старалась скрыть свое удивление и важно произнесла:

– Святой консультировался со мной по этому поводу. По его мнению, так будет легче пройти таможню и вывезти Ее из страны.

– Хорошая мысль, – похвалил задавший вопрос юноша.

– Да здравствует Святой! – проорали некоторые душители.

– Да здравствует Главный фанзигар, – выкрикнула Холли, видя, что никто другой

не догадывается этого сделать.

Интересно, почему на животе Кали оказались часы, размышляла Холли, внимательно осматривая их. Сзади ее единомышленники продолжали петь хвалу Бейнсу, но ее это почему-то раздражало.

- Как глупо поступил Святой, - сказала она. - Даже время поставил неправильно.
- Сейчас девять часов четыре минуты, - уточнил кто-то.

- Спасибо, - поблагодарила Холли, передвигая стрелки на циферблате. - Девять, одна, девять две, девять три, девять...

Статую разнесло на куски, один из которых разможил голову водителю. Почти сразу же последовал взрыв в двигателе - машина запылала. Холли отбросило в кустарник, окружавший чей-то газон. Значит, Кали не хочет в Гонконг, мелькнуло в ее сознании.

Лежа на земле позади живой изгороди, Холли чувствовала, что умирает. И тут она вдруг поняла, почему гибнет и кто - причина ее гибели. Она хотела все рассказать, но из ее раскрытого рта текла кровь. С невероятным усилием она пошевелила пальцами, не понимая, есть ли еще они у нее. Пальцы пока повиновались ей. Тогда она стала выводить прямо на земле кровавые каракули.

- К... - написала она первую букву. Усилие утомило ее, но она продолжала: - О... И еще одну нацарапала: Л...

Силы были на исходе. В эти последние мгновения она не могла даже пропеть: - Убивай для Кали. И все же она улыбнулась, ибо знала, что Кали мила и ее собственная смерть.

Взрыв был настолько мощным, что следовавшее за пикапом такси завертелось посреди мостовой.

У Смита перехватило дыхание при виде тел, вылетающих из охваченной пламенем машины, как жареная кукуруза выпрыгивает с раскаленной сковородки. Чиун уже выбрался из такси и спешил к месту катастрофы. Смит последовал его примеру, как только его рефлексы заработали снова.

Они извлекли из огня пять изувеченных юношей. Улицу прорезал свет фар, и завывла сирена - приближалась полицейская машина.

Юноши, и умирая, пели.

- Убивай!

- Убивай для Кали!

- Мы умираем, и ей это приятно.

- ...приятно.

Смит взглянул на Чиуна. тот покачал головой, как бы вынося им смертный приговор. Не выживут.

- Император... - начал Чиун.

- Не сейчас, Чиун. Подождите, - оборвал его Смит. Склонившись над одним из сектантов, он наставил на него авторучку. - Кто ваш вождь?

- Святой. Бен Сар Дин.

- Неправда, - возразил лежащий рядом юноша. - Бен Сар Дин покрыл себя позором. Теперь у нас новый Святой.

- Как его имя? - спросил Смит.

- Бейнс, - гордо произнес душитель. - Он всем пожертвовал ради Кали. И мы повинuemся ему.

Порывшись в кармане юноши, Смит вытащил авиационный билет.

Как только полиция и скорая помощь подкатили с воем к месту происшествия, Смит увлек за собой Чиуна к тротуару, где они смешались с толпой зевак, окруживших горящий автомобиль.

- Прости меня, император, - сказал Чиун. - Я не хотел мешать, когда вы угрожали этим кретинам вашей авторучкой...

- Это микрофон, - перебил его Смит, нервно поглядывая, как полицейские загружают пострадавших в машину.

- Пусть так, - продолжал Чиун. - Просто я думал, вам будет интересно знать, кто к нам идет.

- Кто же?

Смит покосился в ту сторону, куда указывал Чиун. Мимо полицейских машин к ним бежали двое. Один из них был Римо.

Римо медленно обошел место происшествия и все оглядел.

- Вас нельзя оставлять одних ни на минуту - тут же все перевернете вверх дном.

- Может, если бы вы, Римо, больше занимались делами... - начал Смит.

- Я не бездельничаю. Только что меня пытались взорвать в воздухе, - прервал его Римо. - Во всяком случае, все это заставит нас извлечь уроки.

- Какие уроки? - спросил Смит.

- Пожалуй, стоит подписать петицию Чиуна. Эти убийцы-любители только и умеют, что устраивать настоящие мясорубки.

- У меня как раз при себе есть одна, - заторопился Чиун, засовывая пальцы с длинными ногтями под кимоно.

- Нет, нет, - взмолился Смит. - Мастер Синанджу, пожалуйста, не надо. Вопрос о петиции мы обсудим позже.

- Думаю, люди, что стоят здесь, захотят ее подписать, - с надеждой произнес Чиун. - Шум и суета должны вызывать у них инстинктивное отвращение.

Он уже начал заинтересованно оглядываться, но тут Смит, пошатнувшись, стал оседать на тротуар. Римо удержал его.

- Что случилось, Чиун? - спросил он.

- На императора сегодня напали эти негодяи. Он скоро поправится.

- Со мной уже все хорошо, - произнес Смит, отстраняясь от Римо. Проявив человеческую слабость, он испытывал явное смущение. - Вот покончим с О.Х. Бейнсом, и мне станет совсем отлично.

- Я его вычислил, - сказал Римо. - Это он подsunул билет, когда я спал, а потом подложил и бомбу на самолет, чтобы разделаться со мной.

Тут подоспела запыхавшаяся Айвори, которой было трудно бежать на высоких каблуках. Оглядевшись и увидев, что есть жертвы, она положив руку на плечо Римо, спросила:

- Мы можем чем-нибудь помочь?

Смит холодно смерил ее взглядом, а потом отозвал Римо в сторону.

- Кто она такая? - потребовал он ответа.

- Моя знакомая.

- Как ты можешь приводить совершенно чужого человека сюда, когда здесь такое творится?

- Она ничего не знает.

- Надеюсь, - сказал Смит. - Но она видела нас втроем и...

- Римо, - позвала Айвори.

Она стояла у живой изгороди, лицо ее было мертвенно бледным. Он подошел, и девушка указала ему на тело Холли Роден. Тут подоспели и Смит с Чиуном.

- Она мертва, - определил Римо, послушав пульс.

- Под ногтями грязь, - сказал Чиун. - Она пыталась что-то написать на земле. - Он посмотрел на Айвори. - Как раз на том месте, где стоите вы, мадам.

Айвори прерывисто задышала и сделала шаг назад. Рядом с испачканным пальцем Холли стали видны нечеткие следы туфель на высоких каблуках.

- Про... простите, - прошептала Айвори.

- Ничего страшного, - успокоил ее Римо, обнимая девушку за плечи. Встретившись взглядом со Смитом, он прочитал в его глазах вызов.

Чиун опустился рядом с телом Холли, внимательно рассматривая землю.

- Можно разобрать только букву К, - сказал кореец. - Больше ничего.

- Не знаю, значит ли это что-нибудь, - сказала Айвори, - но я позвала вас по другой причине.

И девушка показала на левую руку Холли. Рука сжимала что-то, вроде камушка.

Чиун разжал руку и вытащил осколок в форме маленькой ручки.

- Неужели от статуи? - не выдержал Римо.

- Не может быть, - тяжело вздохнула Айвори. -

Только не это. Пойду посмотрю, нет ли других обломков поблизости. - И она пулей метнулась в толпу.

- Нет никаких сомнений, что это рука статуи, - сказал Чиун.

Смит внимательно оглядел обломок.

- О чем это вы?

- Обломок руки статуи, император, - объяснил Чиун. - О котором мы все время говорим. Рука Кали.

- Слава Богу, если с ней покончено, и больше не будет никаких разговоров о ее магическом воздействии, - сказал Смит. - Теперь остается только поймать Бейнса.

Смит передал обломок Римо, который небрежно произнес:

- Но есть еще одна проблема.

- Какая?

Римо поднес кусок обожженной глины к носу.

- Это другая статуя.

- Что? - вскричал Смит.

- Я ничего не ощущаю. Бейнс подменил статую. Это не Кали.

Воцарилось долгое молчание. Наконец Чиун мягко произнес:

- Но есть и еще другая проблема, Римо.
- Да? Какая же?
- Твоя женщина.
- Айвори?

Римо огляделся, но Айвори нигде не было. Он прочесал всю толпу вдоль и поперек, проник даже за полицейское оцепление, оглядев и груды лома, что осталось от автомобиля, но женщины нигде не было.

Стоя посередине мостовой, он громко позвал ее:

- Айвори!

Но никто не ответил ему.

Трое вернулись в ашрам. Римо надеялся, что Айвори отправилась туда в поисках статуи. Но там не было никаких следов статуи, Айвори или О.Х. Бейнса. Все они исчезли.

#Глава двадцать пятая#

- Айвори, - шепнул О.Х. Бейнс красивой женщине, лежавшей рядом в постели.

Сквозь стеклянную стену шале было видно, как в горах восходит солнце. Капли росы сверкали на вершинах высоких сосен, росших на склоне у горной долины, там, где в утреннем тумане вырисовывался домик Бейнса.

Великолепный рассвет, но он кажется еще великолепнее, когда лежишь рядом со смуглым телом, льнущей к нему Айвори. Бейнс был рад, что Айвори разбудила его.

- Как ты узнала, что я здесь? - спросил он, поглаживая тыльную сторону ее бедер.

- От девушки. Той глупышки с белокурыми волосами.
- Холли? Она сказала тебе?
- Конечно, нет. Она умерла. Но перед смертью нацарапала на земле К-О-Л... Я предположила, что у тебя есть укромное местечко в Колорадо.
- Умерла? Что ты такое говоришь?
- Не притворяйся, дорогой. Это ведь я ношу маски, помнишь? Во всяком случае, я стерла эти буквы туфелькой. Никто не знает, где мы.
- Хорошо, - сказал Бейнс. - Эта девушка начинала меня раздражать. Да и все остальное тоже - с их безумным пением и прочим. Но я остался в выигрыше. Помимо Джаст Фолкс у меня теперь две новые авиакомпании. Только бы федеральные агенты до меня не добрались.

Айвори грациозно поднялась и, подойдя к чемоданчику кремового цвета, открыла его.

- Пусть доберутся, с этим ты сможешь все начать заново в другом месте.

И она наклонила чемоданчик так, чтобы Бейнсу были видны стопки сто долларовых купюр.

- У меня для тебя тоже есть кое-что.
- Ждала, что ты это скажешь.

Бейнс выволок большой ящик из-за тахты в гостиной. Открыв его, он водрузил статую Кали на низкий столик перед стеклянной стеной, открывающей вид на обрыв на фоне затянутого облаками горного хребта. Статуя показалась ему настоящей Богиней, величественно и таинственно парившей в небесах.

- Она потрясающая, - тихо и проникновенно произнесла Айвори.
- Сколько хлопот из-за куска глины, - сказал Бейнс. - Я рад, что сбываю ее с рук.

Айвори удалилась в спальню, чтобы привести себя в порядок. Вернулась она уже в слаксах и теплом свитере.

- Собираешься выйти погулять? - спросил Бейнс.
- Да нет. Просто немного прохладно, - ответила она.
- Сядь и выпей чего-нибудь. - Бейнс налил ей и себе бурбону. - Все-таки ты удивительно красивая женщина, - сказал он, передавая бокал. Никогда не забуду, какой сюрприз ждал меня в том заброшенном доме, где мы встретились. Я-то думал, что имею дело с мужчиной.

- Я была закутана в плащ.
- А под плащом - ничего. Никогда еще меня не соблазняли подобным образом.
- Но раньше ты не был владельцем Кали, - сказала Айвори.

Самолюбие Бейнса было слегка уязвлено, и он в сердцах произнес:

- Что говорить об этом глиняном чучеле! Кстати, кто это выкладывает за нее такие денежки?
 - Никто. Она нужна мне. И моему народу.
- Бейнс загоготал.

- Твоему народу? Где же это находится твой народ?
 Она подняла на него спокойный взгляд.

- Моя родина в горах - в центральной части Цейлона. Статую сотворили руки моих предков, и теперь она по праву принадлежит их потомкам.

- Эта рухлядь?

- Советую тебе никогда не называть Кали так непочтительно.

- Ну вот, и ты туда же. Я дурачил недоумков, и они верили, что Кали волшебным образом доставляет им авиационные билеты. А ведь это делал я, каждую ночь собственноручно всовывая их статуе в пальцы.

- Но руки-то у нее выросли?

- Это был конек Сардины. Так и не понял, как он это делал, но получалось у него хорошо. И психов удерживало в рамках.

- Дело вовсе не в индусе.

- Ты что, действительно веришь в эту чепуху? - Бейнс не старался скрыть удивление.

- В отрастающие руки, в ожидание возлюбленного, в необходимость постоянных жертвоприношений? Да, вижу, веришь.

- На самом деле ты ничего не знаешь, - сказала Айвори. - Я шесть лет охотилась за ней.

- Не думай, что приобрела нечто стоящее - тебя ждет разочарование. Только взгляни. Старый хлам, которому место на помойке.

Девушка подошла к нему сзади, обнимая за плечи.

- Думаю, ты просто недостойн лицезреть ее красоту, - сказала она, потихоньку вытаскивая из кармана брюк шелковый желтый румал. - Видишь ли, Кали раскрывается только перед теми людьми, которых любит. Ты просто маленькое звено в нужной ей цепи, мистер Бейнс. Сомневаюсь, чтобы твоя судьба беспокоила ее.

И она затянула румал на его шею.

Номер 221.

#Глава двадцать шестая#

Разряженный горный воздух наполнил прохладой грудь Римо. Изменив принцип дыхания, мужчина сделал так, что его тело стало получать больше кислорода.

- Богом забытое местечко, - сказал он.

- А я-то думал, белые всегда восхищаются горами и снегом, - заметил Чиун. - И вечно кричат: назад, к природе, хотя никто так, как они, не склонен к обморожению и смерти от холода.

- Но уж Бейнс-то этого не закричит, - уточнил Римо. - Надеюсь, ты правильно определил расположение его дома.

- Четыре кучи металлолома в его офисе...

- Четыре компьютера, - поправил корейца Римо.

- Вот-вот. Именно эти четыре кучи металлолома определили, что тайный владелец этого дома - О.Х. Бейнс, - закончил фразу Чиун.

- Да. Владелец, - согласился Римо, - но этот владелец может уже валяться где-нибудь на пляже в Пуэрто-Рико.

Они карабкались вверх по каменному склону, туда, где на выступающей скале стоял небольшой, выстроенный в современном стиле охотничий домик. Стена, обращенная в сторону пропасти, была из цельного стекла.

Никто из них не заговорил о том, о чем думали оба: если Бейнс здесь, то с ним и статуя Кали.

Когда они вышли на дорогу, ведущую к дому, Чиун сказал:

- Я привез кое-что, Римо, это может пригодится. - Кореец запустил руку под кимоно. - Ты не спрашиваешь, как я съездил в Синанджу.

Римо весь напрягся.

- Не хочу сейчас думать об этом, папочка. Мне нужен Бейнс, а покончив с ним, я хочу сразу же убраться отсюда.

- А статуя?

- Ее может не быть в доме. Он мог ее куда-нибудь отправить, - сказал Римо.

- Ты действительно так думаешь? - мягко спросил Чиун.

- Нет. - Римо прислонился к дереву. - Ты прав, у этой статуи большая сила. Я не могу с ней совладать, и каждый раз, приближаясь к статуе, испытываю странные чувства.

Он прикрыл глаза.

- Что причиняет тебе такую сильную боль?

- Птица, - ответил Римо. - Обыкновенная птица, которую я убил. Но на ее месте мог быть человек. Я убил невинную птицу и принес ее в дар Кали. Я убил для нее.

- Это все уже было. И вот случилось опять, - сказал Чиун.

- А разве может быть иначе? Я бежал оттуда, Чиун. Хотел улететь в Корею, спрятаться под твоим крылышком. - Он весело рассмеялся. - Лу предан позору в истории Дома Синанджу из-за того, что сражался в цирке с тиграми. А я не способен даже бороться со статуей. Вот каков я на самом деле.

- Каков ты - покажут время и история, - сказал Чиун. - А вот что за подарок я тебе привез. - Из рукава кимоно старик вытащил серебряное кольцо и протянул его Римо. - Оно было на руке Лу, когда он швырнул статую Кали в море. Возьми его.

- Так ты за этим ездил в Синанджу? - спросил Римо. - Чтобы помочь мне? - Он вдруг почувствовал себя снова ребенком.

- Это мой долг учителя, - сказал Чиун, вновь протягивая кольцо.

Римо взял из рук старика кольцо, но оно не налезало ему ни на один палец.

- Буду держать в кармане, - решил Римо, благодарно улыбнувшись Чиуну. Тот верил, что серебряное кольцо может сотворить из труса мужчину, и Римо еще больше его за это любил.

- Ты не слабее Лу, - сказал Чиун. - Помни, вы оба Мастера Синанджу.

Римо хотел ответить, что никакой он не Мастер и никогда им не будет и что Чиун прав, называя его тупой бледнолицей бездарью. Кто такой Римо Уильямс? Неудачник из Ньюарка, города в штате Нью-Джерси, и никто больше. Но вслух он сказал:

- Ладно. Пошли дальше.

В шале они проникли бесшумно - через гараж. В доме стояла тишина. Казалось, дом пуст. О.Х. Бейнса они нашли в гостиной; тот лежал, раскинувшись, на диване в какой-то ненатуральной позе - глаза выкатились из орбит, изо рта свисал черный распухший язык, на шее - багровая полоса. Тело еще не остыло.

- Он мертв, - констатировал Римо и тут же внезапный приступ удушья охватил его.

Он почувствовал слабость в коленях, голова отчаянно кружилась. Заполнявший комнату запах рвался внутрь его тела, парализовывал мысли.

- Она здесь, прошептал Римо. - Статуя здесь.

- Где? - спросил Чиун.

Не глядя, Римо указал в тот угол комнаты, где стояла большая картонная коробка, тщательно упакованная и перевязанная, - готовая к дальнейшему морскому путешествию.

Но тут, по воле заключенного внутри коробки злого духа, узнавшего Римо, стенки коробки пали, уголки их задымились, и повалил густой дым. В считанные секунды плотный картон обратился в горсть золы, над которой гордо возвышалась статуя Кали. Римо взглянул на нее, и губы статуи раздвинулись в улыбке.

Римо рухнул на колени. Послышались шаги - кто-то шел из спальни. На звук шагов обернулся только Чиун.

- К нам гостя, Римо, - сказал он.

Резко повернул голову, а потом с невероятным трудом, дрожа всем телом, поднялся на ноги. Перед ним стояла Айвори. С ружьем в руках, но лицо ее не выражало решимости убивать, а в глазах застыли боль и печаль.

- Почему этим человеком оказалась именно ты? - спросил Римо.

Сердце его бешено колотилось.

- Тот же вопрос задаю себе и я, - тихо ответила девушка.

- Тебе не нужно больше лгать, Айвори. Может, я и не очень умен, но кое-что понимаю. Ведь это ты стерла то, что написала перед смертью девушка.

- Я не хотела, чтобы ты приходил сюда. И убивать тебя тоже не хочу.

- Однако именно это ты и попыталась сделать, подложив в багаж бомбу. Ведь ты знала, что сразу же после взлета она взорвется, - сказал Римо.

- Мне нужна статуя, - умоляюще произнесла Айвори. - Тогда я еще не знала тебя, Римо. А если бы знала, то не смогла бы убить.

- Но вот теперь собираешься, - Римо кивком указал на ружье.

- Нет. Только в крайнем случае. Послушай, Римо, статуя принадлежит жителям Батасгаты. В любом другом месте она принесет много зла. Кали - не добренькая богиня.

- Она будет сеять зло всюду, - вмешался Чиун. - Ее следует уничтожить.

- Но ведь саму Богиню не уничтожить, - возразила девушка.

- Конечно, нет, - сказал Чиун. - И все же она многие тысячелетия существовала вне человечества, пока не обрела дом в этой статуе. Пусть еще побродит бездомная, никого не убивая и не подбивая других на убийство. Статую нужно уничтожить.

- Вы ничего ей не сделаете, - решительно заявила

Айвори, глаза ее метнули молнию. - Уходите, и я не причиню вам зла. Я хочу только одного - увезти с собой статую. Дайте мне спокойно сделать свое дело, и

обещаю, – ни я, ни статуя никогда не покинем Батасгату.

– А жители деревни? Понимают ли они, что питает Кали? Чем она жива?

– Те, что мудрее других, понимают, – ответила Айвори. – Остальные просто хотят возвращения Богини на родину и все примут, как должное.

– Деревня потонет в крови, а потом опустеет – с последним жителем. А статуя найдет способ объявиться в другом месте, и зло пойдет гулять по свету, губя все, что встретится на пути, как погубило оно этих глупых ребятишек в Новом Орлеане.

– Все это не ваше дело, – сказала Айвори, но в глазах ее стояли слезы.

Теперь Римо знал наверняка: Айвори – Плачущая Женщина, это ее лицо наплывало на грубую маску Кали, этот призрачный лик никогда не покидал его.

– Айвори, – прошептала Римо, и взгляды их слились. – Я знаю, кто такие ты и я. Теперь знаю. Мне нет дела до статуи. Я люблю тебя. Уже два тысячелетия люблю.

Не отводя от него взгляда, девушка молча уронила ружье на толстый ковер и шагнула к нему.

– Я чувствую то же самое, хотя ничего не знаю.

– Две тысячи лет тому назад, – начал Римо, – мы были любовниками. Я был Мастером Синанджу, а ты жрицей Кали, и мы любили друг друга. Пока Кали не разлучила нас.

Произнесенное имя Богини заставило Айвори бросить взгляд на статую.

– Но я служу Кали, – произнесла она в смятении.

– Не служи ей больше, – попросил Римо. – Не оставляй меня и на этот раз одного.

– Он подошел к ней и поцеловал, и снова мир и покой воцарились в его сердце, и он опять очутился в прошлом, где жил спокойно в тихой долине. И его милая вновь была с ним, как тогда в былые годы, когда возлежала с ним на ложе из цветов.

– Уничтожь ее, – прошептала Айвори. – И как можно скорее, пока еще есть время. Сделай это для нас. Я люблю...

И она замолкла, словно оцепенев.

– Айвори, – позвал Римо, тряся девушку, но та, вскинув руки, пыталась сорвать с себя одежду.

Ее расширившиеся от ужаса глаза молили его о помощи. Айвори хрипела, задыхаясь и хватая Римо за руки, но тут конвульсии сотрясли ее тело, и она, обмякнув, упала в его объятия.

– Айвори! – вскричал Римо и, подняв девушку, непроизвольно оглянулся на статую. У той, словно лист из почки, пробивалась новая рука.

– Кали – ревнивая богиня, сын мой, – сказал Чиун. Взяв из рук Римо безжизненную Айвори, он плавно опустился на ковер, приняв позу лотоса, а тело Айвори осторожно положил рядом. О волнении старика говорили только руки, которые он сложил, как молящийся ребенок.

С губ корейца сорвался тихий стон. Римо тут же склонился к нему.

– Чиун? Что с тобой?

– Мне ... нечем дышать, тихо промолвил Чиун. Голова его упала на грудь, седые волосы трепетали, словно на ветру. Вдруг страшной силы судорога скрутила тело старика, и он откинулся навзничь, будто сраженный невидимой рукой.

Римо в страхе коснулся тела учителя, но тут же, выпрямившись, шагнул к статуе.

– Это твоих рук дело, – угрожающе крикнул он, приготовившись нанести ей сокрушительный удар ногой. Но нога почему-то не смогла дотянуться до головы статуи. Ноги подкосились, и Римо растянулся. Поднявшись, он решил сокрушить статую руками, но те безжизненно повисли, отказываясь служить.

Он снова повернулся к Чиуну, и тут у него от ужаса отвисла челюсть. На лбу Чиуна появилось небольшое синеватое пятнышко, и оно явно росло.

Кольцо! – вспомнил Римо и полез в карман. Но что с ним делать? На палец оно не налезает. Хватит ли одного его присутствия? Нашупав кольцо, Римо вытащил его из кармана. И держа перед собой, словно крест перед вампиром, снова двинулся к статуе.

Ноги с трудом передвигались. На душе была смертная тоска, будто на грудь положили могильный камень. Римо чувствовал себя совершенно опустошенным, и ему потребовалось собрать все свои душевные и физические силы, чтоб поднести ладонь с лежащим на ней кольцом к равнодушному и порочному лику идола.

На мгновение кольцо ярко вспыхнуло, и Римо подумал, что, возможно, кольцо Лу, подаренное тому любимой женщиной, может спасти и его. Но блеск быстро померк, крошечные трещинки побежали по кольцу, и оно стало плавиться, обжигая кожу и доставляя Римо мучительную боль.

Римо с воплем упал на пол. Он корчился от боли – невыносимой, пронизывающей все его тело, кожа ладони с шипением обуглилась. На его глазах у Кали отрастала

новая рука; тошнотворно-сладкий запах отвоевывал у комнаты метр за метром. Римо понимал, что сила кольца уступает черной энергии чудовищного изваяния.

С того места, где лежал Римо, был хорошо виден Чиун. В глазах старика отсутствовала та отчаянная мольба о спасении, какая была в глазах Айвори. Ни страха, ни обиды, ни ненависти... И Римо, позабыв о собственных мучениях, преисполнился жалости к учителю. Сердце его разрывалось от боли за него. Ввалившиеся, бесконечно старые глаза. На лбу росла и темнела голубоватая метка. Чиун умирал медленнее, чем делал бы это на его месте другой человек – ведь он контролировал каждое изменение в своем организме, – но все же умирал. И в глазах умирающего старика разливались свет и покой.

– Чиун, – шепнул Римо, силясь подползти к старому корейцу. – Если уж суждено умереть, пусть он умрет подле человека, который однажды вернул его к жизни. Но Римо не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Не мог даже оторвать головы от пола.

Он закрыл глаза, не в силах вынести вида гордого лица Чиуна, понемногу уступающего смерти.

А потом услышал голос.

Тот не шел извне, а рождался где-то в глубине его сознания. И был не столько голосом, сколько импульсом, несущим с собой резкий запах Богини – резкий и надоедливый. Римо подумал было, не пахнет ли то его обоженная плоть, но невыносимая боль и убежденность в том, что Чиун умирает, заставили его признать очевидное: Кали находилась внутри него, следила за ним и насмехалась. А потом заговорила с ним – как говорила за две тысячи лет до того с Мастером Лу.

– Твое наказание только начинается, – произнес голос, сопровождаемый смехом – высоким и звонким, словно позвякивало множество крошечных колокольчиков. – Я вернула ее тебе, потомок Лу, – сказал этот голос. – Та же самая женщина, но в другом теле. Так же, как и женщина Лу, она рождена, чтобы подарить любимому мгновение счастья. И обеих я быстро забрала к себе.

В голосе больше не звенели колокольчики – теперь в нем был металл.

– Ты мог бы любить меня, как любил в свое время Лу. Мог бы служить мне. Но ты предпочел умереть. И ты умрешь – как твоя женщина и как старик. Но ты будешь умирать дольше – здесь я превзойду сама себя.

Римо с усилием открыл глаза. Голос умолк. Чиун неподвижно лежал на боку. Он сдался. Ждал, что Римо спасет его, но Римо в очередной раз предпочел закрыть глаза.

– Нет, ты не убьешь его, – сказал Римо, делая отчаянную попытку подняться на колени.

Но тут поток невидимой энергии мощным ударом сотряс его грудь. Римо почувствовал во рту вкус желчи, но, пошатнувшись, все же удержался на ногах.

– Может, я и заслуживаю наказания, – прошептал он. – Может, заслуживал и Лу. Может, даже Айвори. Но Чиуна ты не получишь.

Римо выпрямился во весь рост. Боль в руке не унималась, голова кружилась, он был весь в поту. Ноги не двигались, но он все же стоял, зная, что никогда больше не опустится он на колени перед Кали.

– Фальшивый герой, – снова послышался голос. – Ты слаб, и учитель твой слаб. Все вы ничто передо мной!

– Но больше я не склоню головы, – возразил другой голос. Он был еще очень тих, зарождаясь где-то в стороне от сознания Римо, но все же звучал, и Кали слышала его.

– Нет, склонишь.

Резкая боль пронзила его живот. Из рта и носа брызнула кровь.

Но Римо устоял.

Кусочек расплавленного серебра вновь, зашипев, обратился в кипящую жидкость, обжигающую пальцы.

Римо продолжал стоять.

Теперь боль добралась до ушей – их, казалось, проткнули двумя раскаленными проволоками. Голову разрывал нечеловеческий визг, словно тысячи сирен включились одновременно.

Но Римо все же стоял, умиряя невыносимый шум своей волей. Сила возвращалась к нему. Подняв высоко голову, он твердо посмотрел в злобные глаза Богини.

– Ты не Лу, – произнес голос.

– Конечно, нет, – холодно ответил Римо, голос его отчетливо прозвучал в тишине комнаты.

– Но у тебя его дух.

– Не только его, – возразил Римо.

- Кто ты? - пронзительный голос, не нарушающий тишины комнаты, терзал его уши, как вопли профессиональной плакальщицы.

И он ответил голосом, идущим из дотопле неведомого уголка его существа. Голос произносил слова, которые были новостью для самого Римо, изрекая древнее пророчество Синанджу.

- Я - земное воплощение Шивы, Бога Разрушения - Дестроер, несущий смерть и ниспровергающий миры! Мертвый тигр снова на ногах, благодаря Мастеру Синанджу.

Римо двинулся к статуе, слыша внутренним слухом ее пронзительный испуганный крик.

Нанося невидимые удары, статуя молча сопротивлялась. Кожа на лице Римо кровоточила, но страха он уже не испытывал. Ему удалось ухватить статую за голову. Прикосновение обожгло его огнем. Скрытая внутри статуи сила оторвала его от пола и швырнула через всю комнату. Не удержавшись, он пробил стекло и с грохотом вылетел наружу, на солнечный свет.

Статую из рук он не выпустил.

Та билась в его руках как живая, принимая всевозможные формы, словно глина, из которой ее слепили, была еще мягкой. Руки ее кружили вокруг, пока ей не удалось наконец обвить шею Римо; она сжимала объятия все туже и, казалось, отравляла его своим ядом.

- Больше ты не испугаешь меня, - громко произнес Римо. - Я - Шива!

Он не мешал статуе обвивать себя многочисленными руками. Но сам в то же время изо всех сил сдавливал обожженными руками ее торс. Наконец из ее ноздрей повалил желтый дым. На некоторое время он затянул зловонной пеленой чистое небо Колорадо, а потом быстро растаял, как утренний туман.

Статуя лопнула в руках Римо. Куски ее он покидал с обрыва, слыша, как те глухо стучаются о камни, а голову измельчил в порошок и развеял по ветру.

Потом вернулся в дом. Свежий воздух врывается в гостиную сквозь разбитое венецианское окно - там уже не осталось и намека на мерзкий запах.

Римо с грустью опустился на колени рядом с Чиуном, с нежностью коснувшись лба старика, где все еще темнела синеватая точка.

Лоб был гладким и прохладным. Слезы струились по лицу Римо, и он вслух попросил богов послать ему такую же смерть, как Мастеру Синанджу.

Лоб под его рукой наморщился, ресницы задрожали, и раздался характерный визгливый голос Чиуна:

- Такой же смерти? Тебе придется ее долго ждать, если ты сейчас же не перестанешь терзать своей лапшей мою нежную кожу.

- Чиун!

Римо отпрянул от неожиданности. Старый кореец, как всегда, важно, не теряя достоинства, поднимался с пола, темное пятнышко на его лбу бледнело, а потом и совсем исчезло.

- Как тебе удалось остаться в живых?

- Как? - Карие глаза корейца расширились. - Как? В самом деле - как, учитывая, что ты вечно висишь на моей шее тяжелым камнем?

- Я?..

- Ты. А кто еще? - отгрызнулся Чиун. - Я уже одной ногой был в великом Ничто, а ты вел себя как обычно. То есть, ничего не предпринимал.

- Я...

- Тебе же говорили, что нужно делать с кольцом.

- Я все делал. Я держал его...

- Ничего ты не сделал, - сказал Чиун. - Я все видел.

- Взгляни на мои руки. - Римо протянул Чиуну свои обожженные ладони. Но теперь на них не было никаких следов. - Как же? Кольцо... Я сам видел... Оно плавилось... - Римо полез в карман. Там действительно что-то лежало. Римо извлек от туда старенькое дешевое колечко из серебра.

- А то кольцо? Оно что же, было только в моем мозгу? - недоверчиво спросил Римо. Чиун фыркнул.

- Да, не велико же оно было, если сумело уместиться там.

- Клянусь тебе, - уверял Римо.

Он чувствовал на руке под серебряным колечком еще что-то и убрал с ладони кольцо Лу. Там остались мелкие капельки - тоже в форме кольца. Римо попробовал их на вкус. Соленые. То были слезы.

- О, Айвори, - произнес Римо.

Он подошел к похолодевшему безжизненному телу женщины. Лицо ее было мокрым от слез.

Римо молча надел ей на палец серебряное кольцо.

Может, хоть это, подумал он, принесет наконец Плачущей женщине покой.

#Глава двадцать седьмая#

- Выходит, я Лу? - спросил Римо.

- Ну, не идиот ли ты? - сказал Чиун. - Конечно, ты не Лу. Тот мертв уже две тысячи лет. Неужели тебе до сих пор не ясно, кто ты, дурень ты несчастный?

- А как же Айвори? Плачущая женщина? И кольцо? Они умолкли, потому что в номер нью-йоркского отеля, где велась беседа, вошел доктор Харолд В.Смит и сел за большой письменный стол.

- Ну, так как же? - попытался Римо возобновить разговор. - Что скажешь обо всем этом? И о статуе. Ведь она говорила со мной.

И тут же перехватил настороженный взгляд Смита.

Чиун перешел на корейский.

- Подобные вещи не обсуждают в присутствии людей с таким ограниченным кругозором, как у императора.

- Прошу меня извинить, - начал Смит.

- О, достойнейший из достойных! Не обращайтесь внимания на мою болтовню. Я только попросил Римо умолчать о том, что может излечить его помутившийся рассудок.

- Что же? - потребовал ответа Смит.

- То, что облегчит его воспаленный разум и навсегда уничтожит видения, навеянные статуей. Тогда Римо целиком сможет отдать себя служению вам. Но я не хочу злоупотреблять вашим временем, о, император. Забудьте о том, что я сказал.

- Если я могу чем-то помочь... - неуверенно произнес Смит.

- Есть один пустяк, - продолжал Чиун. - Это, конечно, мигом исцелило бы Римо, но зачем вас посвящать во все эти мелочи?

Римо откашлялся.

- Если уж речь зашла об этом, то, думаю, пара недель на Пуэрто-Рико мне не повредит.

- Не слушайте его, император, - заторопился Чиун, незаметно для Смита давая пинка Римо. - Ему нужно совсем другое.

- Как ты можешь знать, что мне нужно?

Последовал пинок поувесистей.

- Сэр, этот парень мне как сын, даром что белый. И потому все его мысли для меня как открытая книга. Кому как не мне знать, что ему нужно?

- Вот как?

Голос Смита прозвучал еще более кисло, чем обычно.

- Именно так. Но все это так незначительно, что лучше уж я помолчу.

- Как вам будет угодно, - не возражал Смит.

- Больше всего на свете Римо хотел бы, чтобы в Синанджу, его вторую родину, поступали достойные дары, - быстро прибавил Чиун.

- Я этого хочу? - удивился Римо. Чиун оставил его слова без внимания.

- Пять мер золота - слишком мало: мой ученик испытывает чувство стыда. Смит вздохнул.

- Мне кажется, вы отказались от дополнительного вознаграждения, чтобы внеочередной раз посетить Синанджу.

- Совершенно верно, о, справедливейший и мудрейший. Но теперь не я прошу десять мер золота вместо несчастных пяти.

- Десять? Помнится, раньше речь шла о девяти, - сказал Смит.

- Да, о, всепомнящий. Но теперь не я прошу эти десять мер, а Римо.

- До сих пор я не слышал ни слова от него самого, - проговорил Смит.

- Он очень робкий и стеснительный, император. Но в душе мечтает только о том, чтобы жители Синанджу были одеты и сыты. Правда, Римо?

Кореец строго взглянул на ученика и незаметно для Смита ткнул длинным ногтем Римо в бедро.

- Ой! - вскрикнул Римо.

- Слышите, император? Этот крик вырвался у Римо в отчаянии - так он озабочен делами деревни. Если не пойти ему навстречу, он может тяжело заболеть.

Смит возмущенно вздохнул.

- Хорошо. Будем ежегодно посылать в деревню еще пять мер золота.

Чиун весь засиял от удовольствия.

- Он в восторге, император. Римо зевнул.

- Но нужно будет поступиться чем-то другим, - сказал Смит. - Придется, Римо, урезать ваши расходы.

- Естественно, император, - опять влез Чиун. - Ради такого важного дела Римо

снизит расходы на питание.

- Придется сократить и отпуск тоже, - сказал Смит.

- Погодите, - не выдержал Римо. - Могу я после того мерзкого отеля немного пожить на Пуэрто-Рико?

- Выбирайте, - предложил Смит. - Дополнительное золото в Синанджу или отдых на Пуэрто-Рико?

- Тут даже и думать нечего. Ой!

- Этим он хочет сказать, что безусловно предпочитает десять мер золота для жителей Синанджу, - сказал, склоняясь, Чиун. - Безусловно.

Смит вопросительно взглянул на Римо, но тут же согнулся от мучительного приступа боли. Он еще был не совсем здоров.

- Рад, что мы обо всем договорились, - сказал он.

- Временно договорились, - хмыкнул Римо. - Только временно.

Когда Смит удалился, Римо и Чиун продолжили разговор.

- А что случилось с Кали? Она мертва?

- Боги не умирают. Как я сказал той женщине, может пройти еще много столетий, прежде чем Кали вновь обретет земной дом.

- Надеюсь, - отозвался Римо. - У меня никак не выветрится из одежды ее запах.

В фешенебельном пригороде Денвера маленькая Кимберли Бейнс, сидя в детской, лепила фигурки из розового пластилина. Надев по совету бабушки поверх хорошенького платица фартучек, она трудилась аккуратно и вдумчиво.

Заглянув в детскую, миссис Бейнс пережила острый приступ радостного волнения - с тех пор как она взяла к себе Кимберли, оно почти не покидало ее. После смерти сына, невестки и внука жизнь превратилась для нее в сущий ад. Казалось - все, жить больше незачем, но вот появилась Кимберли, и ее смех вернул миссис Бейнс к жизни.

У детей есть изумительная способность к возрождению, психика их эластична. После того, как полиция разыскала Кимберли, бедняжка первое время ничего не делала, только пела что-то невразумительное. Но теперь все это прошло. Кимберли снова была нормальным ребенком и никогда не вспоминала о том ужасном месте, куда ее вместе с братом увезли родители. Дети легко забывают, думала миссис Бейнс, вот почему из их жизни не уходит радость.

Миссис Бейнс оставила Кимберли одну в детской, а сама пошла приготовить себе чашечку чая. Она поливала его, сидя перед телевизором, когда в гостиную влетела Кимберли - рот до ушей, кончик носа - в пластилине.

- Бабушка, посмотри, что у меня получилось!

- А-а, - сказала пожилая дама. - Меня приглашают присутствовать при торжественном завершении работ. Иду-иду. Самой не терпится поскорее взглянуть.

Но войдя в детскую, бабушка Бейнс испуганно заморгала. На рабочем столике Кимберли стояла вылепленная фигура зрелой женщины с пышным бюстом - высотой почти два фута. Выражение ее лица, нацарапанного на пластилине острым концом карандаша, было на редкость злобным. Но самое странное - количество рук.

Их было пять.

- А почему у нее столько рук, Кимберли? - осторожно спросила миссис Бейнс.

- Так ей легче будет отрашивать другие, неужели не понятно? - удивилась Кимберли.

- Ах... вот как, - улыбнулась миссис Бейнс. - Она... очень мила, дорогая.

В пластилиновой фигурке было нечто, что вызвало у пожилой дамы приступ неопределенного отвращения. Но ее вылепила Кимберли, а ребенка нельзя стеснять в самовыражении. Может, как-нибудь позже сама миссис Бейнс незаметно придаст этому лицу улыбку и сделает его посимпатичнее, пририсовав очки.

- Она просто прекрасна, - в восхищении произнесла Кимберли. - Это моя подруга.

- А у твоей подруги есть имя? - поинтересовалась миссис Бейнс.

- Да. Ее зовут Кали.

- Чудесно, - сказала миссис Бейнс. - А не поесть ли нам теперь мороженого?

- О, да, - согласилась Кимберли и, вложив ладошку в бабушкину руку, вышла с миссис Бейнс из детской.

Солнце село, и комната погрузилась в темноту. А на детском рабочем столике над карандашами, бумажными куколками и размазанным по столу пластилином возвышалась розовая фигурка, у которой только что начала пробиваться новая рука.